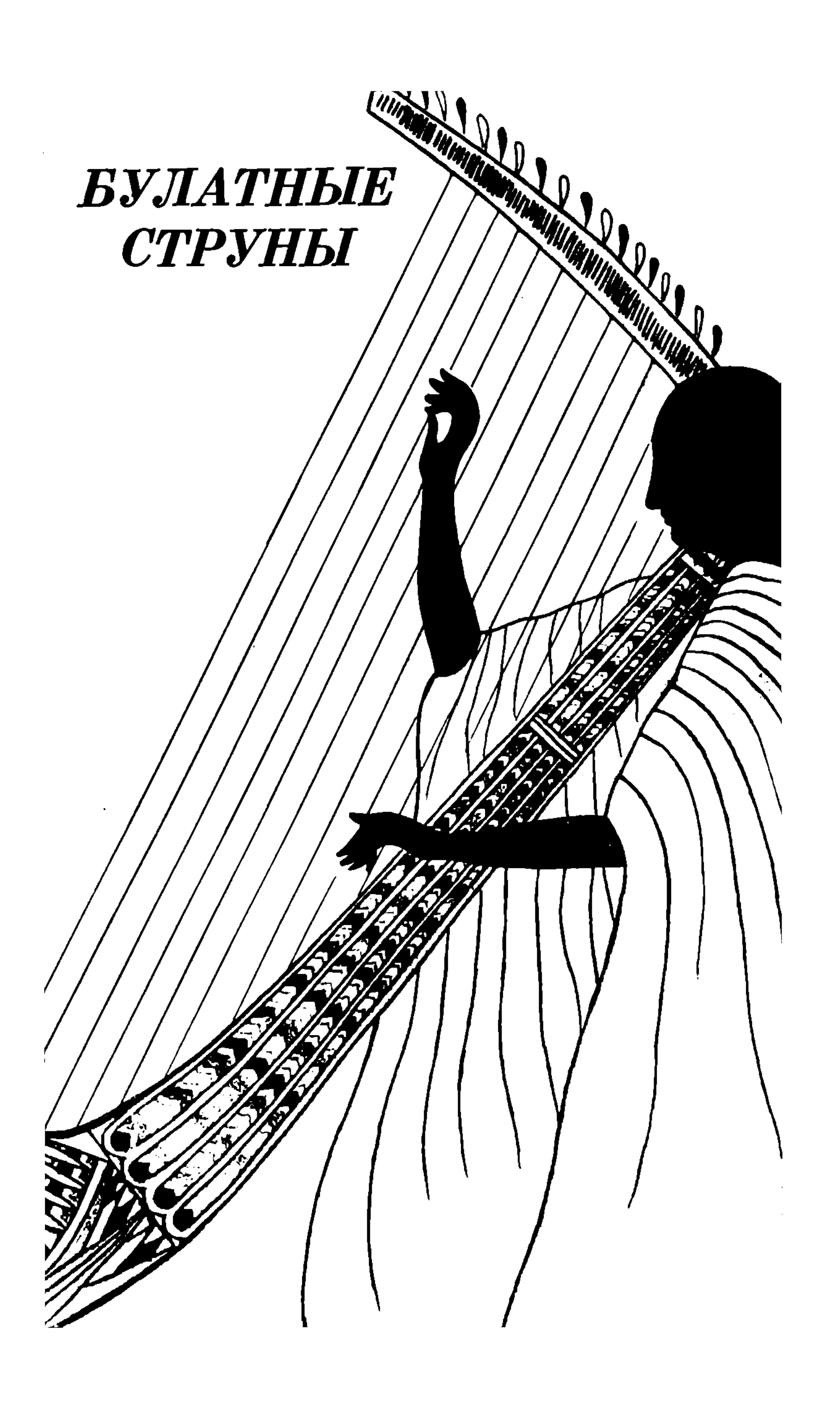

БУЛАТНЫЕ
СТРУНЫ

Statement

####################

The book was scanned and digitised as part of the Israeli & Syrian conflict studies, in particular to show the impact the Soviet union had onto these sovereign countries. The stories and opinions expressed in the book do not resemble those of the people digitising and studying the book

##########################

Б $\frac{70500-046}{078(02)-78}$ 275—77

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 1978

ПУБЛИЦИСТИКА

ГРАФИКА

БУЛАТНЫЕ

РАССКАЗЫ

СТИХИ

А. Агарышев

Ю. Селиверстов

СТРУНЫ

Фуад Хигази
Мохсен Юсеф
Али Зейн аль-Абидин аль-Хусейни
Самира Аззам
Гассан Канафани
Ханна Мина, Наджах Аттар
Абд ар-Рахман аль-Хамиси
Мурид аль-Баргуси

И(Араб.)
Б90

Б $\frac{70500-046}{078(02)-78}$ 275—77

Несколько слов о том, как сложилась эта книга.

Первая ее часть — это записки, очерки, дневник журналиста, много лет наблюдающего за проблемами арабских народов. Анатолий Аркадьевич Агарышев — сотрудник отдела Азии и Африки редакции газеты «Правда» в 1963—1966 годах, собственный корреспондент «Комсомольской правды» на Ближнем Востоке (1969—1975), в настоящее время член редколлегии, редактор отдела международной информации «Комсомольской правды». Он свидетель событий в ближневосточных краях, событий горьких, кровавых, но и обнажающих высокий дух подвига, живущий в народе, невзирая на происки агрессора.

Им написана документальная книга «Насер» («Молодая гвардия», серия «ЖЗЛ», 1975), которая была отмечена в АРЕ премией имени Насера.

Вторая часть книги «Булатные струны» — составленный А. Агарышевым сборник произведений арабских авторов.

А графическая серия Юрия Селиверстова — это, можно сказать, третья часть сборника; это не буквальные иллюстрации к тексту, а зримое рассуждение на ту же тему, столь острую в современном мире.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«По дорогам Сирии, Ливана, Иордании, Египта потянулись нескончаемыми потоками люди, бежавшие от захватчиков, оставившие свои дома, родную землю», — пишет автор «Булатных струн», рисуя картину, которую он наблюдал в июне 1967 года.

Уже не первый раз в наши дни на Ближнем Востоке можно было наблюдать такую картину. Еще в 1948 году, когда только что было образовано государство Израиль и когда в результате империалистических маневров была спровоцирована арабо-израильская война, закончившаяся захватом Израилем более половины территории, предназначавшейся для палестинского арабского государства, около 900 тысяч арабов были изгнаны со своих земель. Они были вынуждены покинуть места, где много веков жили их предки, и поселиться на территории Иордании, Сирии, Ливана, Египта и других арабских стран.

В результате агрессии Израиля против арабских государств в 1967 году, оккупации им новых арабских территорий и насильственного сгона с этих территорий коренных жителей — палестинских арабов — сотни тысяч человек были вынуждены покинуть родные очаги, лишиться родины.

Трагедия трехмиллионного палестинского арабского народа, живущего в изгнании, волнует всех честных людей.

В чем же истоки и причины этой трагедии?

Чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо сделать хотя бы краткий экскурс в историю.

Во время первой мировой войны, развязанной империалистическими державами ради передела мира, захвата новых колоний, между Англией и Францией было заключено соглашение (Сайкс-Пико, 16 мая 1916 года) о разделе турецких владений в Азии, согласно которому в Палестине должен был быть установлен международный режим. Однако Англия, хотя и заключила упомянутое соглашение, стремилась к единоличному хозяйничанию в Палестине. С этой целью в ноябре 1917 года была провозглашена известная декларация Бальфура, согласно которой в Палестине должен быть создан «еврейский национальный очаг». Это давало Англии возможность уклониться от выполнения соглашения в Сайкс-Пико. В дальнейшем Франция поддержала притязания Англии на Палестину, заручившись взамен этого ее поддержкой французских притязаний на Сирию. А в 1920 году Англия официально получила мандат Лиги наций на «управление Палестиной». Таким образом она получила «право» держать в Палестине свои войска, использовать по своему усмотрению местные вооруженные силы, осуществлять контроль над судебными органами и т. д.

При поддержке международных сионистских организаций английская администрация приступила к реализации идеи создания «еврейского очага», поощряя иммиграцию евреев и беспрекословно

предоставляя им палестинское гражданство. Для их расселения сионистские организации еврейских поселенцев скупали земли у местных арабских феодалов и сгоняли с них арабов-земледельцев, что служило причиной возникновения вражды между арабским и еврейским населением. В целом история английского правления в Палестине представляет собой яркий пример того, на какие подлые меры пускаются колонизаторы ради сохранения своего политического и экономического господства в колониях.

Население колониальных и зависимых стран, вдохновленное идеями Великой Октябрьской социалистической революции, поднималось на борьбу за свое национальное освобождение. Требования ликвидации английского мандата на Палестину и предоставления ей независимости выдвигались как ее арабским, так и еврейским населением, равно страдавшим от иноземного ига. Народные массы Палестины активно боролись против империализма и сионизма, о чем свидетельствует, в частности, восстание 1929 года. В нем наряду с арабами принимали участие и еврейские трудящиеся, которые видели своих врагов в лице английского колониализма, арабской и еврейской буржуазии

Стремясь ослабить антиимпериалистическую борьбу и направить ее в иное русло, английский империализм широко использовал в Палестине один из излюбленнейших своих методов — натравливание одних народов на другие, разжигание расовой, национальной и религиозной розни. «Разделяй и властвуй» — классическая формула империализма. Применяя этот метод, в равной мере направленный против интересов трудящихся арабов и трудящихся евреев, английская колониальная администрация действовала в тесном союзе с международными сионистскими организациями. Междоусобицу между арабским и еврейским населением провоцировали и подпольные организации сионистов типа армии «Хагана», созданной еще в двадцатых годах. Так империализм и его детище — сионизм закладывали основы своего классового союза, направленного против народов, борющихся за национальное и социальное освобождение.

В сороковых годах особый интерес к Палестине стали проявлять также США в связи с получением их монополиями нефтяных концессий в арабских странах, в частности в Саудовской Аравии. Ближний Восток стал занимать большое место в политике империалистических государств ввиду того, что на долю этого района приходится 60 процентов разведанных мировых запасов нефти капиталистического мира, что он расположен на путях коммуникаций между Востоком и Западом, что он имеет важное военно-стратегическое значение. В своем стремлении сохранить доступ к естественным богатствам этого района, обеспечить рынки сбыта, использовать его территории и население в своих человеконенавистнических планах развязывания новой войны империалисты делали все для того, чтобы остановить развитие национально-освободительного движения народов Ближнего Востока, не допустить отпадения этих стран от колониальной системы. При этом они возлагали надежды на то, что им удастся потушить накал антиимпериалистической борьбы, если вовлечь народы Ближнего Востока в бесплодную и кровопролитную борьбу вокруг палестинской проблемы.

После второй мировой войны, осенью 1947 года, вопрос о Па-

лестине был поставлен на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН. Советский Союз выступал за предоставление Палестине независимости и создание на ее территории демократического государства, в котором арабы и евреи пользовались бы равными правами. Позиция СССР предусматривала также и возможность создания на территории Палестины двух самостоятельных государств — арабского и еврейского, что отвечает принципу признания прав народов на самоопределение. В итоге многодневных обсуждений было принято решение (29 ноября 1947 года) об отмене английского мандата с 15 мая 1948 года, о разделе Палестины на два государства — арабское и еврейское.

Однако и после принятия этого решения империалисты делали все для того, чтобы сорвать мирное урегулирование палестинской проблемы. В результате их маневров сразу же после объявления 15 мая 1948 года о создании государства Израиль была спровоцирована арабо-израильская война. Ее конечным итогом и явился захват значительной части территории, отводившейся для палестинского арабского государства, которое, таким образом, создано не было.

Правящие сионистские круги Израиля, как показывают факты истории, на протяжении всего периода существования этого государства проводят в отношении соседних арабских стран политику, полностью отвечающую интересам империализма. Достаточно напомнить, например, что Израиль начал агрессию против Египта в октябре 1956 года вскоре после национализации египетским правительством Суэцкого канала. Сразу же после этого Англия и Франция объявили, что «их войска займут ключевые позиции в районе Суэцкого канала, если в течение 12 часов Израиль и Египет не прекратят военные действия». Сейчас всем хорошо известно, что вступление израильских войск на территорию Египта было согласовано с Англией и Францией. Известно и то, как позорно провалилась тройственная агрессия против Египта в результате мощной поддержки борьбы египетского народа со стороны Советского Союза, других социалистических стран, миролюбивых сил всего мира.

Израильскую агрессию 1967 года против арабских стран также нельзя рассматривать изолированно от общего хода исторической борьбы сил прогресса и социализма с силами империализма и реакции.

Решающая роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии, образование мировой социалистической системы и как результат этого возникшее новое соотношение сил на мировой арене создали благоприятные условия для борьбы народов колониальных и зависимых стран, предопределили крах колониальной системы под ударами национально-освободительного движения.

Добившись политической независимости, арабские государства стремились к преодолению полученного в наследство от колониализма тяжелого положения в экономике своих стран, к завоеванию экономической самостоятельности. Такое развитие, связанное с деятельностью революционно-демократических сил, представляющих широкий блок средних слоев города и деревни, растущего пролетариата, прогрессивной интеллигенции, антиимпериалистических элементов национальной буржуазии, имело место,

в частности, в Египте, Сирии, Алжире, которые избрали путь социалистической ориентации.

«Мы превращаем египетское общество из порабощенного, эксплуатируемого общества, контролируемого ранее феодалами, капиталистами и реакцией, в свободное общество, которому принадлежит страна, средства производства и все остальное, — говорил президент Г. А. Насер. — Мы переживаем период перехода от капитализма к социализму, и мы неизбежно движемся к социализму, потому что социализм — это закон справедливости, равенства, ликвидации эксплуатации и классовых различий».

Передовые арабские государства все в большей степени опирались на политическую поддержку и экономическое сотрудничество Советского Союза и других стран социалистического содружества, являющихся естественными союзниками освободившихся народов в борьбе против империализма, за национальную независимость и социальный прогресс. Все это наносило сильный удар по позициям колониализма в этом районе, подрывало экономические и политические основы империалистического господства.

Агрессия Израиля 1967 года против арабских стран и была попыткой остановить движение арабских народов по пути социального прогресса, подорвать национально-освободительное движение на Ближнем Востоке. При этом прежде всего ставилась цель свержения прогрессивных режимов в Египте (тогда ОАР) и Сирии. Предпринимавшиеся до этого попытки свержения президента Насера с помощью заговоров египетской реакции, а также устранения прогрессивного режима, возглавляемого Партией арабского социалистического возрождения в Сирии, путем организации реакционного переворота не увенчались успехом.

Другая цель агрессии состояла в том, чтобы подорвать начавшую крепнуть арабо-советскую дружбу, ослабить авторитет Советского Союза и других стран социалистического содружества на Ближнем Востоке и расчистить тем самым путь для осуществления неоколониалистских планов международного империализма в этом районе. Механизм, который был использован израильской и западной буржуазной пропагандой для этого, несложен: попытаться убедить арабские народные массы в якобы недостаточной поддержке их стран со стороны Советского Союза, что должно было бы в случае военного поражения арабов принести заметный эффект. Читатель найдет в этой книге яркую зарисовку («Патриоты... за доллары»), показывающую, как в унисон с израильской пропагандой действовала арабская реакция, конечная цель которой состоит в предотвращении развития арабских государств по пути антиимпериализма и борьбы за социальный прогресс. Все это ярко иллюстрирует мысль о том, что те, кто выступает против национального и социального освобождения арабов, стремятся всеми мерами прежде всего расстроить арабо-советскую дружбу.

Израильские агрессоры, хотя и захватили новые обширные территории, не достигли ни одной из своих главных целей. Прогрессивные режимы в Египте и Сирии выстояли. Арабские народы высоко оценили благородную позицию Советского Союза, который решительно выступил против агрессии и вместе с другими странами социалистического содружества предпринял максимум усилий для того, чтобы оказать необходимую поддержку арабским

государствам — жертвам агрессии, потушить пожар войны на Ближнем Востоке. Национально-освободительное движение народов Ближнего Востока продолжало шириться и одерживать новые успехи.

Израильская агрессия тем не менее имела большие отрицательные последствия как для народов этого региона, так и для мира в целом. Она причинила ощутимый материальный ущерб арабским странам, принесла новые страдания палестинскому арабскому народу, способствовала сохранению на Ближнем Востоке опасного очага напряженности.

Ближневосточный конфликт вновь стал предметом длительных обсуждений в ООН. 22 ноября 1967 года была принята резолюция Совета Безопасности ООН № 242, предусматривающая вывод израильских войск с оккупированных арабских территорий, уважение и признание суверенитета, территориальной целостности и политической независимости всех государств в данном регионе и их права жить в мире в безопасных и признанных границах.

Правящие круги Израиля и на сей раз саботировали все усилия, направленные на ликвидацию последствий ближневосточного конфликта. Их упорный отказ выполнить резолюцию Совета Безопасности, а также непрекращавшиеся военные провокации израильской военщины, против Сирии, Египта, Ливана — все это привело к новой вспышке военных действий на Ближнем Востоке в октябре 1973 года. Октябрьская война показала, что арабские народы не могут смириться и никогда не смирятся с экспансионистской политикой правящих кругов Израиля, с оккупацией арабских земель, расовой дискриминацией и угнетением арабского населения на оккупированных территориях, с проводимой этими кругами политикой, препятствующей осуществлению законных национальных прав арабского народа Палестины.

Для рассмотрения сложившейся на Ближнем Востоке ситуации было созвано заседание Совета Безопасности ООН. 22 октября 1973 года Совет Безопасности принял резолюцию № 338, которая призывала к немедленному практическому выполнению резолюции № 242 во всех ее частях, предусматривала проведение переговоров между заинтересованными сторонами под соответствующей эгидой, направленных на установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке.

Вскоре был создан и соответствующий международный механизм — Женевская мирная конференция по Ближнему Востоку, в которой наряду с заинтересованными сторонами должны были принять участие СССР и США в качестве ее сопредседателей. Женевская конференция была призвана продолжить путь к мирному урегулированию ближневосточного конфликта. Однако на практике ее работа после первых и очень непродолжительных заседаний оказалась надолго парализованной ввиду того, что Израиль и поддерживающие его США повели дело в обход конференции к сепаратным сделкам. Ключевые вопросы урегулирования остались в стороне...

На международной арене растет понимание того, что установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке невозможно без вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий, без разрешения палестинской проблемы. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что Генеральная

Ассамблея ООН на своих XXIX и XXX сессиях приняла ряд резолюций, в которых указано, что палестинцы являются одной из главных сторон ближневосточного урегулирования, что Организация освобождения Палестины в качестве законного представителя палестинцев должна участвовать в рассмотрении всех аспектов урегулирования на соответствующих международных форумах.

Советский Союз выступает за возобновление работы Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку, в которой на равных правах с другими ее участниками должна принять участие также и Организация освобождения Палестины. СССР добивается радикального политического урегулирования ближневосточного конфликта на основе вывода израильских войск со всех арабских территорий, оккупированных в 1967 году, признания права всех государств этого района на независимое сосуществование и безопасность, обеспечения неотъемлемых прав арабского народа Палестины, включая его право на самоопределение, на создание собственного государства.

Как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в докладе на XXV съезде КПСС, опасная обстановка на Ближнем Востоке будет сохраняться, «пока израильские армии остаются на оккупированных землях, пока лишены своих законных прав и живут в отчаянных условиях сотни тысяч палестинцев, изгнанных со своих земель, и арабский народ Палестины лишен возможности создать свое национальное государство».

С. АНДРЕЕВ

о. Кипр
Латакия
р. Евфрат
г. Касьюн
Бейрут
Дамаск
Кунейтра
голанск. выс.
Тивериадское озеро
р. Иордан
Средиземное море
Карама
Иерихон
мост Хусейна
Тель-Авив
Амман
Иерусалим
Газа
Мертвое море
Порт-Саид
Бахр аль-Бакар
Исмаилия
Абу-Заабаль
Каир
Элат
Акаба
уюн Муса
Суэц
о. Зеленый
101 км.
г. Синай
р. Нил
Красное море
Асуан

СВИДАНИЕ С РОДИНОЙ

(Вместо пролога)

Слабеющим старческим зрением он едва ли узнавал так хорошо запомнившуюся с детства дорогу от Иерихона в Иерусалим. Увядающий его слух не способен был выделить песню жаворонка в гомоне голосов людей, пересекавших вместе с ним Иордан. И вместе с тем всем своим существом Хасан Хусейн аль-Бакури понимал, что наконец-то вернулся на родину. Ему казалось, что морщины на лице разглаживаются под нежными лучами палестинского солнца. Он чувствовал запах ила в иорданской долине, который он не смог бы спутать ни с чем на свете. В солнечный зимний полдень парило. Ему казалось, что его легкое, высушенное годами тело способно оторваться от земли и полететь. Он мелко семенил ногами, словно нащупывал землю.

Когда уже немолодой аль-Бакури оставил в поисках заработка родное селение Рамаллах, Палестина еще была частью Османской империи. Куда только судьба не забрасывала его за шестьдесят лет скитаний! И вот, встретив на чужбине, в Бразилии, свой сто третий год, Хасан аль-Бакури твердо решил умереть на родине. Прошло уже сорок лет с тех пор, как оттуда перестали приходить на его имя письма, но аль-Бакури до мельчайших подробностей помнил все, что было связано с детством, с родиной. И каждый раз, как он вспоминал прошлое, на его щеки, похожие на высохшую, потрескавшуюся землю, набегали слезы.

Жизнь прошла в заботах о хлебе насущном. Так и не смог Хасан аль-Бакури ни скопить на чужбине денег, ни даже жениться. Все, что оставалось из заработка, пока не состарился, посылал на родину. Надо было поддерживать младших сестер и братьев. Сам неграмотный, Хасан хотел, чтобы они учились, выбились в люди.

Годы проскочили как одно мгновение, и вот теперь, волнуясь, спешил аль-Бакури к себе на родину, чтобы коснуться руками перед смертью лиц своих родственников и выпить холодной воды из Иордана.

Он представлял себе родину такой, какою оставил шестьдесят лет назад, поднявшись на борт парохода, отплывавшего из Хайфы. Никто не смог потом убедить Хасана, что на его земле хозяйничают захватчики. Ведь и когда он уезжал на чужбину, власть в Палестине принадлежала не арабам, а туркам. Настойчиво требовал он от иорданского консула в Рио-де-Жанейро визу. И все-

го с тридцатью долларами в кармане отправился в далекое путешествие.

Едва приземлившись на аэродроме в Аммане, аль-Бакури потребовал, чтобы его везли в Рамаллах. Напрасно водитель такси доказывал ему, что такая поездка по нынешним временам невозможна. Старик стоял на своем, пока таксист не сдал его администрации отеля «Караван». Там нашлись добрые люди, обещали оказать помощь старому Хасану.

Снова мытарства. Израильские оккупационные власти не хотели выдавать ему пропуск для поездки на родину. Только благодаря вмешательству международной организации Красного Креста и Красного Полумесяца удалось собрать необходимые документы.

И вот наконец синий автобус привозит Хасана аль-Бакури к родному крову. Выходят навстречу незнакомые ему люди, его родственники. Он и не знал, что уже много лет назад умерли его родители, братья, сестры. Осталась в живых только старшая сестра.

И все-таки он дома. Радостно, проснувшись на рассвете, слышать детские крики во дворе и мычание коровы в стойле. Приятно гладить мозолистой рукой курчавые головки внучатой родни. За те пять дней, что он успел прожить в крестьянском доме, который он так хорошо запомнил с детства, у него в гостях успела побывать вся деревня. И родственники просили, чтобы он остался жить с ними. Он знал, что недолго будет отягощать их своей старостью. Он ехал на родину умирать. А это должно скоро случиться.

И опять ничего не понял старый Хасан аль-Бакури, когда пришли израильские полицейские и велели ему убираться прочь, ведь в его пропуске значилось, что ему разрешен въезд на западный берег реки Иордан на срок до двух месяцев, а он только пятый раз встретил восход солнца у себя на родине.

Несмотря на плач женщин и крики детей, несмотря на протесты родственников и жителей деревни, израильские полицейские впихнули стотрехлетнего старика в машину и велели убираться прочь, «туда, откуда приехал». Едва успели женщины сунуть ему в окно машины узелок с лепешками и крестьянским сыром, таким же соленым, как слезы.

И вот Хасан снова на восточном берегу Иордана. В который уже раз люди растолковывают, что его селение, как и всю Палестину, захватили израильтяне, что у него теперь нет родины. А он все никак этого не может понять и рассказывает, шамкая губами, как еще при султане Махмуде приезжали в Палестину люди, которые называли себя сионистами. Да, он хорошо по-

мнит. Они, жители Рамаллаха, сочувствовали приезжим, всем чем могли делились с ними в тяжелые годы.

— Как же так получилось, что теперь я не могу вернуться на родину? — спрашивал Хасан аль-Бакури обступивших его людей. — Они, что ли, не дозволяют?

У МОСТА ХУСЕЙНА

Его рука тянулась к оружию. Спрятанные за темными очками глаза, наверное, следили за каждым шагом. Перед моими глазами было черное дуло его автомата.

— Кто идет? Вы находитесь на израильской территории.

— Вы ошиблись, это территория Иордании. У меня виза иорданского правительства в паспорте...

— Здесь территория Израиля, прошу вернуться...

Я стоял на оккупированной арабской территории, на западном берегу реки Иордан. Прямо передо мной был утопающий в оливковых садах Иерихон. Дальше, за грядой темно-серых гор, Иерусалим. Оттуда нескончаемой вереницей тянулись к реке беженцы. Они спускались по узкой крутой тропинке с откоса к разрушенному бомбежкой мосту Хусейна. По нему проложен деревянный настил. Беженцы с детьми на руках и пожитками за плечами спешили, спускаясь под пристальными взглядами двух израильских часовых, многие, споткнувшись на крутом откосе, падали. В суматохе мне удалось пройти мимо первого израильского поста. И вот теперь израильский солдат угрожает автоматом.

— Не понимаю, — пытаюсь затянуть разговор, — по какому праву здесь вы?

— Это земля, данная нам богом четыре тысячи лет назад.

— И поэтому вы гоните этих людей прочь?

— Мы их не гоним, они сами идут.

— Почему?

Терпению израильтянина, видимо, наступил конец:

— Еще раз предлагаю вам вернуться на иорданский берег.

— Может быть, вы назовете свои имена?

— Нас зовут Яир Абусма и Боаз Леви, — небрежно бросил один из них.

Там, по другую сторону моста, стояли мои коллеги — корреспонденты с кинокамерами и фотоаппаратами в руках. Я возвратился.

— Мы видели, как ты пошел на ту сторону, и беспокоились, — сказал один из иорданских часовых. — Это они сегодня перед журналистами ведут себя так тихо. В обычное время они стреляют из автоматов в воду и под ноги для устрашения беженцев.

А иногда, словно нечаянно, и по ним. Недавно одного застрелили. Мы схоронили его там, за кипарисами, у дороги. То, что они назвали свои имена, неудивительно, мы их знаем всех наперечет.

(Года через два или три, читая сообщение Палестинского информационного агентства об одной из партизанских операций, я узнал о нападении «федаев» на израильский пост у моста Хусейна. В списке убитых значилась фамилия часового Боаза Леви.)

Девушка лет двадцати, спотыкаясь и опасливо поглядывая на израильских солдат, не шла, а буквально бежала по мосту. Вот она миновала израильского часового, вот осталось еще метров десять до иорданского, и тут... споткнувшись, она падает. С берега, занятого израильтянами, доносится хохот солдатни. Журналисты обступают девушку, которой помогли подняться иорданские часовые.

— Не спрашивайте, прошу вас. Я ничего не хочу рассказывать... Ничего.

Девушка плачет, закрыв лицо руками. Слезы скатываются с висящего на груди серебряного распятия, падают на желтый песок. Но вид часового с пестрой бедуинской «укалью» на голове, видимо, успокаивает ее.

— Расскажи. Здесь нет врагов. Не бойся, — ласково говорит часовой девушке.

Она надевает очки, чтобы скрыть слезы или, может быть, что-то, чего не должен знать никто посторонний.

— Сперва они не трогали нас, христиан, когда вошли в Иерусалим. Говорили, что, мол, освободили нас от наших врагов-мусульман. Но мы все арабы, мы жили по соседству с мусульманами и всегда помогали друг другу. И тогда...

Плечи девушки снова начинают вздрагивать...

— Что тогда?

— Прошу вас, не надо, — она умоляюще смотрит на меня. — В нашем доме скрывался мой школьный друг... Не пытайте меня, ради бога. Я все еще боюсь. Разве может вам рассказать девушка, что ей пришлось там увидеть?

Старая женщина-мусульманка накрыла вздрагивающие плечи девушки широким черным покрывалом, увела ее под лучами палящего солнца туда, где лежали тюки с разноцветными перинами и домашний скарб, где плачут голодные дети, где молчаливо сидят женщины, опустив глаза в землю.

...А люди все шли и шли.

Одну пожилую женщину, уводившую с собой четырех внучат на восточный берег Иордана, израильтяне остановили:

— Куда идешь?

— В Амман.

— Мы скоро будем в Аммане. Это наша земля до самого Евфрата. Беги уж сразу в Йемен, если хочешь умереть спокойно.

Все, казалось, благоухало вокруг. Обширная долина реки Иордан выглядела райским садом. И только черная от напалма земля на холмах да толпы беженцев, текущих вдоль дороги, говорили о трагедии.

* * *

Это первое посещение в июне 1967 года моста Хусейна стало для меня как бы прологом на целое десятилетие вперед. Как журналисту мне не раз приходилось бывать за эти годы в странах Ближнего Востока, быть свидетелем многих событий той нелегкой борьбы, которую ведут арабские народы против израильских агрессоров. Шесть из этих десяти лет я прожил в Каире в качестве собственного корреспондента «Комсомольской правды».

Можно написать не одну книгу о том, что осталось в памяти, в записных книжках, появилось на газетных полосах за эти годы. Перед глазами на всю жизнь остались стоять черные от войны стволы древних олив с воздетыми к небу ветвями, которые я видел в предместьях аль-Кунейтры. На них наплывают уложенные в ряд трупы египетских детей из школы Бахр аль-Бакар, лица только что вернувшихся с боевой операции палестинцев в пестрых платках, фигуры египетских солдат среди барханов освобожденного Синая.

Это все я видел. Иногда эти образы теснятся в сознании, вырывая вместе с собой те или иные события, нарушая их последовательность. Они как бы заявляют свои права: «Ты видел это своими глазами. Расскажи об этом людям. Пусть все узнают об этом». И тогда события, о которых хорошо знаешь, но свидетелем которых не был, даже если они большие и исторически значимые, делают в общем строю шаг назад, уступая первое место этим образам.

Итак, не останавливаясь долго на подобного рода отступлениях, давайте вернемся в тот бушующий водоворот событий, каким стал Ближний Восток с июня 1967 года.

Несмотря на то, что летом 1967 года в газетах много писали о предстоящей войне, ни в Каире, ни в Дамаске, ни в Аммане, видимо, всерьез не верили, что Израиль совершит нападение. Иначе трудно понять, каким образом в ночь накануне агрессии высшие офицеры египетских ВВС оказались на великосветском приеме, вместо того чтобы сидеть в кабинах самолетов, готовых к старту.

Но дело, очевидно, не только в опрометчивой беспечности офицеров, в основном выходцев из богатых семей.

В египетском обществе осуществлялись социально-экономические преобразования, теряли свою власть помещики и капиталисты. В армии же оставалось все по-старому. Изменения почти не коснулись высшей военной верхушки. Самое совершенное оружие не способно одолеть врага, если у людей нет воли к победе. Высшие офицеры, интересы которых были затронуты прогрессивными реформами, этой воли не имели. Египетская армия отступала, оставляя убитых и раненых в песках Синайской пустыни. Авиация фактически полностью была выведена из строя в первые же часы войны. А ведь египетская армия была главной ударной силой арабов.

Подобная ситуация сложилась и на сирийском фронте, где израильская армия захватила Голанские высоты и угрожала наступлением на Дамаск.

Иордания вступила в войну лишь 6 июня. Король Хусейн еще не знал, что основные силы арабов были к этому времени уже разбиты. Израильское командование, не опасаясь неожиданностей на других фронтах, бросило свежие резервы на захват западного берега Иордана.

Кульминационным моментом этих дней стали события 9 и 10 июня. Накануне по требованию Совета Безопасности ООН на Синае прекратились бои. На вечер 9 июня было объявлено выступление президента Насера по телевидению. Он выглядел на экране поседевшим и усталым.

Подчеркнув, что арабы стали жертвой израильской агрессии, Насер рассказал о тяжелом поражении, которое понесла армия. Он заявил, что принял решение в этой ситуации уйти со всех постов.

Президент не успел еще закончить свое выступление, а каирские улицы уже кипели. Египтяне двинулись к резиденции Насера, чтобы просить его не покидать их. Демонстрации продолжались и на следующий день, пока Насер не взял назад свое заявление об отставке.

Но война фактически уже была кончена, проиграна арабами уже к тому моменту, когда Совет Безопасности принял решение о прекращении огня.

По дорогам Сирии, Ливана, Иордании, Египта потянулись нескончаемыми потоками люди, бежавшие от захватчиков, оставившие свои дома, родную землю.

Мы, несколько советских журналистов, прилетели на Ближний Восток в те июньские дни. Израильские солдаты купались в Суэцком заливе. Хотя информационные агентства еще продол-

жали передавать сообщения о героическом сопротивлении, которое оказывали оккупантам жители сирийского города аль-Кунейтра... Хотя израильские патрули каждую ночь гибли в Иерусалиме от рук народных мстителей...

ДАМАССКАЯ БАЛЛАДА

Дамаск чем-то напомнил мне в те дни юношу, который повзрослел сразу, как это бывает с безусыми солдатами после первого боя. Дамаск стал прифронтовым городом. Совсем рядом, в пятидесяти километрах, был враг. Он захватил прилегающие к Дамаску высоты аль-Кунейтры. Израильская пропаганда, как и в дни агрессии, призывала к свержению сирийского правительства. Враг пытался действовать и внутри страны.

В те дни по приговору военного трибунала в Дамаске были расстреляны Селим Хатум и его сообщник Бадр Джума. Еще раньше они участвовали в заговоре против существующего прогрессивного режима в стране. Но заговор провалился, и они бежали за границу. Воспользовавшись израильской агрессией, Хатум и Джума вновь проникли в Сирию, чтобы организовать переворот в Дамаске.

Дамаск, празднично сверкавший прежде огнями реклам, был в те дни, наверное, самым темным городом в мире. Все фонари и фары автомобилей были выкрашены в синий цвет, на улицах усиленные военные патрули — сохранялось чрезвычайное положение. Около домов и на перекрестках лежали мешки с песком, во дворах учреждений каждый день проводились военные занятия. В целях экономии продовольственных запасов в стране была введена карточная система на рис, масло, чай, картофель и сахар.

За несколько лет до этих драматических событий я побывал в Дамаске. Тогда в летнем театре выступала труппа известной на весь Ближний Восток певицы Фейруз. Помню очереди за билетами, растянувшиеся на несколько сот метров. В Дамаске и тогда жили палестинские беженцы, изгнанные израильскими властями со своей родины. Помню, как они сидели часами в харчевне и, прильнув к транзисторам, слушали, как пела Фейруз: «Там, за далью, осталась родина».

В затемненном ночном городе с трудом удалось разыскать ту харчевню, где я бывал раньше частым гостем. Я подружился тогда с ее хозяином Ахмедом Хашимом, который сам подавал посетителям на медном подносе кофе в белых фарфоровых чашечках, и с его двенадцатилетним сыном Али.

Здесь почти ничто не изменилось. Все те же четыре небольших столика, и я занял свое обычное место в углу, откуда все хорошо видно. Правда, вместо картинок с голливудскими кинозвездами на стене появилась карта. На ней синим карандашом были отмечены места недавних боев, красным — линия обороны, занятая сирийскими войсками.

Мужчина и женщина с ребенком на руках вошли в харчевню. Молча сели за столик. На женщине черное платье с красной каймой. Мужчина небрит, с воспаленными глазами.

— Беженцы, — тихо шепнул сосед. — Каждый день они приходят в Дамаск. Правительство расселило их в школах, больницах, учреждениях. Но помещений не хватает. Многие семьи принимают их как гостей у себя дома.

Мы подсели за столик к беженцам.

— Это случилось уже во второй раз в моей жизни, — начал рассказывать Мухаммед, отпив маленький глоток кофе. — В 1948 году израильтяне разрушили мой дом, убили жену и двух сыновей. Шесть лет скитался я по разным странам. Потом обосновался. Освоил дело, стал портным, снова женился, три года назад родился сын (он показывает глазами на мальчика). И вот снова...

Раскрывались все новые и новые страницы бедствий. Через две недели после того как отгремели бои, сирийские власти разрешили и нам посетить госпиталь.

— Всего к нам поступило около 700 раненых, — рассказывал начальник госпиталя подполковник Азима. — Среди них обожженные напалмом. Многие из них уже умерли, другие вылечились, ушли домой. Сейчас осталось около 150 человек.

Это можно понять, только увидев своими глазами. Неподвижно застывшие кровавые маски. Глаза, запавшие в глазницы. Неподвижные крючковатые пальцы. Тела, расплавленные, как куски шлака. Одна, другая, третья... палаты. Восемь, девять, десять... человек. Одна, две, три... пустые кровати. Еще вчера здесь лежали такие же обожженные напалмом. Сегодня их не стало. У изголовья кроватей еще стоят неувядшие гладиолусы, принесенные в палату родственниками.

— Какова судьба остальных?

Ответ доктора беспощаден:

— Большинство умрет. Может быть, сегодня, может, завтра.

— Ожоги напалмом лечить трудно, сильный токсикоз, — объяснял подполковник.

Некоторые из раненых могли говорить. Они охотно отвечали на вопросы. В этой палате, кроме одного, все зенитчики.

— Из одной батареи?

— Нет, из разных.

В других палатах среди обожженных напалмом тоже большинство зенитчиков.

— Зенитные войска — оборонный вид оружия. Они прикрывают населенные пункты от налетов авиации. Значит, напалм применялся и против мирных жителей?

Один из раненых, приподнявшись на локти, смотрел, как бы недоумевая:

— Мирных жителей? Да они расстреливали даже стариков и детей, даже больных, которых вели под руки. Они гонялись за беженцами на самолетах, выпуская ракеты по одному человеку. Они бросали напалм на населенные пункты, уже оставленные нашими войсками.

Во время бомбардировки аль-Кунейтры израильская авиация открыла огонь даже по госпиталю, хотя на нем были хорошо видны знаки Красного Креста и Красного Полумесяца.

Это все рассказывали раненые. Один, другой, третий...

Когда через несколько дней офицеры сирийского Генерального штаба повезли нас на линию прекращения огня, красные маки в горах казались мне пятнами крови, разлитой по земле.

Ночные улицы Дамаска еще продолжали освещать фиолетовым светом затемненные фонари. Из окон гостиницы можно было каждое утро видеть школьников в военной форме на тактических занятиях. На перекрестках еще оставались лежать мешки с песком, а на стенах домов можно было прочитать непотускневшие надписи: «Жители нашего квартала готовы защищать до последнего каждый дом».

Правильно, Дамаск, будь бдительным. Когда я пришел к министерству информации поблагодарить людей, оказавших мне помощь в работе, его двери оказались закрытыми. Здесь же, во дворе, выстроившись в шеренги, сотрудники министерства слушали объяснение офицера. Офицер держал в руках муляж бутылки с зажигательной смесью. Вот загорелся фитиль. Рывок корпусом — и бутылка летит в цель.

В те дни на каждой фабрике были созданы арсеналы. В любую минуту рабочие, оторвавшись от станка, могли взять в руки автоматы и винтовки, чтобы защитить древние улицы Дамаска.

Бывший в то время заместителем начальника Управления моральной ориентации сирийского Генерального штаба подполковник аль-Гази передал мне на прощание неразорвавшийся вражеский снаряд. Это был символический подарок. Неразорвавшийся снаряд был напоминанием, что опасность не исчезла, пока израильские солдаты топчут арабскую землю.

В минуты тяжкого испытания Дамаск посылал своих сыно-

вей в этот год к нам, на ленинградскую встречу молодежи, на праздник 50-летия Октябрьской революции.

— Если Сирия будет в опасности, нам придется вернуться, — говорили члены делегации, прощаясь с друзьями и близкими на аэродроме.

В те дни жители Дамаска ждали, что Израиль возобновит агрессию, ждали, что реакция попытается изнутри нанести удар по революционному режиму. Однажды ночью вдруг неожиданно раздались автоматные очереди, и сразу потухли одинокие огни в домах. До сих пор не знаю, что это было: ночные учения или аресты израильских диверсантов.

Но каждое утро я видел, как над Дамаском пролетали, сверкая серебром, новые реактивные самолеты советского производства, как люди на улицах останавливались, поднимали головы к небу и улыбались...

ПАТРИОТЫ... ЗА ДОЛЛАРЫ

В соседнем Бейруте обстановка в те дни была иной...

— Если вы остановитесь в нашем отеле, номер будет вам стоить дешевле, чем по установленной таксе. В нашем отеле быстрое обслуживание, отличный бассейн под пальмами...

Необычное для Бейрута явление — пустые отели. До израильской агрессии город был средоточием туристских маршрутов. Но вот началась израильская агрессия, моментально опустели отели и пляжи, уехали девушки из кабаре, наспех упаковав чемоданы. Перестали течь широкой рекой деньги в карманы содержателей отелей, казино, пляжей и баров. Прекратился поток паломников в Иерусалим.

Ливанская реакция сразу же поняла, что затяжка военного конфликта не сулит ей ничего хорошего. С точки зрения некоторых реакционных кругов, было бы лучше, если бы арабы вообще прекратили сопротивление. Отсюда то ожесточение, с которым в дни агрессии здесь велась борьба за сохранение позиций империализма в стране.

11 июня. События, которые произошли в этот день в Бейруте, — пример того, с какими внутренними трудностями пришлось столкнуться ливанцам во время израильской агрессии. В этот день в Американском университете в Бейруте состоялся бурный митинг. У входа на территорию университета несколько небрежно одетых молодых людей с пистолетами на боку и значками на лацканах пиджаков раздавали прохожим листовки. Среди разношерстной толпы можно было заметить державшихся небольшими груп-

пами парней, одетых в синие рубахи и тоже вооруженных. Время от времени они отыскивали глазами своих знакомых, отводили в сторону и о чем-то переговаривались. Это были «фалангисты», сторонники правохристианской партии «Катаиб».

Ажиотаж в толпе нарастал. Над головами людей то и дело поднимались ораторы. Взмахивая листовками в воздухе, они кричали, что настало время покончить «с советским присутствием» на Ближнем Востоке.

Обстановка в стране была тревожной. С фронтов приходили сообщения о тяжелом положении арабских армий. Израильское радио день и ночь твердило о том, что Советский Союз якобы предал арабов. Израильской пропаганде не верили. Не верили и американцам. Но здесь то же самое говорили свои, ливанцы. И кое-кто начал колебаться. Дело дошло до потасовки. Поддавшись провокаторам, некоторые участники двинулись по направлению к советскому посольству. По дороге к ним присоединились прохожие, не успевшие даже разобраться толком, что происходит.

Когда люди заполнили улицу, из ворот советского посольства вышел дипломат. Несколько демонстрантов подняли его на руки, и он прочел только что полученный текст Заявления Центральных Комитетов коммунистических и рабочих партий и правительств социалистических стран Европы.

«Если правительство Израиля не прекратит агрессии и не отведет войска за линию перемирия, то социалистические государства, подписавшие это Заявление, сделают все необходимое, чтобы помочь народам арабских стран дать решительный отпор агрессору...» Когда были произнесены эти слова, улица огласилась приветственными возгласами:

— Да здравствует Советский Союз! Долой американский империализм!

И кто-то, словно вдруг вспомнив недавний митинг в Американском университете, закричал, поднявшись на плечах товарищей:

— Арабы, среди нас провокаторы. Бейте их!

Но тех, кто лишь несколько минут назад призывал «уничтожать советских ревизионистов», словно ветром сдуло...

Но этот случай лишь одно из свидетельств, что в данный момент реакция делала попытки бросить тень на отношения арабов с их главным союзником — социалистическим лагерем.

В египетской газете «Аль-Ахбар» появились две заметки некоего Мухаммеда Табли, который утверждал, будто «одна великая сила» бросила арабов на произвол империализма и сионизма. Подхваченные реакционной печатью, тель-авивским радио и Би-би-си, эти заметки обрастали многочисленными комментариями. В этих комментариях Советский Союз объявлялся чуть ли не ви-

новником поражения арабов. Со страниц реакционной печати раздавались призывы покончить с прогрессивным курсом развития, с ориентацией на социализм, отказаться от национализации. Высказывалась в них мысль и о том, будто лишь Соединенные Штаты держат в своих руках ключ к решению ближневосточной проблемы.

Арабские народы смогли в то время дать отпор антисоветской пропаганде, пораженческим настроениям, вылазкам «пятой колонны». В конце августа в Хартуме была созвана конференция глав арабских государств и правительств, а 1 сентября журналисты получили текст заключительного коммюнике.

Все ждали ответа на вопрос: возобновят ли арабы перекачку нефти тем странам, которые поддержали Израиль? В дни агрессии 1967 года, как известно, подача нефти была приостановлена. Участники конференции договорились продолжать перекачку нефти, но решения конференции предусматривали создание специального фонда помощи странам, пострадавшим от израильской агрессии, и отказ арабских стран от прямых переговоров с Израилем до тех пор, пока войска агрессора не будут выведены с оккупированных территорий. Это означало: империалистам не удалось поставить арабов на колени, борьба не закончена.

Президент Насер заявил в Хартуме, что Каир не откроет Суэцкий канал до тех пор, пока израильские войска будут стоять на его восточном берегу. Эта позиция была поддержана всеми участниками встречи.

А ЧТО БЫЛО ТАМ, В ИЗРАИЛЕ?

В день агрессии 5 июня 1967 года начала работу сессия кнессета. Правители Израиля требовали одобрения новых военных займов и налогов. Из всех депутатов только двое — коммунисты Меир Вильнер и Тауфик Туби — подняли голос протеста против политики агрессии и империалистического разбоя. Остальной парламент поддержал правительство.

В тот же день политбюро Коммунистической партии Израиля распространило манифест, призывавший немедленно прекратить военные действия. Против коммунистов началась настоящая травля. Многие были арестованы. На Генерального секретаря ЦК Компартии Израиля М. Вильнера было совершено покушение.

— Это произошло 15 октября в 6 часов вечера, когда мы с женой вышли из дому, — рассказывал мне М. Вильнер, приехавший на лечение в Советский Союз. — Преступник, очевидно, поджидал уже долгое время. Он нанес мне удар ножом в спину...

Преступник был, конечно, только исполнителем. Он работал

в одной из наиболее реакционных газет «Хаем», органе экстремистской шовинистической партии «Херут», представленной в то время двумя министрами в правительстве.

— Однако дело не в личности преступника. Ведь преступление, о котором вы спрашиваете, — продолжал товарищ Вильнер, — было совершено в обстановке всеобщего шовинистического психоза и антикоммунистической истерии.

Рассказ Генерального секретаря дополнял картину агрессии против арабов новыми штрихами.

— Наша партия еще до войны 1967 года открыто выступала и предупреждала израильскую и мировую общественность о готовящейся агрессии. Мы говорили, что война не может принести нашему народу ничего, кроме жертв, дополнительного бремени налогов, постоянной тревоги о будущем. Так оно и случилось. Мы, кроме того, предупреждали, что главная цель готовившейся израильскими милитаристами агрессии — свержение антиимпериалистических режимов в Египте и Сирии. Именно эту цель ставили перед собой как империалисты США, Англии и ФРГ, так и израильские милитаристы. Недаром Моше Даян твердил о необходимости оккупации столиц арабских государств.

...Архиреакционные газеты требовали запретить Компартию Израиля, лишить ее депутатов в кнессете парламентской неприкосновенности. Вместе с компартией суровые испытания выдержал и Коммунистический союз молодежи Израиля...

Правда, через определенный срок под давлением прогрессивной израильской и мировой общественности власти вынуждены были освободить арестованных, но коммунистов стали ограничивать в передвижении, используя для этого закон, введенный еще в годы английского колониального господства.

Некоторые наши профсоюзные руководители, энергичные и боевые, были уволены с работы. Тогда же в адрес наших товарищей, в том числе и мой, стали слышаться угрозы, объявились анонимные письма, авторы которых открыто угрожали нам физической расправой.

Все больше людей в нашей стране начинают понимать необходимость выступлений в защиту демократических прав, так как, если сегодня совершают покушение на коммуниста, завтра израильские реакционеры могут нанести удар по всем неугодным, — продолжал рассказывать М. Вильнер. — И мы гордимся, что наша партия была и остается партией, объединяющей на классовой основе евреев и арабов. Мы гордимся, что ее программа встречает взаимопонимание братских арабских партий и прогрессивных сил. Защищая мир, выступая против агрессии и планов империализма в нашем районе, мы защищаем безопасность

и подлинные национальные интересы народа Израиля. Мы будем продолжать вести борьбу против планов империализма и его союзников — лидеров сионизма.

— Товарищ Вильнер, — обратился я с вопросом, — ваше мнение о сионизме?

— Хорошо известно, что вождь мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин решительно выступал против сионизма и подчеркивал, что идеология и политика сионистов направлены на то, чтобы изолировать еврейских трудящихся, попытаться противопоставить их единому интернациональному фронту всех рабочих в борьбе за прогресс и социализм.

Время шло... И сионизм, представляющий собой реакционную идеологию проимпериалистической еврейской буржуазии и действующий через разветвленную систему организаций, кроме реакционных черт, на которые указывал В. И. Ленин и которые остаются в силе и по сей день, приобрел в эпоху становления первого социалистического государства — Советского Союза, а также в эпоху создания мирового социалистического лагеря новые черты. Сионизм в противоположность всем фальшивым утверждениям некоторых его «левых» лидеров стал одной из сил, борющихся повсюду против коммунизма.

Сионистская политика правителей Израиля опасна для израильского народа, государства.

К сожалению, — сказал М. Вильнер, — есть люди, которые впадают в ошибку и наносят трудящимся массам Израиля большой вред, отождествляя сионистскую политику правителей государства с подлинными интересами израильского народа.

Хочется подчеркнуть, — сказал в заключение нашей беседы М. Вильнер, — что политика Советского Союза на Ближнем Востоке не только не является антиизраильской, как это утверждает империалистическая пропаганда, но, наоборот, она направлена на то, чтобы защитить интересы народа нашей страны, поставленные под угрозу сионистскими правителями.

Несколько месяцев спустя в редакцию «Комсомольской правды» пришло письмо из ЦК комсомола Израиля.

«Дорогие товарищи, рады сообщить вам, что с 18 по 20 апреля 1968 года состоится IX съезд комсомола Израиля.

Мы имеем честь пригласить «Комсомольскую правду» послать своего делегата на наш IX съезд».

Для журналиста, побывавшего в период израильской агрессии

1967 года в арабских странах, было, безусловно, интересно побывать «по ту сторону фронта», в Израиле, особенно если учесть, что после разрыва дипломатических отношений израильские власти удалили вскоре из страны последнего советского журналиста — корреспондента ТАСС.

«Комсомольская правда» писала в ответном письме, что она с благодарностью приняла приглашение израильских комсомольцев и решила направить своего представителя на IX съезд израильского комсомола. Израильские товарищи сообщили нам, что обратились с ходатайством о получении визы в министерство иностранных дел. Там попросили, чтобы перед вылетом я зашел в голландское посольство в Москве, представляющее интересы Израиля. Это пожелание было выполнено.

Секретарь голландского посольства прочитал приглашение, попросил заполнить анкеты:

— Визы мы выдать не можем, но пошлем телеграмму в Израиль. Попросим, чтобы ответ направили в Никозию.

В израильском посольстве в Никозии угрюмый чиновник, предварительно заставив заполнить еще одну анкету и взяв две фотокарточки, спросил:

— Вы можете лететь завтра?

Я приехал в посольство с представителем туристской фирмы «Луис» на Кипре и мог бы вылететь в Тель-Авив хоть тотчас.

— Да, конечно, хоть сегодня.

— Тогда подождите...

Чиновник скрылся за дверью...

— Нет, завтра лететь вы не можете, — заявил он, вернувшись. — Мы должны послать телеграмму в Израиль. Зайдите через несколько дней...

Через несколько дней чиновник неприветливо буркнул:

— Вам отказано...

— Могу я видеть господина посла?

— Его нет в посольстве...

— Господина консула?.. Тоже нет?.. Тогда кого-нибудь, кто их представляет...

Угрюмый чиновник, так и не назвавший своего имени, удалился, и затем некий молодой человек пригласил проследовать в свой кабинет.

— Мы получили телеграмму, в которой приказано отказать вам в визе... — смущенно сказал он.

— На каком основании?

— Нам не сообщили оснований. Просто передали — отказать.

(Видимо, неосведомленные люди работали в израильском по-

сольстве! Как узнал я позднее, еще накануне представитель министерства иностранных дел Израиля официально сообщил на пресс-конференции в Тель-Авиве, что специальному корреспонденту «Комсомольской правды» отказано в визе из-за его статей, опубликованных им на страницах его газеты в дни израильской агрессии 1967 года.)

— Ну что ж... — начал я, заметив, что молодой человек все еще чувствует себя неловко. — Могу ли я получить назад свои фотокарточки?

В соседней комнате чиновник громко хлопал ящиками стола, как бы разыскивая их.

— Нет, фотокарточек у нас нет... — заявил он.

— В таком случае я бы хотел знать ваше имя и должность, — снова обращаюсь я к молодому человеку, не знающему, куда деть свои руки. — Ну, — пытаюсь я помочь ему, — кто вы? Секретарь? Советник? Атташе? Как вас зовут?

Пришлось трижды переспросить его имя, прежде чем он выдавил из себя: «Господин Суэн».

Увы, даже похожего имени нам не удалось обнаружить потом в справочнике дипкорпуса в Никозии.

Процитирую две телеграммы.

«Израильское министерство иностранных дел, — писал секретарь комсомола Израиля Джодж Туби, — отказалось выдать Вам визу под антидемократическим и лживым предлогом, будто Ваши статьи являются антиизраильскими». В телеграмме генерального секретаря комсомола Израиля Вениамина Гонена сообщалось: «Отказ израильских властей выдать Вам въездную визу в Израиль для участия в IX съезде израильского комсомола был встречен с осуждением и протестами коммунистами и всеми миролюбивыми людьми в Израиле, которые продолжают протестовать против этого постыдного шага израильского министерства иностранных дел». Из этих телеграмм видно, что прогрессивная молодежь Израиля прекрасно понимала, почему израильские власти отказали советскому журналисту во въезде в страну. Это было сделано потому, что материалы, опубликованные «Комсомольской правдой», были направлены против израильской агрессии на Ближнем Востоке, разоблачали сионизм. Но разве израильские власти могли ожидать иной позиции от советского журналиста, своими глазами видевшего зверства оккупантов на арабской земле?

Вспомнилось лето 1967 года. Мы пересекли уже в сумерках сирийско-иорданскую границу и остановились, пораженные. По всей пустыне до самой глубины горизонта горели костры беженм

цев. Об этом нельзя было писать равнодушно. Израильским же властям, по-видимому, не по душе пристрастие, если оно не в их пользу.

ИЗГНАННИКИ ПОДНИМАЮТСЯ НА БОРЬБУ

Во время поездок по арабским странам мне приходилось бывать в лагерях палестинских беженцев, иногда жить в них по нескольку дней. С некоторыми из жителей этих лагерей завязались на годы дружеские отношения. А иногда после очередного израильского налета или еще каких-либо событий вдруг переставали приходить письма. Так однажды перестали приходить письма от семьи Мухаммеда Али Салама из лагеря Зизи в Иордании, в палатке которого мне пришлось прожить несколько дней в июне 1968 года.

Мухаммед Али Салам в возрасте около сорока лет был главой большой семьи. Жена Мухаммеда — Нада Хасан Салих. Теща — Хадида Халид аль-Хидра. Ей было в ту пору около восьмидесяти. Мать главы семьи осталась там, на оккупированной территории, с другими детьми.

Старший сын Мухаммеда, Маджид, лет шести, и младший, Аджвад, лет четырех, одинаково отвечали на вопрос, чего они хотят больше всего на свете. «Наш дом остался в деревне Хальхуль, под Хевроном. Хотим домой...» — говорили они.

Младшая дочь носила имя Аида. Она родилась здесь, в лагере Зизи, выросшем в тридцати километрах от Аммана после израильской агрессии в июне 1967 года. Имя ей дал Аджвад, и означает оно «Возвращение». Кроме Аиды, в семье было еще три девочки. Старшая, Наджва, ходила в школу. Ей исполнилось в те дни восемь. Пятилетняя Маджида бегала с синяком под глазом — верное свидетельство, что девочка готовилась в федаи, как говорил отец. И двухлетняя Маха. Она все время плакала и кашляла.

С тех пор как я поселился у Мухаммеда, его семья, как он говорил, стала насчитывать десять человек. Палатка и была рассчитана как раз на десятерых.

Семья была, так сказать, семьей среднего достатка здесь, в лагере. Во всяком случае каждый имел по одному одеялу и матрасу. В других лагерях, говорили беженцы, положение и с палатками, и с питанием, и с одеждой куда хуже.

Вечером на распределительном пункте Наджва получила в день моего приезда на одну горсть больше рису, а Мухаммед принес еще один матрас и одеяло. Для меня.

Некоторые соседские семьи имели точно такие же палатки, как

наша. Но если в семье двенадцать-четырнадцать человек, разместиться в ней трудно. Ночью надо было осторожно ходить около таких палаток — ноги спящих торчали наружу.

В нашей палатке тоже было тесно, но уютно. В центре прочно вбит в землю деревянный шест. К нему прикреплена керосиновая лампа. Галдела без умолку детвора. У выхода из палатки перед откинутым пологом Нада кипятила чай на аккуратно вылепленном из глины очаге.

— Когда мы пришли в Зизи и поселились здесь, это была аллахом брошенная земля, — рассказывал Мухаммед. — Кругом песок, дул ветер, постоянная нехватка воды. Мухи. Но раньше было еще хуже. Мы пришли через четыре месяца после войны, здесь уже жили люди...

Нада затушила очаг и, разлив в маленькие стаканчики чай, накрыла плечи одеялом и придвинулась к лампе. Здесь было светло, а по углам палатки, где спали дети, прятались черные тени.

Мы не виделись ровно год. Мухаммед рассказывал о том, как его семья пережила зиму первого года после израильской агрессии:

— В декабре наступили холода. Болели дети, умирали старики. Дождь заливал ночью палатки. Мы боялись, что вспыхнет эпидемия. Но оказалось, что и эти дни были не самыми страшными. Однажды вечером подул сильный ветер, снежная буря продолжалась несколько суток, в клочья изодрала палатки, расшвыряла наши пожитки. Мы оказались босыми, раздетыми, без крова посреди полуметровых сугробов. Многие умерли в эти дни, особенно дети. Их закапывали прямо в сугроб. Правительство решило перевести беженцев в новый район, в Кибид, расположенный недалеко от «линии прекращения огня». Там было несколько зданий и палаток, уже приготовленных для нашего размещения. Многие не дотянули до Кибида, умерли по дороге, но мы шли, думая, что найдем там спасение. И жизнь на новом месте начала было налаживаться, если бы не новая беда, обрушившаяся на нас.

Однажды ночью израильские войска открыли по лагерю артиллерийский огонь, а утром обстреляли нас с воздуха и высадили десант. Мы, мужчины, сопротивлялись как могли, отбивались камнями, кинжалами, палками, чтобы дать женщинам возможность бежать в горы.

Нада, завернувшись с головой в одеяло, вздрагивала плечами.

— Если бы ты видел это, брат мой... — голос ее срывается. — Я привязала двух младших, одну к груди, другую к спине, остальных взяла за руки, и мы побежали. Босые, голодные, целые сутки бродили мы по горам. Наконец набрели на дорогу и сели. Умрем,

думаю, а отсюда ни с места. Вдруг видим, машина. Мы взялись за руки, загородили дорогу. Водитель остановился. Четыре динара до Аммана. У меня было только три. Ладно, сказал он, садитесь, четвертый потом отдашь. Так приехали мы в Амман, добрались до старого места. Динар я до сих пор не заплатила.

Керосиновая лампа стала гореть совсем тускло. Мухаммед о чем-то думал. Мне казалось, что Нада плачет... Но, помолчав несколько минут, она закончила свой рассказ:

— Так мы вернулись в Зизи, где под снегом нашли черные угли наших костров.

И снова жизнь пошла по-прежнему. Не сразу получили палатки. Не было работы. Болели дети. В лагерь шли все новые и новые беженцы.

— Говорят, к следующей зиме каждая семья получит по комнате в новых бараках, — рассказывал Мухаммед. — Стройка уже началась. Некоторым счастливчикам, в том числе и мне, удалось устроиться на работу. Многие бараки уже почти готовы. И семьи могли бы вскоре занять комнату размером с площадь палатки. Это немного. Но во всяком случае бараки не снесет ветер.

Однако беженцев мало радовала перспектива новоселья: люди боялись бараков. Они считали, что это для них могила. Израильские самолеты каждый день совершали полеты над лагерем.

— Мы знаем, едва только наша жизнь начнет хоть немного входить в нормальное русло, они нападут, обстреляют с воздуха, ведь именно так они разрушили лагеря беженцев в Дами, аль-Шуне, аль-Караме. То же самое было с нами зимой в Кибиде, — говорил Мухаммед.

Лагерь спал. Ночь стояла морозная и сухая. Где-то далеко в деревне лаяли лениво собаки.

Наджва разбудила меня на рассвете. В руках у нее была белая тряпочка, смоченная одеколоном, и чашечка кофе.

— Опять нет воды, — сказала она. — Протри лицо.

Потом уже я узнал, что это были последние капли одеколона, которые она хранила в уголке палатки.

Когда вся семья проснулась, Наджва принесла на медном подносе завтрак. Каждому по горсточке риса.

Мухаммед собирался на работу. Несколько дней назад он устроился землекопом на стройке. Выкурил сигарету, вытащил изпод матраса лопату. Инструмент этот для него больше, нежели простое орудие труда. Лопата — документ, удостоверяющий, что Мухаммед не безработный. В лагере работало не более ста человек.

Едва Мухаммед ушел, как Маджид дал крепкую затрещину сестренке. Я прикрикнул на него и увидел, как быстро замелькали средь палаток его заштопанные штаны и потрескавшиеся пятки. Маджида готова была заплакать.

Потом она стала собираться: к семи часам — в школу. Так здесь называли несколько больших палаток с классными досками. Преподавательницы, тоже из беженцев, учили детей арабскому и английскому языкам, арифметике, чтению Корана. С двенадцати часов эти же палатки занимали мальчики.

Однажды в лагере раздались крики. Я выскочил на улицу. Люди толпились около палаток, запрокинув головы. В небе, оставляя за собой облачный след, летел израильский разведывательный самолет.

— Вот так почти каждый день, хотя лагерь в пятидесяти километрах от передовой линии, — сказал кто-то, показывая в сторону самолета. — Иногда кружатся над лагерем. Бараки почти готовы, а переселяться опасно...

— Нет, бояться уже нечего, — вступил в разговор другой сосед. — Уже ясно, что нас ждет. Бежать дальше некуда. Дальше пустыня. Там нас ждет смерть. Впереди враг. Там тоже смерть. А в этой палатке? Разве это жизнь? Если уж умирать, то в бою. Наши сыновья в партизанах. Мы говорим им: «Боритесь... Враг хочет замучить нас, лишить нас воли. Поэтому он не даст нам вести мирную жизнь. Так будьте федаями...»

Самолет улетел... Люди снова скрылись в палатках. Ко мне пришли несколько седобородых стариков и пригласили в «диван». Так называется традиционный совещательный орган шейхов. В палаточном городке он тоже действовал. В одной из больших палаток, где собирался «диван», сидело, когда мы вошли, около тридцати шейхов — представителей разных племен западного берега. Несмотря на то что в лагере были и официальные власти — полицейский участок, «диван» шейхов пользовался традиционным авторитетом. В случае возникновения в среде беженцев неприятностей — оскорбление, ссора или что-то в этом роде — обращались к шейхам.

Общность судьбы, одно несчастье заставляли людей, живущих в палаточном городке, оказывать друг другу поддержку и помощь. То же, что называли здесь ссорой, происходило примерно так:

— Клянусь аллахом, хороший у тебя сын, Ахмед. Но зачем он вчера потрепал за косу мою Фатиму?

— Твоя дочь, Фарук, любимица нашей семьи, но вчера она опрокинула последнее ведро с водой.

— Больше не буду пускать ее в твою палатку.

— Оскорбление, Ахмед.

Ссорящихся примирил самый старый человек в «диване» — восьмидесятилетний Мухаммед Сулейман Абу Мурейги. Он пользуется репутацией народного лекаря.

— Единственное, что я не умею лечить, — голод, — сказал он мне однажды, опустив в землю глаза.

В «диване» положено находиться только шейхам. Но в тот день они пригласили меня как почетного гостя. В тот день, как в лучшие времена их жизни, посреди палатки тлел огонек и сыновья шейхов ходили по кругу, раздавая гостям чашечки с горьким и крепким напитком — бедуинским кофе. И мы сидели, покачивая чашечки в руке, за тихой беседой.

Лениво вспыхивали иногда язычки пламени. На жестяном противне жарились кофейные зерна, распространяя вокруг запах домашнего уюта.

— Раньше, когда были турки, у нас было много людей из «Москов», — вспоминал Абу Мурейги. — И многие арабы учили русский язык. Потом пришли англичане. Они перестали пускать к нам «Москов».

— А знаешь ли ты имя своего отца? — вдруг неожиданно спросил шейх племени Джабарат.

— И имя матери знаешь? — удивлялись другие...

В этот день они сделали для себя много открытий. Оказывается, детей в «Москов» можно не отдавать в приют, а оставлять в семье. Дочь можно официально выдать замуж, а не уступить в наложницы на три месяца. Можно иметь дом, корову и даже верховую лошадь! И автомашину даже!

«Диван» шумел как улей. «Аджиб! — Удивительно!» — волновались шейхи.

Пятьдесят лет обманывала их империалистическая пропаганда. И некоторые, поверив ей, воспитывали своих соплеменников в таком духе. А пропаганда эта не только клеветала на далекую страну. Она сеяла рознь между ними самими.

— Теперь мы хорошо знаем, кто наши друзья, — как бы извиняясь, говорил Хатиб. — Англия нас бросила в беде. США предали Израилю. «Москов» — наш друг. Он пришел к арабам в беде на помощь.

Когда меня спрашивают, как случилось, что арабы потерпели поражение в войне против Израиля, и я начинаю рассказывать, как готовилась агрессия, как была организована кампания поддержки и помощи, которую сионисты смогли раздуть во всем мире на службу Израилю, я вспоминаю обычно и этот разговор с шейхами. Какое огромное расстояние пришлось преодолеть арабскому освободительному движению, чтобы разрушить создававшееся империалистической пропагандой в течение десятков лет

представление о Советском Союзе, единственном надежном союзнике арабских народов в их борьбе против империализма и сионизма...

Арабские народы постепенно преодолевали комплекс поражения. Весной 1968 года объединенные силы палестинских партизан нанесли мощный удар по колонне израильских десантников под Карамой.

Жители палестинских лагерей в Ливане, Сирии, Иордании шли в федаи. Партизанские рейды через «линию прекращения огня» на оккупированные территории стали обычным явлением.

Ночью даже в Аммане, расположенном в пятидесяти километрах от реки Иордан, по которой проходит «линия прекращения огня», были слышны отдаленные раскаты артиллерийской стрельбы.

Поездка вдоль реки в сторону Тивериадского озера была обычным журналистским маршрутом летом 1968 года. В нескольких километрах петляет Иордан. Вдоль дороги сады и посевы. Нас не видно с израильской стороны.

Одинокий разрушенный дом. Уцелевшая неизвестно как труба. На ней человек с биноклем. В поле крестьяне собирают урожай помидоров.

— Где живут эти крестьяне?

— Нигде не живут.

В Караме было около пятидесяти тысяч человек, не считая беженцев. Во время налета 29 марта 1968 года город был разрушен полностью.

Мы едем по широкой улице Карамы. Она была в этом городе главной. Вокруг руины, беспомощно свисающие с полуповаленных столбов провода, воронки от бомб. Машина останавливается у развалин мечети, и тотчас подходят двое солдат с автоматами наперевес, откуда-то из-под руин появляются крестьяне. Это местные жители. Они не бросили своих очагов:

— Здесь наша родина.

Крестьяне ведут нас в узкую улочку. Она подверглась ночному обстрелу. Приторно-сладковато пахнет порохом и гарью. Среди обломков дома полуобгорелые клочья бумаги, фотокарточка усатого, средних лет человека. «Не волнуйся, папа, твой сын Мухаммед Ахмед», — написано на обороте.

— Осторожно, здесь могут быть неразорвавшиеся мины, — предупреждает солдат.

Обстрел был несколько часов назад. Кое-где еще дымятся руины. Вдоль дороги около воронки валяется хвостовое оперение от мины.

— Посмотри, — обращается ко мне офицер. — Фосфорные ми-

ны. Их применяют, чтобы сжечь урожай созревших помидоров.

Он осторожно начинает ковырять палочкой воронку, и на том месте, откуда шел дымок, становится видно, как бледным пламенем вспыхивает огонь. Горит земля.

Один из солдат оказался участником боев, которые были здесь 29 марта.

— Они пересекли реку в трех направлениях, — рассказал он. — Мы трое суток ждали этого нападения, наблюдая, как концентрируются израильские войска. В ход были пущены танки и авиация. Мы были плохо вооружены. У многих были только кинжалы. Но бой шел за каждую улицу, каждый дом. Израильская статистика приуменьшает число потерь, которые понесли агрессоры под Карамой.

В небе снова появляются израильские самолеты.

— С минуты на минуту мы ждем обстрела, — говорит офицер. — Обычно враг начинает стрелять, если видит крестьян, работающих в поле.

И снова мы едем по цветущей долине Иордана. Высоко в небе поют, трепыхая крылышками, жаворонки. Стоят вдоль дороги корзины с красными, только что собранными помидорами. А посреди зеленого ковра плантаций — черные пятна пожарищ.

Ближе к реке на западном, теперь оккупированном берегу, под горой Искушения, где тысячелетия назад был основан Иерихон, ныне виднеются серые стены. Но это не остатки древнего города. В 1948 году, когда террористические израильские отряды «Хагана» впервые вступили в Иерусалим, арабы услышали через мощные громкоговорители, установленные на военных машинах: «Бегите, пока открыта дорога на Иерихон. Убирайтесь, пока живы». И началась резня... То же самое повторилось в 1967 году.

«Врачи и полиция сдерживали плачущих родственников возле больницы. Валялись носилки, испачканные кровью. Как заявил директор городской больницы, 32 человека, включая стариков и детей, были убиты и приблизительно 100 человек из гражданского населения ранены». Это сообщение передал четвертого июня 1968 года корреспондент агентства Рейтер Кэмпбелл из Ирбида. С расстояния нескольких миль журналисты, подъезжавшие к этому городу с населением в 158 000 человек, могли видеть поднимавшиеся к небу густые черные облака дыма. Многие здания в городе еще горели, когда туда прибыли корреспонденты.

Это произошло ровно через год после того, как началась израильская агрессия. Но стычки там, где, по решению ООН, должна была проходить «линия прекращения огня», происходят почти

ежедневно. Я обратился к заместителю премьер-министра Иордании Ахмеду Тукану с вопросом, какие цели преследует Израиль своими непрекращающимися агрессивными актами.

— Израиль пытается оказать давление на нас, — ответил он. — Враг знает, что Иордания слаба в военном отношении, и поэтому пытается запугать нас, заставить капитулировать. Но мы не сдадимся.

Годом раньше, когда я приехал в Иорданию сразу же после прекращения боев, многие тамошние государственные деятели, экономисты говорили, что страна в том состоянии, в котором она оказалась в результате израильской оккупации, не может просуществовать и полгода. С оккупацией западного берега Иордания лишилась самого развитого в промышленном и аграрном отношении района. Предприятия, расположенные на восточном берегу, оказались без сырья, которое привозили из-за Иордана. Резко возросла безработица. Планы экономического развития оказались нарушенными. Ведь западный берег давал сорок девять процентов дохода в бюджет страны.

Но через год оказалось, что прогнозы не оправдываются. Страна сумела справиться со своими экономическими трудностями, укрепиться.

— Это произошло потому, что арабские страны, проявив солидарность, оказали Иордании серьезную экономическую помощь, обязавшись предоставлять ежегодно сорок миллионов фунтов стерлингов, — сказал мне генеральный секретарь Совета по делам экономики и строительства доктор Ханна Оди. — Правительство приняло ограниченный план реконструкции, организовало строительство ряда предприятий, которые не нуждались в ввозе импортного оборудования. Но, конечно, все эти меры временные и вынужденные. Мы ждем того времени, когда западный берег вновь вернется к своим хозяевам.

Оккупация и безработица, военные провокации и беженцы, экономическая разруха и нищета — все это единый узел проблем, крепко завязанный израильской агрессией. А сверх того проблемы старые, оставленные в наследство империализмом...

Но самое трагическое в этой стране — судьбы людей. Эти судьбы можно прочесть в наводящих ужас глазах, которые я видел в палатках для беженцев. Глядя в эти глаза, в эту пропасть человеческого страдания, нельзя не вспомнить слова, сказанные первым президентом Израиля, одним из сионистских лидеров Хаимом Вейцманом:

— Я уверен, что мир будет судить о еврейском государстве по его отношению к арабам...

И мир судит...

СУДЬБА ТАЙСИРА

Весть о поражении израильтян под Карамой получила горячий отклик во всем арабском мире. Это было первое свидетельство мужества. Оно показало, что израильская агрессия не сломила арабские народы. С оккупированных территорий также приходили сообщения, свидетельствовавшие о растущей борьбе арабов против израильских захватчиков. Но и списки арестованных израильскими властями патриотов росли с каждым днем. Однажды телетайпы информационных агентств сообщили: арестован председатель Всеобщего союза палестинских студентов Тайсир Кубба.

Тем, кто знал молодежное движение, это имя было хорошо известно... Это он, Тайсир Кубба, председатель ГУПСа, Всеобщего союза палестинских студентов, неоднократно разоблачал с международной трибуны агентов США в молодежном движении, призывал бороться с неоколониализмом, за укрепление связей с комсомолом, за солидарность с Вьетнамом. Благодаря решимости и энергии таких людей, как Тайсир Кубба, израильские агрессоры не смогли поставить арабов на колени.

Тайсир Кубба родился в Калькилии, в крестьянской семье. В 1948 году у самого его дома пролегла граница с Израилем. Там, за границей, остались апельсиновые сады и земли, принадлежащие жителям Калькилии. И еще там осталось море, всего в семи километрах. Тогда Тайсир был еще маленьким. Он помнил, как убегал с мальчишками на море утром и возвращался вечером после купания.

Крестьяне, у которых были отторгнуты земли, стали бедняками. Многие переходили границу, чтобы в своих садах сорвать несколько апельсинов и принести детям. В Калькилии был голод. Почти каждый день в деревню приходила весть о гибели односельчан от израильских пуль.

Каждую ночь слышались выстрелы по ту сторону границы. Чтобы достать апельсины из своих садов, крестьянам приходилось вооружаться чем попало. Однажды дядя Тайсира тоже отправился в свой сад за апельсинами и не вернулся. Его убили... В это время Тайсир уже учился в школе.

Когда Тайсир, окончив начальную школу в Калькилии, уехал в Наблус, чтобы продолжать учебу, он уже тогда активно включился в политическую деятельность. А в 1958 году вынужден был покинуть страну и уехал в Сирию. В Дамаске он поступил на юридический факультет, а через год перешел на исторический. Атмосфера бурной политической жизни Дамаска выковала из Тайсира-крестьянина патриота, борца, демократа. Тогда впервые он

стал задумываться о сущности и роли сионизма — верного собрата империализма.

В 1959 году в Дамаске Тайсир Кубба был принят во Всеобщий союз палестинских студентов, а через год становится уже председателем этой организации. В 1961 году сирийская реакция высылает Тайсира из страны. В это время в Каире проходила конференция палестинских студентов. Тайсир едет туда. Вскоре он становится председателем ГУПСа. С его приходом в качестве руководителя организация активно включилась в освободительное движение. ГУПС становится членом МСС. Впоследствии Тайсир был избран членом Исполкома МСС.

— Что я могу рассказать о Тайсире? — говорил мне его брат Ибрагим, которого я разыскал в Иордании. — Он всегда любил труд и землю, словно черпал в ней силы. Часто вспоминал своих друзей. Их было много во всех странах мира, особенно в Советском Союзе. Перед тем как уехать на западный берег, Тайсир говорил: «Если арестуют, сразу же сообщите друзьям». Он верил им, знал, что, если с ним что-нибудь случится, они не оставят его в беде. Особенно верил он в советскую молодежь, в комсомол.

Уже в тюрьме Тайсир сказал матери во время свидания: «Передай им, что меня пытают. Я уже много дней не видел солнца». Во вторую встречу, когда надзиратель отвернулся, Тайсир показал жестом, что у него берут кровь из вены. «Каждую неделю», — добавил он.

Когда началась израильская агрессия, Тайсир был в Каире. Вернувшись в Амман, спросил меня: «Как семья?» Я знал, — продолжал рассказывать Ибрагим, — что старший брат погиб, но сказал, что все покинули Калькилию и где они, не знаю. Потом пришло сообщение, что израильские оккупанты полностью разрушили Калькилию. Очевидцы рассказывали, что встретили нашу семью на ночлеге под деревом около Наблуса.

В это время и появился Тайсир в Калькилии. Там он нашел друзей — студентов, которые организовывали кампанию неповиновения оккупантам. Затем Тайсир вернулся в Амман. Он жил здесь месяца два, а потом пришел к выводу, что должен снова вернуться на оккупированную территорию. В это время там вспыхнули волнения — студенты и школьники отказывались принимать израильскую систему образования. Тайсир считал, что его обязанность как председателя ГУПСа быть с ними. Вернулся он нелегально. Он считал, что западный берег — его земля. Так он и заявил на суде прокурору.

Во время следствия израильские сатрапы заставили одного из жителей Калькилии, пятнадцатилетнего мальчика, подписать заяв-

ление, в котором говорилось, что Тайсир Кубба уговаривал его принять участие в вооруженной борьбе. Когда начался суд, этот «свидетель» стал плакать и заявил, что его заставили это сделать под пытками. «Как же ты говоришь одно, а подписал совершенно другое?» — спросил его судья. «Если меня сейчас будут бить и спросят: «Ты Абдель Насер?», я скажу: «Да, я президент Насер...» — ответил мальчик.

Через месяц после ареста в тюрьму пришел председатель Союза еврейских студентов, с которым Тайсир участвовал в международных форумах, бывал на конференциях. «Ну что же ты возмущаешься арестом, мы ведь победители, — сказал он. — Если ты согласен, мы будем просить власти смягчить тебе наказание». Так израильские власти пытались сломить волю Тайсира, подослав к нему своего агента.

Суд над Тайсиром долго не начинали, откладывали. Видимо, не могли сфабриковать документы, обвиняющие Тайсира «в вооруженном проникновении». Потом стало известно, что военный трибунал приговорил Тайсира Куббу к трехлетнему тюремному заключению. Причем власти не разрешили выступить на суде французскому адвокату — защитнику Тайсира Куббы, который был направлен Международным союзом студентов.

Когда зажглись факелы IX Всемирного фестиваля, проходившего под девизом солидарности с народами, борющимися за свое освобождение, призыв «Свободу Тайсиру Куббе!» на весь мир прозвучал из Софии.

На X Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Берлине Тайсир приехал руководителем делегации палестинской молодежи. Он рассказывал о том, как на оккупированной территории нарастает сопротивление. «Символ палестинского сопротивления — это Газа, — говорил он. — Ни террор израильских властей, ни карательные экспедиции, ни высылка людей в безлюдные пески Синая не способны остановить сопротивление жителей Газы захватчикам.

Город превращен в концентрационный лагерь. Стремясь погасить очаги сопротивления, оккупанты насильно стали вытеснять молодежь в пустыню. Захватчики боятся народа, у них земля горит под ногами. Не случайно израильская администрация разрезала один из лагерей, куда были переселены тысячи жителей Газы, 70-метровой полосой — шире, чем знаменитые Елисейские поля в Париже. Эту полосу каратели создали для того, чтобы в случае волнений бросить в коридор танки.

Мы несем большие потери, — рассказывал Тайсир. — Но, опираясь на трудящиеся массы и помощь социалистического лагеря, мы победим. Народ не убить».

ВОЗДУШНЫЕ ПИРАТЫ НАД ДОЛИНОЙ НИЛА

Судьба Тайсира Куббы завела нас на несколько лет вперед от дымящихся руин арабских городов и селений — в Софию и Берлин. Но вернемся снова на Ближний Восток, на этот раз на берега Нила.

Отдаленный взрыв докатился однажды до центра Каира, задержался в зазвеневших как струны окнах. Было около восьми утра. Стояло солнечное февральское утро 1970 года. Люди спешили на работу. На металлургическом заводе в Абу-Заабале менялась смена. В это время всегда особенно многолюдно в цехах и у заводских ворот. Именно это время избрало израильское командование для нанесения своего пиратского удара по заводу. Восемьдесят погибших, примерно столько же раненых — таков был итог этого преступного акта.

А через несколько дней, когда погибшие были уже похоронены, мы, приехав в Абу-Заабаль, застали за работой подростков. Дети пришли на завод, чтобы заменить своих отцов. Они пришли, чтобы снова заставить печь плавить сталь.

— Я никогда не видел, чтобы люди работали с таким упорством, не покладая рук, — рассказывал мастер смены. — Теперь каждый чувствует себя словно на фронте — необъявленная война подошла к порогу каждого дома.

На помощь рабочим Абу-Заабаля пришли в те дни рабочие соседних предприятий. В рабочем классе крепло чувство ответственности за судьбу своей страны, сплоченности.

С поражением в войне 1967 года египетский народ не прекратил сопротивление израильским агрессорам. Он перестраивал армию, оснащал ее современным советским оружием. С сентября 1968 года над Суэцким каналом велись артиллерийские дуэли, во время которых преимущество нередко оказывалось на стороне египтян, а в один из октябрьских дней того года египетский ракетный катер с одного выстрела потопил советской ракетой крейсер «Элат», попытавшийся войти в бухту Порт-Саида. По огневой мощи «Элат» был равен половине всего израильского флота.

Расчет на то, что поражение арабов в войне приведет к падению прогрессивных режимов в Египте и Сирии, тоже не оправдался. Преобразования в этих странах продолжались. Имя Насера стало символом арабского сопротивления.

В этих условиях израильтяне решили попытаться сломить дух сопротивления арабов нанесением ударов по гражданским и промышленным объектам. Едва не задевая крыльями верхушек пальм, над нильской долиной стали носиться израильские «Фантомы». Одним из гражданских объектов, подвергшихся бомбардировке, и стал Абу-Заабаль. В апреле израильские стервятники со-

вершили новое преступление: на этот раз пострадала школа в Бахр аль-Бакаре.

Глубокой ночью мы приехали в селение Хусейния, куда были только что вывезены после израильской бомбежки тела погибших детей. Они лежали один к одному, обернутые в белые простыни и вату, и рядом с ними лежал их учитель...

Когда израильский «Фантом» появился над селением Бахр аль-Бакар, в начальной школе, построенной всего два года назад, шел урок. 89 мальчиков и девочек сидели за партами. Детям было по шесть-двенадцать лет...

И вот теперь маленькое тело судорожно вздрагивало в руках отца. Ребенок пытался что-то сказать из-под бинтов, которыми обвязано все лицо, но слышались только похожие на хрип неразборчивые звуки. Отец поправлял огрубевшими руками подушку под головой сына, смахивая незаметно набегающие слезы. А рядом еще и еще дети, отцы и матери, сидящие в ногах и у изголовий. В маленькой сельской больнице не хватило ни простыней, ни кроватей, чтобы принять всех пострадавших. Глубокой ночью пришла машина с медикаментами из соседнего городка. Тридцати школьникам и их учителю уже не нужны были лекарства. 36 детей отправлены в госпиталь с ранениями, некоторые с тяжелыми. Не все из них выжили...

— Пятью пять — двадцать пять. Шестью шесть — тридцать шесть, — повторяла в бреду девочка заученный урок.

— Вы думаете, что это не ошибка, что это нарочно? — спрашивал один западный журналист работника министерства информации.

— Вспомните Абу-Заабаль, — сказали ему.

Три бомбы и две ракеты были выпущены израильскими «Фантомами» по школе и соседнему с ней складу сельскохозяйственного инвентаря...

— Нет, мы не ошиблись. Наши самолеты атаковали только военные объекты, — заявил официальный израильский военный комментатор после того, как сообщение об очередном преступлении сионистов было передано по египетскому радио.

Конечно, не ошиблись... Трудно назвать ошибкой то, что делается с холодным расчетом по заранее продуманному плану.

— Мы, — заявил генерал Моше Даян, — фотографировали район до и после рейда, и снимки ясно показали военную природу сооружений.

Уже знакомы эти коварные приемы обмана общественного мнения. Знакомы по выступлениям Геббельса и тех, кто ответствен за гибель вьетнамской деревни Сонгми... Да и сам Даян уже набил руку на лицемерии и лжи — ведь не прошло и двух меся-

цев после бомбардировки Абу-Заабаля, когда мирный объект сей генерал назвал военным. И на этот раз американские сообщники Даяна по преступлению проливали крокодиловы слезы. «Если эти сообщения подтвердятся, — заявил представитель Белого дома по вопросам печати Макклоски, — то этот трагический инцидент станет еще одним печальным последствием продолжения несоблюдения прекращения огня». Как все в этом заявлении лицемерно... Словно не американские «Фантомы» стали причиной гибели этих детей, словно не Соединенные Штаты пособники израильских агрессоров...

Через несколько месяцев после трагического события в Бахр аль-Бакаре мне довелось услышать песню... Советская делегация, приехавшая в Каир на III неделю дружбы молодежи СССР и Египта, выразила желание посетить Бахр аль-Бакар. К этому времени в селении уже работала новая школа, построенная руками молодых добровольцев — членов Организации социалистической молодежи. На глазах матерей-египтянок, я видел, навернулись слезы, когда члены советской делегации заявили на массовом митинге в Бахр аль-Бакаре о том, что Центральный Комитет Ленинского комсомола передает в дар новой школе оборудование и приглашает детей Бахр аль-Бакара приехать на отдых в наши пионерские лагеря.

И вот тогда, взявшись за руки, школьники, оставшиеся в живых после израильского вандализма, запели песню. «Вставайте же, миссис Никсон, и выключите все радиоприемники в вашем доме, — пели девочки и мальчики. — Плотно заткните ватой уши вашим детям. Иначе наступит день, и они вздрогнут, услышав о том, что произошло. Им будет стыдно, словно в этом они виноваты. Они спросят вас: «Мама, что плохого сделали нам дети Бахр аль-Бакара? Мама, чем могли досадить нам ученики сельской школы?..»

СУЭЦ ДАЕТ ОТПОР

«Граждане! Тревога! Всем предлагается занять места в укрытиях. Слушайте сообщение штаба народного ополчения».

Алюминиевый репродуктор, прикрепленный на вершине минарета, мало кого мог убедить — жители Суэца ко всему привыкли. Репродуктор покачивался на ветру, будто пытаясь пристыдить их. Но по-прежнему мало кто спешил занять места в бомбоубежищах и щелях. Из 260 тысяч постоянных жителей одного из крупнейших в Египте портов — Суэца в городе осталось только 40 тысяч. Остальные эвакуированы по решению

военных властей. В городе, по которому уже несколько месяцев вела ежедневный огонь израильская артиллерия, не оставалось неповрежденным, пожалуй, ни одного дома.

Гул взрывов сотрясал воздух. Мы стояли, рассматривая видневшиеся по ту сторону Суэцкого канала желтые холмики. Там проходила линия израильских укреплений «Барлев». Оккупанты отошли в глубь Синая на несколько километров, создав там целую сеть фортификационных сооружений. У самого канала на восточном берегу остались лишь посты наблюдателей, снайперов и небольшие воинские подразделения. Мои спутники, члены отряда народного ополчения, тянули меня в машину. Упругие залпы египетской тяжелой артиллерии один за другим сотрясали землю. Машина поспешила скрыться в узких улочках города — может быть ответный огонь. Но в городе по-прежнему все спокойно; время обеденного перерыва. Рабочие нефтеперегонного завода прямо под открытым небом ели поджаренную на вертеле рыбу. У здания госпиталя дежурили санитарные машины с заведенными моторами. Лениво, как ни в чем не бывало прохаживала по стенам разрушенного дома тощая, облезлая кошка.

Наша машина остановилась под навесом у самого Суэцкого залива, через который хорошо были видны порты Тауфик и Адабия справа по берегу. Напротив Зеленый остров. По соседству с нами расположены губернаторство и отделение Арабского социалистического союза. Эти здания, обнесенные двойной кирпичной стеной, напоминали теперь две средневековые крепости с бойницами и бастионами. Здесь же, в здании губернаторства, только с тыльной его части находилось помещение, где работали советские военные специалисты.

В бомбоубежище, прильнув к телефонным аппаратам, сидели руководители народного ополчения; губернатор провинции Суэц Хамид Махмуд и секретарь местной организации АСС Гамаль Саад работали тоже в убежище.

Постепенно выяснилась общая картина и подробности боя. Всю ночь 8 июля 1969 года через Суэцкий канал шла ожесточенная артиллерийская перестрелка. Начавшись на севере, она распространялась постепенно к югу, к порту Тауфик. А в это время в местечке Бухейра аль-Тимсах, недалеко от Исмаилии, самая крупная после июньской войны 1967 года группа в составе ста египетских десантников форсировала канал. Они прорвали линию обороны в одном из самых укрепленных участков, уничтожив в бою тридцать израильских солдат, несколько бронемашин и танков, а также базу ракетных установок. Израильтяне пытались перейти в контратаку, но вынуждены были отступить. В этом бою

был подбит еще один израильский танк. В два часа ночи египетский отряд вернулся на западный берег. За час до его возвращения другая группа десантников форсировала Суэцкий канал и уничтожила базу ракет, применявшихся для обстрела Исмаилии в предшествовавшие этой операции дни. Подобные смелые вылазки в ответ на ежедневные израильские провокации становились постепенно обычным явлением.

Видимо, пытаясь взять реванш за ночное поражение, израильские войска стали сосредоточивать силы в отдельных пунктах вдоль Суэцкого канала. После одной из артиллерийских дуэлей израильтяне попытались на двух катерах приблизиться к западному берегу Суэцкого канала. Огнем египетской береговой артиллерии один катер был потоплен. Для спасения экипажа израильское командование выслало вертолет. Но вертолет был подбит зенитным огнем и упал в воды Суэцкого залива. С берега было видно, как пилот выбросился с парашютом.

...Склонившись над картой в своем подземном кабинете, секретарь АСС объяснял мне обстановку.

— Суэц — один из самых пролетарских городов Египта, — рассказывал он. — Когда-то здесь действовали крупнейшие империалистические компании, например «Шелл». Рабочие испытали на себе гнет монополий. Поэтому именно в Суэце было крепким профсоюзное движение и сильны революционные традиции.

В те дни в общественной и политической жизни страны принимали все большее участие люди, которые раньше испытали на себе гнет эксплуатации. В условиях военного времени люди работали иной раз по двенадцать часов в сутки, но они работали на себя. Уже события июньской войны 1967 года показали, что жителей Суэца не сломить.

— Мы одними из первых, — вступил в разговор губернатор Хамид Махмуд, — приняли на себя удары израильских войск. А также познали горечь при виде наших отступавших частей. Всюду прекратились военные действия, а враг 14—15 июля пытался прорваться через Суэц, чтобы встретить на западном берегу приход наблюдателей ООН. Израильская артиллерия и авиация наносили в те дни удары по жилым кварталам, школам, нефтеперегонному заводу.

— Видели бы вы, с каким героизмом вели себя жители города во время самых опасных ситуаций, которые выпадали на нашу долю, — продолжал Гамаль Саад. — Помню обстрел нефтеперегонного завода. На одну из цистерн упал осколок зажигательного снаряда. Огонь кругом. От огня гнутся железные лестницы, словно они сделаны из воска. Цистерна может взорваться в лю-

бую секунду, а рабочий завода Мухаммед аль-Садик Ахмед лезет на цистерну, чтобы затушить огонь.

Восьмого марта 1969 года израильские войска начали ежедневные обстрелы Суэца. Вооруженные силы ОАР ответили. Теперь артиллерийские перестрелки и бои шли часто по двадцать четыре часа в сутки. Израилю уже не приходилось надеяться на легкие победы. Вооруженные силы ОАР, восстановившие свою боевую мощь с помощью Советского Союза, успешно отвечали на израильские провокации.

Под аккомпанемент разрывающихся снарядов в одной из комнат здания АСС шла репетиция хорового кружка народного ополчения.

Заглушая взрывы, бил барабан, звенел какой-то старинный и незатейливый струнный инструмент. В импровизированной песне простые слова:

Слушай гром наших пушек.
Слушай их, ненавистный буржуй.
Мы рабочие. В наших руках винтовки...

БИТВА ЗА ОСТРОВ

Этот маленький клочок земли в пяти километрах от порта Тауфик в Суэцком заливе превратился в те дни в настоящий бастион. Много раз израильские агрессоры пытались высадить на него десант, подвергали его артиллерийским обстрелам, но египетский флаг по-прежнему развевался над его зеленой вершиной...

Ночью 20 июля радарные установки вновь засекли крупное передвижение противника. Было без десяти три утра, когда десять израильских десантных лодок начали приближаться к острову. В это же время два израильских самолета атаковали египетские позиции, но были отогнаны зенитным огнем. Когда все же израильским лодкам удалось подойти к берегу, они были атакованы египтянами. Одна из лодок противника загорелась. Израильские солдаты попрыгали в воду. Две другие продолжали вести бой. Шестеро египетских солдат были тяжело ранены. К Зеленому острову подходили еще три израильские лодки. В это время открыла прицельный огонь береговая артиллерия...

До 10.30 утра противник вел огонь по Зеленому острову, но так и не смог захватить этот важный стратегический пункт у выхода из Суэцкого канала.

На протяжении всего Суэцкого канала во время ожесточенной артиллерийской перестрелки враг нес серьезные потери. Примерно в три часа дня противник предпринял беспрецедентный после

окончания июньской войны 1967 года шаг. Пятью волнами обрушились на египетские войска израильские «Миражи» и «Скайхоки». В начале воздушного налета только одна зенитная артиллерия сдерживала налеты израильской авиации. Прошло более двух часов с начала боя, солнце уже пыталось спрятаться за горизонт, когда египетской авиации был отдан приказ атаковать. Вскоре над Порт-Саидом и Исмаилией появилось несколько израильских самолетов. Они уходили от воздушного боя, оставляя за собой клубы черного дыма. Выполнив приказ командования, египетская авиация отогнала самолеты противника и нанесла удары по укреплениям на Синайском полуострове. Вскоре стало известно: египетские самолеты уничтожили дивизион ракет «земля — воздух» типа «Хок», три радарные установки, разрушили артиллерийские позиции в местечке Уюн Муса, совершили нападение на несколько эшелонов, передвигавшихся по дорогам оккупированного Синая.

В небе светил маленький ущербный серпик Луны. Где-то там, за тысячами километров от Земли, отважные американские космонавты готовились ступить на поверхность чужой планеты. Когда историк напишет об этом смелом подвиге американцев, пусть не забудет пометить, что в день 20 июля 1969 года египетские города бомбили «Скайхоки» американского производства.

Утопающая в зелени садов Исмаилия стала в эти дни наряду с Суэцем и с Зеленым островом одним из самых напряженных участков боев вдоль Суэцкого канала. Отсюда через Бухейра аль-Тимсах египетские десантники совершали смелые вылазки на оккупированный Синай. С губернатором Исмаилии Мухаммедом Абду Шенави я беседовал в здании городского муниципалитета. Мухаммед Абду Шенави рассказывал о мужестве жителей города Исмаилии, которые жили и трудились фактически в условиях фронта. Отсюда, как и из других городов вдоль Суэцкого канала, были эвакуированы женщины и дети, ряд учреждений. Но мужчины, прежде всего рабочие и служащие компании Суэцкого канала, оставались на своих местах.

Странно было увидеть в таком городе трехлетнюю девочку, играющую на мостовой в тени деревьев. Отец расположился тут же на завтрак.

— Что же ты не отправил дочь в тыл?

— Приехала на воскресный день с матерью и не смогла вернуться из-за перестрелки.

За несколько дней поездки по районам, примыкающим к Суэцкому каналу, мне пришлось видеть многое: и горе и разрушения, встречаться с египетскими солдатами, которые проводили все время на учениях или в бою.

И вот путь мой пролег в губернию Букейра, расположенную

в достаточно глубоком тылу. Здесь шла другая битва — за хлопок, за ликвидацию неграмотности, за освоение пустыни.

Посреди выжженной солнцем желтой равнины я увидел роскошные сады и современные поселки в провинции аль-Тахрир, созданные руками египетских крестьян после революции. Там полностью покончено с неграмотностью. Там созданы крупные механизированные кооперативы. Видел я и маленькие египетские деревеньки, жители которых еще не знали, что такое водопровод и электричество.

В селении Избат аль-Биксави я попал однажды в обыкновенный крестьянский дом, в котором собирался по вечерам кружок по ликвидации неграмотности.

— Какова наша цель? Социализм. Кто наш главный враг? Империализм. Кто наш первый друг? Советский Союз.

Усталые от дневной работы крестьяне неумелыми пальцами записывали при свете керосиновой лампы в помятые тетрадки трудные слова. Нелегкое дело — освоить грамоту в 40—50 лет. Смышленый четырехлетний Ахмед словно в укор отцу научился читать первым, хотя его и в класс-то не пускали. Сидел у окна, пока учился отец.

Чтобы добраться до Избат аль-Биксави, нам пришлось оставить машину на дороге и пройти несколько километров пешком.

— Представляешь, как трудно бороться с неграмотностью в деревне, в которой нет даже дороги! — говорил Сулейман Балки, секретарь комитета Организации социалистической молодежи одной из соседних деревень.

— Не только дороги... И электричества нет, и медпункта, — добавил кто-то.

— Электричество придет уже через полгода, — обиделся за свою деревню Ахмед аль-Гарави, секретарь местной ячейки ОСМ. — И дорога будет. Построим.

В те дни во всем Египте шла борьба. Перестрелка в районе Суэцкого канала будила, поднимала на эту борьбу новые народные силы. Борьба шла за прогресс, за национальное развитие, за хлеб, за воду, за души людей.

АТАКА НА ТАУФИК

Было около пяти часов вечера. На той стороне я ничего сперва не увидел: у канала можно было заметить лишь портовое строение. Над ним развевался флаг ООН. Недавно там был пункт по наблюдению за выполнением «соглашения о прекращении огня». Но наблюдатель ООН стал жертвой очередной израильской провокации. Пункт после этого закрыли, и

флаг ООН, по-прежнему развевающийся над зданием, остался лишь как напоминание о полном пренебрежении агрессора к любым решениям этой организации.

Слева от наблюдательного пункта ООН висел в небе маленький крестик. Двухмоторный израильский самолет летел над восточным берегом Суэцкого канала. Оттуда он наблюдал за позициями египетских войск.

— Для нас это сигнал, — сказал офицер. — Через несколько минут должен начаться налет...

В порту Тауфик не было мирных жителей. Здесь вообще никого не было, кроме солдат в окопах, защитников этой земли. Стояли одинокие трубы на месте пепелищ, уцелевшие, но пробитые осколками стены, которые когда-то были домами. Стояли деревья в зелени, печально склонив к земле подрубленные осколками ветви. Нет жителей, нет и убежищ. Солдат во время атаки не должен прятаться в землю. На чердаке одного чудом уцелевшего дома — наблюдательный пункт. И мы поднялись туда по темной лестнице.

— Осторожно, — предупредил наблюдатель. — Могут заметить снайперы...

Прикладываюсь к объективу. Прямо передо мной желтая до самого горизонта пустыня и мирное небо. Невозможно было поверить в тот момент, что через несколько секунд смерч огня и металла обрушится на нас из этой спокойной синевы.

Майор Фарук успел крикнуть: «За мной!» — и бросился вниз по лестнице. Я за ним. Тяжелый взрыв раздался совсем рядом, закачались стены. Бомба упала на соседнее здание в тридцати метрах от нас.

Мы выскочили на улицу. Нагнувшись, через дорогу перебегали в окопы египетские солдаты. У одного из них рукав гимнастерки был в крови.

Тремя волнами широким фронтом заходили «Скайхоки». Все это время не прекращался огонь египетской зенитной артиллерии. Затем заработали дальнобойные...

В любую секунду нападение могло повториться. Во время воздушных налетов израильская авиация не проникает глубоко в расположение египетской линии обороны. Значит, надо ждать возвращения стервятников. Но самолеты почему-то не возвращались. Уже потом я узнал: три израильских самолета были сбиты, остальные вернулись другим путем...

Когда мы снова ехали по городу, то здесь, то там встречались следы новых разрушений. С ревом по улице промчалась санитарная машина. Из сводки, полученной в этот день в штабе, я узнал: враг снова применил напалм.

— Ты понял, — сказал мне подполковник Мухаммед Фейсал, — в некотором отношении на передовой быть безопаснее. Там враг не применяет напалма. Боятся случайно задеть своих. Напалм применяется там, где много людей.

Девочка лет пяти бежала по улице и громко плакала. Она искала и не могла найти свою мать...

РЕЙД НА МЫС

Этот мыс был одним из самых укрепленных участков линии Барлева. Отсюда враг совершал бесчисленные обстрелы портов Тауфик и Суэц, держал под постоянной угрозой Зеленый остров, прикрывающий выход из Суэцкого канала в залив.

— Если бы раньше вам довелось побывать на нашем наблюдательном пункте, — рассказывал старший лейтенант Ахмед Шауки, — вы бы увидели следующую картину: желтый песок, за ним танк, рядом строение, за ним танк, дальше окоп. Ту часть, где были расположены танки, чтобы вести огонь по Зеленому острову и по кораблям, которые привозили нефть во временный порт, сооруженный недалеко от Адабии. Однажды с той позиции было обстреляно греческое судно.

Перед нами была поставлена задача полностью уничтожить линию обороны противника в южной части мыса, — рассказывал Ахмед. — Необходимо было серьезно подготовиться. Мы принялись вести тщательное наблюдение за врагом. Определили его численность, силу огня, распорядок. Мы знали, что и в каких условиях враг может предпринять, как он будет вести себя во время нашей атаки.

Для выполнения задачи мы создали специальный десантный отряд, определили виды оружия, которые будем использовать в бою, составили план. Решили совершить нападение днем. Враг не ожидал дневного боя. Вся операция готовилась в полном секрете. Мы построили в тылу специальные позиции, точно скопировав расположение сил врага. Каждому солдату была объяснена его личная задача и затем прорепетирован бой с применением настоящего боевого оружия и боезарядов. И, только почувствовав, что каждый солдат знает свое место в бою, решили действовать. Операцию мы строили на трех принципах: внезапность, мощный удар и быстрый отход.

Несколько дней подряд велись артналеты на вражеские позиции. Мы приучили противника к мысли, что после обстрела ничего не последует. В момент нашей вылазки внимание противника было к тому же отвлечено десантом в другом месте фронта.

Весь отряд перешел ночью в порт Тауфик и спрятался в до-

мах, неоднократно обстрелянных и разбитых израильской артиллерией. Подвезти большое количество людей на автомашинах было невозможно. Враг мог услышать шум моторов, и тогда наш план был бы разгадан. В течение всех суток до начала операции 164 солдата и 6 офицеров сидели молча. В 8 часов 2 минуты заработала артиллерия. В 8.15 мы сели в лодки и под прикрытием артиллерийского заградительного огня поплыли к мысу.

Высадившись, на все цели напали одновременно.

Когда начался бой, один из израильских солдат выскочил из танка и побежал. Пришлось дать по нему очередь. Раненного, мы захватили его в плен.

Только один танк смог открыть огонь, но мы тотчас уничтожили его. Другой попытался сделать какой-то маневр и тут же был подбит.

Ахмед, казалось, мог бы взять меня за руку и с закрытыми глазами провести по всему мысу. С абсолютной точностью ложился передо мной на бумагу каждый объект на пути отряда, нарисованный его рукой.

— Ну а потом?

— Потом мы забросали гранатами убежища, в которых прятался противник, и водрузили египетский флаг на месте израильского. Мы уже были на полпути обратно, когда противник выпустил первую осветительную ракету.

Солдаты, участвовавшие в этой операции (кстати, отряд не потерял ни одного человека), рассказывали о бое с известной долей юмора. Они, мол, не хотели добровольно уходить с мыса, и только дисциплина заставила их подчиниться приказу командира. Кто-то оставил на израильских позициях заранее прихваченные таблички с надписью «До новой встречи». Кому-то захотелось пить, и он выпил чай, оставленный на столе израильского офицера.

— Сейчас мы получаем много писем, — рассказывали солдаты Мухаммед Басьюни и Фатхи Махмуд. — Пишут родные и близкие, знакомые и незнакомые. А дома ждут, когда приедем хоть ненадолго на побывку.

Фатхи был агрономом. Он только что окончил институт. Война сделала его солдатом. Но земля ждала его возвращения.

В этот день я проехал по позициям египетских войск от порта Тауфик до Сохно вдоль побережья Суэцкого канала. Я видел много таких людей, которых ждали земля, заводы, аудитории. Но они взяли в руки оружие. Под постоянным огнем израильской артиллерии и авиации находились Суэц, Тауфик, Адабия — три порта у выхода из канала в Красное море. Египтяне создали тут же недалеко новый временный порт. Он тоже оказался

под обстрелом. И иностранные корабли, которые привозили сюда нефть, испытывали известный риск. Во время последнего воздушного налета пострадала одна из труб нефтепровода. Но ее вскоре починили, и нефть снова потекла в Суэц.

— Сейчас в порту стоит греческое судно «Никос Вэ», — рассказывал мне инженер Гергис Горги. — Недавно было французское. Мы работаем даже во время обстрела.

ДВА ЧАСА ПОД ОБСТРЕЛОМ

Мы ходили по крыше бывшего госпиталя. Точнее, это была даже не крыша, а верхний этаж здания, разрушенный во время бомбежки.

— Осторожней, опасно! — предупреждал командир наблюдательного пункта.

Какое там!.. Какое чудное синее небо!.. Какие дали и горизонты вокруг!.. Какие роскошные манговые сады в Исмаилии!..

И вдруг резкий свист — ууу-х!.. Я не мог понять, что произошло. Где небо, где солнце? Я увидел перед собой подметки офицера с подковками. Мы все лежали на полу, уткнувшись носом в обломки...

— За мной! Ракета! — Офицер кинулся к лестнице.

Я и солдат топтались около нее, вежливо предлагая друг другу спуститься первым. Но вдруг кто-то меня схватил буквально за шиворот, и я полетел вниз по шаткой лестнице без перил, тычась в чью-то спину.

Взрыв. Столб пламени и дыма. Я на земле. На мне человек пять. Ох и острые же у них колени!..

Кто-то толкнул меня в нишу. Сидим плотно на корточках. Бу-ух! Через пробоины в нише меня всего обдает искрами. Напалм?

Как молния пронеслось в сознании виденное ранее. Учения. В окопах пулеметчики. Бьют по врагу. Подходит солдат и мажет напалмом их гимнастерки со спины. Другой поджигает. Доли секунды. Живые люди горят как факелы. Еще доли секунды. Они ведут бой. Потом опрокидываются спиной на песок, катаются по нему, вскакивают и резким движением срывают с себя одежду. Они целы и невредимы. Можно бороться с напалмом...

Хочу стряхнуть с себя искры. Не могу освободить руки. Искры гаснут. Не горю?.. Значит, не напалм...

Вскакиваем. Кто-то больно ударил в колено. Ах черт!.. Бежим, пригибаясь, через коридор. Снова ухают взрывы. Но мы уже в небольшом отсеке. Ни искр, ни пламени. Только дым глаза ест.

— Алло, алло! — кричал телефонист в трубку. Нет связи.

Я почувствовал, как спина стала холодной. Тронул рубашку. Хоть выжимай!.. Солдаты тоже все взмокли.

— Я думал, напалм. А тут словно под дождь попал.

— Хоть бы глоток воды...

— Пожалуйста, кофе!.. — предлагает офицер.

Как в сказке, перед нами возникает солдат с медным подносом. Фарфоровые чашечки с горячим кофе чуть припорошены известкой.

Черными от гари руками солдаты разбирали чашечки с кофе. Потянулись и мы к подносу.

— Ба-ах, ба-ах!..

Руки застыли на весу. Над головой что-то засвистело.

— Три израильских танка вышли с позиции, ведут огонь по нашим позициям!.. — кричал офицер в трубку.

Связь была наконец установлена. Но наблюдательный пункт разрушен. Египтяне не могут вести ответный огонь. С соседнего НП вражеская позиция не видна.

— Потерь нет! — кричал офицер в трубку. — Один легко ранен.

Рвались снаряды. Стоял гул. Но здание уже не тряслось, как прежде. С потолка сыпались осколки извести. Правое крыло госпиталя было полностью разрушено.

— Алло, алло! — кричал опять в трубку офицер. — Примите примерные координаты!..

Несколько раскатов с египетской стороны.

— Ну что?

— Сейчас узнаем...

Прибежал солдат: танки переменили направление...

Снова рвались снаряды. Смотрю на часы — уже больше часа под обстрелом...

— Может, выскочим? Там за забором «газик»...

Офицер помедлил с ответом... Наконец решился. Встали... Как будто тихо.

Взвалив гранатометы на плечи, солдаты пошли нас проводить до пролома в стене. Бежим, перепрыгивая через груды обломков. Из здания надо выскочить в ров.

— Быстро! Короткими перебежками по одному, — скомандовал офицер и кинулся вперед. — Иди!

Я бросился вслед за ним. Мы бежали, пригнувшись к земле. Ноги вязли в рыхлом песке. С той стороны Суэцкого канала был слышен лязг гусениц. Глаза ловили трассы снарядов. Они тянулись к госпиталю.

— Ложись! — скомандовал офицер.

С той стороны заквакали минометы. Мины рвались вокруг

нас. Справа, слева, впереди, сзади. Лязг танков. Со стороны города облако черного дыма. Прорваться, видимо, не удастся.

Возвращаемся.

А здание госпиталя снова гудело от взрывов. Мне казалось, оно стонет. Досидеть бы до ночи! Сколько снарядов выпущено по этому зданию? Говорят, это один из самых обстреливаемых участков.

Здесь погиб начальник Генерального штаба генерал Рияд. Да, от взрыва ракеты. Только на этот раз, говорили, ракеты большого калибра. Такие впервые применил враг. На дне фарфоровой чашечки осталась кофейная гуща... Хоть бы кто погадал на кофейной гуще!.. Мы приехали на том же самом «газике», на котором ездил генерал Рияд. Нас привез тот же самый шофер Авейс Рахуми, который возил этого смелого, бесстрашного человека.

Бах, бах! — рвались снаряды. Кажется, врагом пристреляв здесь каждый камешек, каждый закуток. Белые стены госпиталя закалены красными языками пламени. Потолки осыпались. А вот сидим же... И даже пьем кофе... Кто там опять работает локтями? Вздремнуть не дают... Молодой солдат шепчет молитву. «Ах, это ты толкался?» Тот самый, безусый, он прикрыл меня своим телом от взрыва ракеты... Кто-то топал коваными подошвами по звонкому цементному полу...

— Идем... — говорит офицер.

Выходим. Песок-то, оказывается, белый. Почему я всегда считал, что он желтый? От света слепило глаза.

Останавливаемся опять перед тем же открытым пространством. Будь оно проклято!

— Рискнем?

На этот раз кинулись в ров все вместе. Опять бежали, утопая ногами в песке.

Кажется, на той стороне тихо, не слышно лязга гусениц. Добрались наконец до края забора. Глянули. И тотчас отпрянули. Израильская позиция как на ладони. Теперь мы пробирались вдоль забора к уже знакомой спасительной пробоине за углом. Нашли наконец. Отсюда нас не видно.

За следующим поворотом наш «газик». Осколками прошита камера. Выбито стекло. Прорван брезентовый тент...

А где наш шофер Авейс? На «дворнике» оставлена записка: «Ищите меня в госпитале около наблюдательного пункта ООН».

— Что с ним?

Бежали по улочке вдоль Суэцкого канала в сторону, где развевался голубой флаг. Увы, голубой цвет уже не спасал от израильских снарядов. Когда-то я познакомился со шведским май-

ором Плейном, наблюдателем ООН в Суэце. И вот уже не было Плейна: его настиг израильский снаряд на месте службы, в том же здании под голубым флагом...

Госпиталь почти рядом со зданием ООН. Обычные две виллы с зеленой лужайкой, манговыми деревьями и пальмами, среди которых разгуливал санитар, склонив голову, и, словно грибы, собирал осколки от мин.

Мы вошли в прихожую. Пали на циновку. Только бы вздремнуть немного, хлебнуть глоток воды и узнать, что же случилось с Авейсом!

Он вскоре пришел.

— Когда началось, машину пробило осколками первой же ракеты. Я прибежал сюда, чтобы позвонить в штаб.

...Авейс' Рахуми орудовал домкратом, сменяя колесо. Вот и готово.

Раненая машина была на последнем издыхании, когда мы въехали в город. Мы виноваты перед своим верным другом «газиком». Не заметили вовремя, что вражеский осколок прошил его радиатор. Теперь он стоял с открытым капотом и тяжело дышал — солдат, раненный в бою.

— Ничего, дружище! — ласково хлопал его по бокам Авейс Рахуми. — Ты еще послужишь. Подлечишься немного.

Из-за поворота выскочили к нам два «газика». Офицеры, с которыми несколько часов назад мы разговаривали в штабе армии, хлопали нас по плечу, смеялись: «Живы, живы! Два часа вы были под обстрелом. Хотели уже посылать за вами танк...»

Каждой своей частицей ощущал я и легкий ветерок, шептавший что-то в листве мангового сада, и ласку лучей солнца, клонившегося к закату, и свежий запах созревших апельсинов.

У ЛИНИИ ОГНЯ

Мне довелось в те дни побывать и на Синайском полуострове. В районе порта Фуад есть небольшой участок синайской территории, которую враг так и не мог захватить во время июньской войны 1967 года. Израильские войска упорно рвались к порту Фуад. Захватив этот участок, они смогли бы полностью держать в своих руках выход в Суэцкий канал со стороны Средиземного моря. Агрессоры бросили в этом направлении роту танков и роту бронетранспортеров. Район Раас аль-Иш, где произошло сражение, — это болотистая местность, где нет дорог в полном смысле слова. Поэтому бой шел на единственной дороге, ведущей из порта Фуад в сторону Кантары.

Позицию защищал всего один взвод египетских войск. Целый

день он сдерживал наступление, уничтожив половину наступающих танков.

На следующий день враг попытался снова атаковать Раас аль-Иш. И 25 человек, вооруженных противотанковыми орудиями, снова сорвали эту атаку. Взвод понес большие потери, но не отступил.

После этого сражения министр обороны Израиля Моше Даян уволил генерала Таля, командовавшего израильской армией на Синае, в отставку. Кроме провала на Раас аль-Иш, серьезное поражение его войскам нанесла 14-я египетская танковая бригада под командованием генерала Мухаммеда Абдель Мунима Василя. Чтобы не развеялся миф о «непобедимости» израильской армии, сионистская пропаганда во всем мире пыталась замалчивать результаты этих боев.

— На примерах защитников Раас аль-Иша и воинов 14-й танковой бригады, — рассказывал мне майор Мабрук Митвалли, — мы воспитываем наших солдат. Многие из офицеров, плохо показавшие себя в дни июньской войны 1967 года, уволены из рядов армии. Учтены ошибки прошлого. С помощью советских военных советников армия освоила новое, современное оружие. Нам потребовалось время, чтобы восстановить веру солдат в своих офицеров. Сейчас египетский офицер не отдает команду: «Вперед!» Он первый двигается в самый опасный участок боя и приказывает: «За мной!»

Моральный дух египетской армии был действительно восстановлен. Я неоднократно был свидетелем, как смело и решительно действовали египетские солдаты в боевой обстановке. И, что особенно важно, окрепла связь с Арабским социалистическим союзом и Организацией социалистической молодежи. Египетский солдат знал, что он защищает не только свою родину, но и прогрессивный строй, движение к социализму. Представители АСС на всех уровнях были частыми гостями в вооруженных силах. Приезжали на передовую линию и студенты. Они должны были видеть, слышать и знать, что делается на фронте, помогать армии. На передовых позициях часто появлялся крестьянин в белой египетской галябии. Он тоже один из защитников этой земли. Маленькая радость для солдата — кисть белого винограда или желтый, напоенный тропическим солнцем плод манго, который крестьянин приносил в окопы.

Только что перед моим приездом на передовой линии обороны, на легендарном Раас аль-Ише шли бои. Было замечено сосредоточение израильской военной техники. Египетские войска открыли огонь. Они не позволяли врагу укреплять свои позиции у Суэцкого канала. Мы доехали до самого наблюдательного пункта на

автомашине. До израильских позиций оставалось около 600 метров. Но наблюдатели оттуда не могли видеть передвижения на этой стороне. Египтян защищал высокий земляной вал. Со здешнего же наблюдательного пункта прекрасно видно все, что делается у противника.

— Однажды во время нашего артиллерийского обстрела мы услышали разговор по рации командира противостоящей израильской части со своим начальником. «По твоим позициям бьют египтяне?» — интересовалось командование. «Нет. По позициям, которые сзади меня», — ответил офицер. Он скрыл правду, — сказал подполковник аль-Абидин, — потому что боялся, что его спросят, почему он не ведет огонь. Мой непосредственный противник не отличался мужеством. Любил отсиживаться в укрытии. Другой раз произошел еще более комичный случай... Мы вели огонь по израильским позициям из танков. Командование снова начало запрашивать его, почему он не ведет огонь. Он снова соврал что-то. Тогда ему говорят: «Выйди из убежища, там тебе обед принесли...»

Кто знал египетскую армию до июньской войны 1967 года, был бы немало удивлен, познакомившись с ней в 1969-м. Не слышно было больше громогласного звучания литавр. Отменены военные парады, офицеры выглядели деловыми, собранными, подтянутыми людьми, а не надушенными барышнями. Они тяжело переживали позор поражения. В жилы офицерского корпуса влилась свежая кровь — выпускники военного факультета, имеющие опыт службы, тесно связанные с солдатской массой, выходцы из сержантского состава.

Неверно было бы, однако, скрывать недостатки, присущие в те годы египетской армии. Современная техника требовала большого числа образованных людей. Но на подготовку опытных специалистов, особенно в ВВС, уходит не месяц, не два, а несколько лет. Это была серьезная проблема, но и ее решение, как говорили египетские офицеры, не за горами.

Однажды во время поездки по линии фронта мы свернули на тыловую дорогу — в небольшое селение Мит Фарис. Сопровождал меня в поездке майор Мабрук Митвалли. В соседнем подразделении служил у него брат, с которым он не виделся с июньской войны 1967 года. По пути мы повстречали несколько воинских частей. И каждый раз нам отвечали, что брат Мабрука «только что был здесь и уехал». После круглосуточной артиллерийской канонады и воздушных налетов хотелось спокойно отдохнуть хотя бы один вечер, и я попросил Мабрука свозить меня в его родную деревню Мит Фарис, расположенную на нашем пути. И все было как в нашем русском селе, когда возвращается

солдат с фронта. Расцеловали Мабрука родственники, нас усадили на самые почетные места, за накрытый стол. Сорок сынов своих послала деревня Мит Фарис на фронт. Только не знали родственники, что их Мабрук служил на передовой, на важном, опасном и ответственном участке. Не знали, что брат его воевал с ним по соседству. Два офицера договорились скрывать от семьи свои служебные дела. Привыкшие сеять рис и собирать хлопок, люди добры, доверчивы и простодушны. В тот день у них был двойной праздник: ночью приехал Мабрук, а за час до его приезда останавливался в родном доме его брат. Так и не смог увидеться Мабрук со своим братом ни в пути, ни в родном доме.

МЫ ВМЕСТЕ СЛУШАЛИ, КАК ДЫШИТ ЗЕМЛЯ

В синей дымке опускающегося вечера тонула дельта Нила... Пар поднимался над землей.

— Слышишь, как дышит земля? — сказал мне мой друг, египетский офицер.

Один за другим погрузились в темно-желтую, богатую лессом воду сперва его, потом мой поплавки. Я дернул — пусто. Он выждал, пока его поплавок опустился еще раз, и плавно вытащил из реки усатого ленивого сома.

— И в Ниле, оказывается, живет сом, — удивился я и, оглянувшись, вдруг увидел то, чего раньше не замечал. Какие красивые за поймой дали!

— ...Знаешь, что я люблю больше всего на свете? Лежать на спине лицом в небо и слушать жаворонка...

— Знаю... Я сам люблю лежать на спине и слушать жаворонка.

— Как, у вас тоже есть жаворонки? — удивился теперь уже он. — Я думал, у вас не живут. У вас снега...

В этот момент послышался крик, который заставил меня вздрогнуть. Вытянув шеи, широко взмахивая крыльями, прямо напротив нас садились на рисовое поле журавли.

— Ты видишь? — схватил я за рукав Фарука. — Конец зимы. Это они к нам летят!..

Стало быстро темнеть. Поплавков совершенно не видно было над гладкой поверхностью засыпающей реки.

В нашем ведре плескались три сома, несколько мелких сардинок (так здесь называют нильского пескаря) и еще какие-то рыбы, которым и названия-то не знаешь по-русски. Мы вернулись с Фаруком в деревню, в дом его родителей, где он отдыхал после ранения.

В доме жила большая патриархальная семья — не меньше двух десятков человек всех возрастов.

На веранде под открытым небом нам постелили циновку, положили под локти подушки и принялись расставлять глиняные тарелки с острыми крестьянскими блюдами.

— Пробуй, — сказал отец Фарука и руками положил мне на тарелку горсть риса.

Я положил в рот щепоть рисовых зернышек. Все смотрели с ожиданием.

— Ну как?

— Что как?

— Вкусно?

— Очень вкусно, — ответил я из вежливости, думая про себя: «Рис как рис. Ничего особенного».

— То-то, — с гордостью сказал Салах, отец Фарука. — Такого сорта риса ни у кого нет. Я привез его из Асуана...

Как странно, подумал я, рис, оказывается, тоже имеет вкусовые оттенки... Не замечал раньше...

— У вас сеют рис? — поинтересовался у меня кто-то из членов семьи.

— Сеют.

— А верблюды у вас есть?

Другой крестьянин одернул его:

— Какие верблюды? У них машины. У них все техника делает: и пашет, и варит, и на стол подает...

— Нет, почему же, у нас тоже есть верблюды. Правда, мало.

Нам постелили спать на балконе под черным балдахином неба с мерцающими звездами, надушенного ароматом полей, к которым подбиралась весна.

Я долго не мог уснуть. Мне слышались журавлиные крики и свист их упругих крыльев. Как все похоже, думал я, засыпая: и это небо, и эти поля, и песня жаворонка в утреннем небе, и люди...

А утром мы проснулись от сильного взрыва. Вскочив на ноги, мы с Фаруком смотрим в небо, приложив козырьком к глазам руки. В утренних лучах солнца пикируют с неба самолеты.

— Бух... бух... — гремят где-то за пирамидой Джосера взрывы, отдаваясь в водах Нила.

Издалека, со стороны, где несколько богатырских пальм стояло на горизонте, один за другим раздаются несколько взрывов, и я вижу, как от земли отрываются и летят в небо солнечные зайчики.

— У... ух! — раздается звук, сотрясающий всю окрестность, и в чистом утреннем небе зависает облако черного с желтыми

светящимися краями дыма. И все затихает... Долго не слышно ни людских голосов в деревне, ни лая собак, ни скрипа лебедки «са», достающей воду из Нила. Потом вдруг откуда-то с высоты, с самого неба падает на нас звонкая переливчатая песня жаворонка...

— Сбили!.. Сбили!.. — кричат мальчишки, показывая рукой куда-то в сторону...

С бешеной скоростью мчится через селение «скорая помощь». Кудахчут и разбегаются по дворам куры. Салах выносит из глубин дома запылившийся, видавший виды радиоприемник и пытается привести его «в чувство».

Мальчишки, вооружившись палками, кирпичами, железными прутьями, выдернутыми из спинок кроватей, уходят «брать в плен израильского летчика».

В полдень за нами приходит машина. Мы едем в Каир. Перед самым въездом в город Фарук останавливает машину.

— Давай постоим тихо, послушаем, как дышит земля, — говорит он. — Завтра я уезжаю в часть, на фронт.

...В один из февральских дней я узнал, что мой друг Фарук сложил в бою голову. Я бродил по улицам шумного Каира, а в ушах у меня неумолимо стояла песня жаворонка. Мне теперь кажется, что эта песня сложена в честь Фарука.

ИУДИНЫ ДЕНЬГИ

Мы стояли неподалеку от зенитных позиций. После очередного воздушного налета еще дымилась земля, обильно политая напалмом.

Прямой путь к блиндажу, в котором находился штаб, был перекрыт. Специально выставленный часовой объяснил: «Впереди неразорвавшаяся ракета, справа две неразорвавшиеся бомбы, ждем саперов. Езжайте налево, в объезд сопки...» На батарее царило какое-то оживление, сразу можно понять: что-то произошло. Всего лишь десять минут назад позиции подверглись воздушной атаке. Зенитчики мужественно отражали нападение. Враг беспорядочно побросал бомбы и цистерны с напалмом. Один самолет противника был подбит в этом бою...

Командир подразделения спокоен на вид, словно только что вернулся с рыбной ловли, а не руководил опасной боевой операцией. С радушием гостеприимного хозяина он пригласил нас в блиндаж, открыл несколько бутылок пепси-колы и даже раздобыл лед.

— Раньше солдаты были необстрелянными, теперь понимают: лучшее средство защиты — оружие в руках. Поэтому никто не

ушел с позиции. Все четко выполняли приказы и отражали атаку. Сейчас жду сообщения о задержании пилота подбитого самолета. Он выбросился на парашюте вон в том направлении...

Бутылки с пепси-колой остались недопитыми на столе. Мы бросились в машину. Командир точно указал направление. Через несколько минут, выехав на асфальтированное шоссе, мы увидели оборванный провод высоковольтной линии, несколько случайных автомашин, остановившихся у обочины дороги, и толпу людей. Парашютист приземлился на дороге Суэц — Каир, совсем недалеко от города Суэц.

То, что произошло там, над шоссе, никак не укладывалось в сознание. Но это было на глазах двух-трех десятков людей всего четверть часа назад. Когда подбитый «Скайхок», потеряв скорость, стал падать, пилот выбросился с парашютом. Второй самолет, «Мираж», шедший со сбитым в паре, сделав крутой вираж, стал расстреливать спускавшегося на парашюте.

Не знаю, помнил ли это пострадавший пилот или, может быть, он был в состоянии сильного шока. Мне хотелось бы встретиться с ним и рассказать ему эту удивительную историю, если вдруг в тот момент ему изменила память... Только мне кажется, он должен бы это помнить сам...

Коснувшись земли, он сделал все, чтобы поскорее освободиться от парашюта, и сел, сжавшись в комок, в ямку, словно пытаясь в морщинах древней земли найти свое спасение. Он был взят египетской военной полицией в таком положении. Молодой египетский солдат пожалел своего сверстника, отстегнул от пояса флягу с водой, приложил к губам израильского летчика. Потом его осторожно положили на носилки и перенесли в блиндаж. Левые рука и нога его были сломаны. Когда мне разрешили к нему подойти, египетские врачи оказывали раненому срочную помощь.

Молодой парень с рыжими волосами и усиками лежал на операционном походном столе с полузакрытыми глазами, чуть шевелил правой рукой.

— Скажи мне свое имя, чтобы мы могли сообщить твоей семье, что ты жив, — попросил подошедший египетский офицер.

Летчик молчал. Сильная боль, видимо, не давала ему говорить.

— Ты жив, понимаешь, жив. Все в порядке! — настаивал офицер.

Видимо, израильтянин не понимал по-арабски.

— Как вас зовут, скажите? — спросил я его на иврите, собрав скудный запас знакомых слов.

— Насим Ашкенази...

— Ему нужен покой, — сказал врач. — Какой бы то ни было разговор я запрещаю.

— Но мне же необходимо знать о нем данные, чтобы составить сводку, — попробовал настаивать офицер.

— Здесь я хозяин, — отрезал врач. — Идите, если вам надо, поинтересуйтесь его документами в соседнем блиндаже.

Толпа на дороге не расходилась. Я не заметил на лицах людей злобы, не услышал ни единого грубого слова. Мимо проехала санитарная машина с несколькими солдатами, пострадавшими от напалма. Вдали, в стороне горной гряды, догорал самолет Насима Ашкенази. Чуть подальше, в стороне от дороги, копошились среди палаток люди, дорожные рабочие. Я проезжал мимо них еще утром. «Кочегарила» печь, в которой варят асфальт, висели выстиранные пожитки на веревках, женщина кормила малыша грудью. Эти палатки никак нельзя было принять за военный объект. Но израильские стервятники обстреляли их с воздуха. Может быть, их обстрелял Насим Ашкенази. Осколком был ранен один рабочий. Другой всем показывал разбитый транзистор, и на лице его было написано такое горе, словно он потерял близкого. И эти люди, которые всего несколько минут назад могли погибнуть от рук того самого израильского летчика, который лежал теперь, перебинтованный, в блиндаже, сочувствовали ему, увидев, как его коллега пытался уничтожить своего пострадавшего в бою соратника.

За каждый боевой вылет израильский пилот получал около тысячи долларов, если возвращался на аэродром невредимым. С тех пор как эффективность египетских противовоздушных сил увеличилась, денег стали платить еще больше. Сколько же иудиных денег хотел получить израильский пилот, пытавшийся уничтожить своего? Трудно сказать, получил ли он их. Из одиннадцати израильских самолетов, участвовавших в этой операции, три были сбиты. Один из них упал в Суэцкий канал, и я своими глазами видел, как израильский вертолет пытался спасти пилота, выпрыгнувшего в воду. Вскоре вертолет тоже был сбит огнем египетских ПВО. Еще один самолет оставил черный след в небе и упал на Синае. Раньше я не понимал, почему многие из подбитых самолетов падали в канал либо на Синае. Теперь, увидев воздушную атаку своими глазами, я понял причину: израильские самолеты обычно выбирают время налета с таким расчетом, чтобы солнце светило в глаза египетским зенитчикам. При большой скорости современной авиации в таких условиях трудно бывает взять на прицел атакующий самолет. В этот момент точный огонь могут вести только самонаводящиеся орудия. Отбомбившись, из-

раильские летчики выходят из пике и, сделав вираж, возвращаются спиной к солнцу. Это самый удобный момент для действий всех видов египетских противовоздушных сил. Наибольшее число попаданий бывает в момент, когда израильские самолеты возвращаются на базы. Но расстояние до Синая невелико — всего несколько километров. После попадания израильские самолеты успевают перелететь по нисходящей линии из расположения египетских войск и падают либо в канал, либо на оккупированной территории Синая.

Вскоре после воздушного налета каирское радио сообщило результаты боя: три сбитых израильских самолета. Цифра точно совпадала с результатами моих наблюдений. Но на другой день я, к удивлению своему, узнал, что эта цифра была неверна...

В тот же день три израильских самолета совершили нападение на египетскую территорию в районе Исмаилии. Наблюдателями было засечено возвращение в сторону Синая только одного из трех самолетов. На следующий день были найдены остатки одного самолета, сбитого прямым попаданием. Судьба другого самолета осталась неизвестной. Египетская служба информации, сообщив о воздушном нападении в районе Исмаилии, не объявила в тот день подробности боя, считая тогда данные о двух сбитых самолетах неподтвержденными.

Израильское радио сообщило в этот день только об одном сбитом самолете. Пленный израильский летчик — факт, который скрыть невозможно...

«СОБАЧЬЯ СХВАТКА»

9 февраля 1970 года, в понедельник, командир группы прикрытия египетских ВВС получил координаты израильских самолетов, пытавшихся на предельно низкой, «нулевой» высоте проскочить «линию прекращения огня». Нужны точные расчеты, чтобы при современных скоростях реактивной авиации выйти на цель. С земли помогали командиру и вскоре услышали его голос:

— Вижу цели... Спасибо.

Атака египетских самолетов нарушила строй израильского подразделения. Началась жестокая схватка. Самолеты разбились попарно и вертелись в воздухе как собаки, пытающиеся поймать друг друга за хвост. Такие бои и называются на военном жаргоне «дог файтинг», что значит «собачья схватка». Когда пилот сумеет направить свой самолет точно на хвост своего противника, он хозяин положения. Враг на прицеле. Он может поразить его из пулемета или ракетой. В таком бою может выдержать и

тем более победить только смелый и хорошо подготовленный летчик.

В этом воздушном бою участвовало с обеих сторон 42 самолета. Он длился целый час, из которого решающими были всего 7—8 минут.

Каждая сторона все время увеличивала число самолетов, участвовавших в схватке. По количеству боевых машин у израильтян был перевес на два самолета. Наземная служба египтян точно высчитывала скорость, высоту, расстояние и время, проведенное самолетами в бою. Машины, горючее которых было на исходе, в нужный момент заменялись. Чтобы осуществить подобное взаимодействие наземных служб с авиацией в ходе воздушного боя, требуется отличная боевая выучка. Именно в этот момент, пожалуй, впервые сказались на практике долгие месяцы и годы утомительного труда, который потратили египетские офицеры ВВС, занимаясь со своими преподавателями и советниками.

Последние минуты боя решили его исход. «Ухватив за хвост» вражеский «Мираж», египетский летчик выпустил ракету. Объятый пламенем «Мираж» упал в Средиземное море.

В эти же несколько минут другой египетский летчик сумел сбить пулеметной очередью еще один «Мираж», пытавшийся выйти из «собачьей схватки»: пилот израильского самолета катапультировался и был взят в плен. Остальные самолеты вынуждены были уйти.

Это один из первых воздушных боев, закончившихся победой египтян. На суше их успехи были тоже впечатляющими. На протяжении 1969-го — первой половины 1970 года артиллерия вела периодическую перестрелку через Суэцкий канал, подавляя израильтян своей дальнобойностью и огневой мощью. Неоднократно совершались рейды через Суэцкий канал. Каждый из подобных успехов, за которыми стояли долгие месяцы и годы тяжелых учений и упорного труда, повышал боевой дух египетской армии, подготавливал ее к решающей схватке.

С конца января 1970 года израильская авиация начала проводить регулярные бомбардировки дельты Нила. Близость районов, подвергавшихся этим бомбардировкам, от израильских авиабаз затрудняла задачи египетских ПВО. Создалось трудное положение, когда израильские самолеты стали подвергать нападению даже пригороды Каира. В эти тяжелые для страны дни президент Насер решил снова обратиться за помощью к Советскому Союзу. В ответ на эту просьбу в Египет был направлен советский военный персонал, который оказал действенную помощь египетским ПВО. Это привело к прекращению налетов израиль-

ской авиации на египетскую территорию, в том числе на Каир. США вынуждены были поспешить с выдвижением мирной инициативы. После долгих дискуссий в Национальном собрании Каир согласился принять предложение Роджерса о прекращении боевых действий на три месяца.

Срезанные войной ветки апельсиновых деревьев роняли в желтый песок слезы, когда над Суэцким каналом установилась 8 августа 1970 года непривычная тишина. Еще накануне здесь шли жестокие бои.

Но мир 8 августа лишь мелькнул лучом надежды. Прекращение огня было достигнуто с большим трудом под давлением миролюбивых сил и только благодаря тому, что с помощью советских военных специалистов в стране велась напряженная работа по укреплению обороноспособности Египта. Египтяне хорошо знали коварство и вероломство израильских агрессоров. Поэтому, не покидая брони танков, солдаты лишь откинули люки. Ведь Тель-Авив продолжал бойкотировать резолюции Совета Безопасности ООН, а сионистская пропаганда продолжала кричать о непобедимости Израиля.

Мирная передышка помогла Египту уделять больше внимания не только вопросам перестройки его вооруженных сил, оснащения их современной советской техникой, но и проблемам дальнейшего экономического развития.

АСУАН ПЕРЕХОДИТ В ЛЕГЕНДУ

В те дни на Ниле приближалась к завершению величайшая в истории страны стройка — высотная Асуанская плотина.

Словно гигантские роботы, широко размерив шаг, шагали по долине Нила столбы — опоры высоковольтной Асуанской линии. Когда дули ветры, их провода гудели, как струны контрабаса. Геродот писал когда-то, что Египет — детище Нила. Сейчас организм страны стал намного более сложным. Рядом с великой водной артерией, которая пронизывает страну с юга на север, пролегла другая артерия — электрическая.

Идея воды и огня испокон веков волновала сознание человека. Взаимодействие двух энергий зажгло домны металлургического комбината в Хелуане. Электрический свет Асуана вошел в египетскую деревню, в дома самых бедных крестьян. Когда летишь ночью на самолете, под крыльями простирается переливающаяся бриллиантовая страна. Исторические образы, все народное творчество арабских народов пронизано идеей света. Кочуя по безбрежным пустыням, с древнейших времен арабы останавливали свое внимание на самом ярком, что поражало их во-

ображение, — на звездах. Свет отдаленной звезды указывал путь. И вот на земле ОАР создана искусственная звезда — Асуан, которая освещает путь из колониального мрака и гнета.

Еще со времен фараонов мечтал человек о покорении Нила. Но создатели великих пирамид и таинственного сфинкса не могли заковать в гранит воды Нила. Торжественное открытие Асуанского комплекса, которое состоялось 15 января 1971 года, в день рождения уже покойного к этому времени великого сына египетского народа Гамаля Абдель Насера, означало для народа ОАР свершение его заветной мечты. Оно стало возможным благодаря двум обстоятельствам: национальной освободительной революции, ликвидировавшей колониальный режим в стране, и дружбе с Советским Союзом, всегда протягивавшим в трудные минуты руку братской поддержки.

Когда после революции 1952 года правительство Египта объявило о намерении построить высотную плотину на Ниле, многие в стране сочли это утопией. США, а также Международный банк реконструкции и развития отказали ОАР в кредитах. Империалисты не хотели помогать укреплению революционного режима. Но в это время на Волге под Сталинградом полным ходом велось сооружение другой великой по тем временам плотины. К советскому народу, к опыту строителей Сталинградской ГЭС были обращены взоры египтян.

Когда с вершины Асуанской плотины оглядываешься вокруг, испытываешь нечто такое, что можно назвать ощущением полета. Но не крылья и не высота приподнимают над землей, а чувство гордости. Посмотришь на юг, там насколько хватает глаз синеют просторы искусственного, созданного трудом человека моря, глянешь на север, под тобой с шумом дыбится гигантский водосброс и уходит вдаль широкое русло реки, на востоке — черные груды скал, словно уголок Луны, уже известной нам по фотографиям, на западе — желтая пустыня с островками зелени, возникшими за годы стройки. И все это связывается воедино в крутой узел могучим телом плотины. Облицованная красным асуанским гранитом, плотина смотрелась как гигантская усеченная пирамида, у основания которой, как древнеегипетский храм, выделяется белое здание ГЭС, поражающее четкими классическими формами. По всем законам золотого сечения Асуанская плотина — величественное сооружение нашей эпохи — органически вписывается в историю и древнюю культуру земли, на которой она воздвигнута.

Далекие потомки, вероятно, будут удивляться тому, что советские гидростроители — авторы проекта — так глубоко сумели постичь дух египетского народа, формы его воплощения. Наши

современники из того, другого, капиталистического мира удивляются и сейчас. Они до сих пор не верят, что проект, который они считали обреченным на провал, воплощен успешно. Еще и сейчас находятся такие, кто пытается затушевать, принизить значение великой стройки на Ниле. В печати нет-нет да и появятся псевдонаучные статейки, в которых ясно видна одна цель — доказать, что Асуанская плотина несет вред народу Египта. Вот и накануне сдачи Асуанского комплекса, словно по указке, на Западе стали публиковаться материалы, из которых следует, будто сельское хозяйство Египта сильно пострадает из-за того, что Нил больше не будет нести на поля плодородный лесс во время наводнений. Лживость этих «теорий» доказала научно-техническая комиссия. Она пришла к выводу, что на двадцать лет стране хватит имеющихся запасов лесса, а в будущем их можно заменить химическими удобрениями. Для этого в стране было запланировано строительство двух фабрик.

Но больше всего империалисты боялись, что отношения делового сотрудничества советских людей и арабов, которые родились на стройке, будут развиваться и дальше. Глядишь сейчас на спокойные воды Нила, и не можешь поверить, что еще несколько лет назад эта река могла взбунтоваться, вздыбиться, восстать против воли людей и, сметая на своем пути утлые крестьянские постройки, разлиться по всей стране мутным половодьем. Был такой момент в августе 1964 года, всего лишь через несколько месяцев после перекрытия Нила, когда уровень реки поднялся выше ожидавшейся отметки. Вода угрожала перекинуться через недостроенную плотину. Это привело бы к неисчислимым бедствиям. Тревога охватила всех: рабочих, специалистов, министра. Президент Насер несколько раз в течение самых напряженных часов звонил на стройку. Советские специалисты, руководившие работами, спокойно отвечали: «Все будет в порядке...» Глядя на главного советского эксперта А. П. Александрова, никто из арабов не мог тогда подумать, что он тоже нервничает. И вот советский опыт, организация, техника раз и навсегда победили неукротимый норов стихии.

Не тогда ли впервые родилась на свет эта присказка — «русская штука». Вот уже несколько лет, как в арабский язык прочно вошла поговорка не поговорка, пословица не пословица, одним словом, ходячее выражение «русская штука». Трудно выразить в буквальном переводе смысл, вложенный в эти слова. «Русская штука» — это что-то прочное, сильное, твердое, надежное... Раньше символом твердости был асуанский красный гранит, но вот появились советские парни с отбойными молотками, и сдал гранит.

Глядя на могучий водосброс Асуанской плотины, я вспоминал о том, как баржа «Набиль» с огромной, окрашенной в красный цвет последней турбиной, изготовленной в СССР, остановилась однажды на причале в самом центре Каира.

— Это последняя, двенадцатая турбина для Асуанской ГЭС, — рассказывал собравшимся у причала людям заместитель министра по делам строительства Асуанской ГЭС Мухаммед Кира. Матросы Абу Гута и Хашим Махмуд, которым довелось переправлять по Нилу и первую турбину, рассказывали:

— Тогда был праздник по всей долине Нила. В селениях, которые мы проплывали, нас встречали с барабанным боем и с музыкой. Женщины выходили на берег в лучших своих нарядах, а мужчины верхом на конях скакали вдоль берега Нила от Александрии до самого Асуана.

— Когда один иностранный журналист спросил меня, — вспоминал Абу Гута, — зачем турбине такое сопровождение, я сказал ему: «Разве вы не знаете? Она же сделана из чистой платины...» — «Турбины делают из обычного металла». — «Нет, — сказал я. — Это же «русская штука». Она выкована из платины чистых сердец...»

Кстати говоря, в Нубии действительно существует легенда, будто турбины Асуанской ГЭС сделаны из платины... Это драгоценный металл, говорят нубийцы, растекается по стране белым электрическим светом. Из сгустков его рождается белая серебряная птица. И это тоже, оказывается, верно... Асуанская электроэнергия дает возможность Египту создать свою тяжелую промышленность; так было начато, тоже с советской помощью, строительство самого крупного на Ближнем Востоке алюминиевого завода.

Тысячелетия были жители Асуана погонщиками караванов. А теперь они стали мореплавателями. В искусственном море Насер появилось столько рыбы, что пришлось создавать целый рыболовецкий флот.

На вновь освоенных землях в Асуане вызревает теперь прекрасный египетский хлопок. А ведь еще несколько лет назад во всех справочниках мира было сказано, что в провинции Асуан отсутствует земледелие.

Около ста тысяч рабочих, строивших высотную плотину, разъехались во все концы страны. Многие из них получили здесь специальность. Отныне профессия стала главным капиталом их жизни. Как голубая мечта их манят огни новостроек. Они рассказывают своим детям, как шла великая стройка на Ниле. Эти рассказы обросли легендами, перешли в поэзию и песни. Родились образы былинных богатырей с арабскими и русскими именами.

МЕЧТА

Великая стройка на Ниле не прекращалась ни на минуту даже в тяжелые для Египта дни израильской агрессии в июне 1967 года. Одновременно велись работы по сооружению десятков других объектов, больших и малых, которые строились также с помощью Советского Союза.

Египетский рабочий класс хорошо понимал, что победа над израильскими оккупантами должна выковываться не только на фронте, но и в тылу, и ради этой победы готов был нести жертвы. Он знал, что израильская агрессия поставила под вопрос независимое развитие Египта, его продвижение вперед, по пути прогрессивных социально-экономических преобразований. Однако страна под руководством Насера не свернула с этого пути. И египтяне верили своему президенту. Они поддержали его в дни поражения в июне 1967 года. Они готовы были терпеть лишения, переносить недоедание, работать сверхурочно, потому что знали — это необходимо не для обогащения кучки избранных, а для блага родины. Об этом говорил мне и Мухаммед Амер, простой египетский рабочий.

Первым воспоминанием его детства был двор помещичьей усадьбы, отец, привязанный веревками к дереву, и мать, которая, валяясь в ногах у госпожи, просила, чтобы пощадили ее мужа. Мухаммед так и не узнал, за какую провинность помещик хотел пороть плетьми его отца...

Мать Мухаммеда была бедуинкой. Она с детства привыкла совершать дальние путешествия, кочуя с караванами верблюдов. Но отца-крестьянина нелегко было оторвать от земли.

Чтобы не умереть с голоду, пришлось устраиваться в городе. Работу было найти трудно. Шла первая мировая война. Англичане насильно забирали у крестьян верблюдов. В Матарии, недалеко от местечка, где поселилась семья Амеров, для этих верблюдов был устроен сборный пункт. Мать Мухаммеда вместе с другими женщинами ежедневно ходила туда за навозом, промывала его в воде и, выбрав уцелевшие зерна, варила нечто наподобие каши.

1919 год. Под влиянием Октябрьской революции поднялись на борьбу за свою свободу и египтяне. Мухаммед Амер работал в это время в типографии. Там он научился читать. Теперь Мухаммед разбирал по складам лозунги на плакатах демонстрантов: «Независимость Египту!» Тогда же впервые узнал о Советской стране, которая всегда на стороне тех, кто борется за национальную независимость.

Вскоре парнишка устроился на большой текстильный комбинат «Шобра аль-Хейма». Там, в рабочем коллективе, он стал

глубже осознавать цели, за которые борется египетский народ, работать в профсоюзах. В 1947 году становится председателем созданного при его участии профессионального союза рабочих-текстильщиков.

— В те послевоенные годы всюду в Египте распространился живой интерес к Советскому Союзу, — рассказывает Мухаммед. — Я тоже кинулся читать литературу и удивился: более четверти века существует государство рабочих и крестьян, общество, где нет эксплуатации, а мы блуждаем в потемках, ищем путь для себя... Так я начал становиться марксистом. Вместе с другими товарищами принял участие в создании Национального комитета сторонников мира, собирал на заводах подписи под Стокгольмским воззванием за мир.

26 января 1952 года мы планировали созвать в Каире всеобщую конференцию профсоюзов. Но реакция нас опередила. Приехав из рабочих окраин в центр Каира, мы застали город в огне. Полиция словно ждала этого случая. Она тотчас кинулась арестовывать рабочих-активистов, обвинив их в поджогах.

Мы решили ехать в предместья, чтобы привести рабочих для борьбы с пожаром. Но по дороге многие были схвачены. Со связанными руками арестованных побросали в полицейские автомашины. А на улицах уже висели отпечатанные посольством США плакаты с фотографиями горящего Каира и подписью: «Поджог Каира — вот что устроили коммунисты».

Этот день вошел в историю Египта как «черная суббота». Реакция попыталась дать бой растущему революционному и национально-освободительному движению, используя самую гнусную провокацию — поджог Каира.

Но полгода спустя реакционный королевский режим пал под ударами египетской революции.

— В те дни, — говорил Мухаммед Амер, — наша страна обрела свободу. Мы, рабочие, были самыми активными сторонниками развития и углубления революции. Когда в 1956 году началась «тройственная агрессия» против Египта, мы были полны решимости отстаивать независимость родины.

Еще накануне революции, в дни борьбы против английской оккупации, Мухаммед Амер был избран членом Национального комитета по сбору лекарств, одежды, продуктов, оружия и денег для египетских партизан, которые вели вооруженную борьбу в зоне Суэцкого канала. В дни «тройственной агрессии» Мухаммед отправился в предместья оккупированного английскими войсками Порт-Саида. Там Мухаммед Амер и его друзья собирали народное ополчение, переправляли оружие и винтовки рабочим оккупированного города, создавшим свои партизанские группы.

— Когда Советское правительство предъявило агрессорам ультиматум, потребовав прекратить разбойничью войну и вывести войска из Египта, мы стали разъяснять народу историческую роль, которую играет Советский Союз в судьбах народов, вставших на путь борьбы за освобождение, — продолжал Амер. — Мы рассказывали о том, что в государстве рабочих и крестьян живут в дружной семье различные народы, что одним из первых актов Советского государства был отказ от тайных переговоров, посягавших на права трудящихся и народов Востока. Мы объясняли египтянам, что Советский Союз несколько раз предлагал Египту свою поддержку в борьбе за независимость, но реакция делала все, чтобы помешать дружбе египетского и советского народов...

С тех пор, — признался Мухаммед, — у меня у самого появилась заветная мечта — посетить Советский Союз.

Каждый день, окончив смену на текстильной фабрике, он спешил в библиотеку, где перечитал всю литературу на арабском языке о СССР.

В 1967 году новая агрессия. И снова Мухаммед на митингах. Он выступает за мобилизацию всех народных сил на борьбу с агрессором, за сохранение и укрепление прогрессивных завоеваний в стране.

30 марта 1968 года президент Насер объявил Манифест национальных действий. Он призвал усилить политическую роль Арабского социалистического союза в жизни страны, заявил о твердом намерении строить социализм, отдать все силы страны на борьбу с агрессором. Простые египтяне с энтузиазмом приветствовали Манифест. Мухаммед Амер становится одним из самых популярных рабочих ораторов...

Всякий раз, когда наступает первое января, египтяне поздравляют друг друга словами: «Пусть новый год принесет тебе добро».

— Каждый год, когда меня поздравляли этими словами, я загадывал, чтобы сбылась моя мечта: посетить страну Ленина, — говорит Амер.

Когда издающийся в Египте «Советский журнал» объявил конкурс, посвященный 50-летию образования СССР, Мухаммед Амер сразу решил, что мечта его сбывается. На все вопросы, предложенные журналом, он дал самые правильные и исчерпывающие ответы среди всех участников конкурса. И вот решение жюри: победитель конкурса Мухаммед Амер премируется путевкой для поездки в Советский Союз.

За несколько дней до этой поездки я встретился с Мухаммедом Амером. В руках у него были книги и справочники о Советском Союзе.

— Это для меня не просто туристическая поездка, — сказал

он. — Я еду, чтобы потом рассказать египтянам правду о том, как живут и трудятся советские рабочие и крестьяне.

Мухаммед был в Москве, когда очерк о нем появился на страницах «Комсомольской правды». В Московском университете проходила тогда конференция землячества египетских студентов и аспирантов, обучающихся в СССР. После смерти президента Насера в некоторых египетских газетах, как известно, началась антисоветская кампания. Отголосок этой кампании прозвучал и на конференции землячества, когда один из присутствовавших на ней чиновников заявил, поднявшись на трибуну, будто «Комсомольская правда» выдумала своего героя.

Тут-то и поднялся с последней скамейки зала не замеченный организаторами конференции скромно одетый человек.

— Вы утверждаете, что Мухаммеда Амера не существует на свете? — спросил он растерявшегося оратора. — Вот он, этот человек, посмотрите внимательно. Этот человек — я. И таких людей в Египте много. Египетские рабочие и крестьяне не забыли, кто оказал им помощь в строительстве Асуанской плотины. Мы хорошо знаем, что в самые трудные дни израильской агрессии советский народ всегда был с нами.

ДАМАСК НЕСЛОМЛЕННЫЙ

В Сирии каждый политик. Об этом и в шутку и всерьез говорят все, кто побывал в этой стране. С жаром обсуждают сирийцы любое международное событие. Сирию называют барометром арабского мира. Она находится в самом его центре. Все влияния и тенденции немедленно отражаются на этой стране.

За четыре года, прошедшие со времени израильской агрессии, многое изменилось и в сирийской столице. Самолет приземлился на новом международном аэродроме. Потом машина промчалась по великолепному шоссе, ворвавшись в город на новую улицу; по обе стороны ее расчищались площадки для строительства. На стенах домов еще пестрели плакаты ежегодной международной ярмарки. На улицах много людей в военной форме. В небе время от времени проносятся реактивные истребители.

Нарастающий гул прокатился над сирийской столицей, мелкой дрожью отозвались оконные стекла. Между тем небо безоблачно. Прохожие, остановившись, тревожно вглядывались в его синеву.

Дежурные штабов Народной армии на предприятиях города заняли места у складов с оружием. В крепко сколоченных деревянных стойках блестели антрацитовым блеском стволы винтовок. На каждой табличка с именем рабочего, который должен ее взять по первому сигналу из штаба.

Но сигнала на сей раз не последовало. В солнечных лучах мелькнули стремительные силуэты МиГов. Израильские «Фантомы», круто развернувшись, скрылись за снежными шапками гор...

Сирийцы привыкли уже к тому, что израильские агрессоры готовы в любой момент совершить любую провокацию. Причем объектом нападения могут стать и мирные предприятия, и селения. Так случилось, например, 8 сентября 1970 года, когда израильская авиация подвергла варварской бомбардировке селение Думмара под Дамаском. Так было и в январе, когда стервятники обстреляли пляж близ города Латакии и кафе на берегу озера Маазериб.

Но давно прошли времена, когда сионистские пираты могли безнаказанно хозяйничать в сирийском небе. Растущие потери в воздушных боях над Сирией действовали на них отрезвляюще.

Дамаск... На Ближнем Востоке его исстари называют «городом мира», он снискал себе славу крупного центра международной торговли. Здесь ежегодно проходит ярмарка, на которую еще сотни лет назад приезжали паломники и купцы со всех концов света. Но этот город прославился в веках и булатной дамасской сталью, которая звенела в битвах за его свободу.

Каких только завоевателей не видел Дамаск! Но он пронес сквозь столетия свою гордость.

Тогда, в декабре 1972 года, агрессору был дан отпор, но и с сирийской стороны имелись жертвы.

Через месяц новая израильская атака, потери понес только враг. В ту ночь с 6 на 7 января «в 21.00, — как говорилось в рапорте начальника штаба, — противник вывел на заранее подготовленные огневые позиции шесть танков «Патон», три танка «Центурион». На следующий день под прикрытием дымовой завесы противник вывел еще десять танков «Центурион» и начал обстрел сирийской территории». В ходе боя были уничтожены три израильских танка, два пулемета, ракетная установка.

— Это только то, что мы видели своими глазами, — доложил тогда офицеру штаба командир одного из подразделений. И сирийское командование, наблюдавшее ход боя, высоко оценило действия сирийцев, их моральный дух.

Нет, не удалось агрессорам сломить Сирию.

...Видавший виды блиндаж близ захваченных израильскими оккупантами Голанских высот. Два сирийских солдата, примостившись у железной печурки, слушали транзисторный приемник — подарок командования отличившемуся взводу. Передавали лекцию по геологии — вооружившись учебниками, солдаты записывали ее. Совсем еще молодые ребята — война застигла их восемнадцатилетними. Но разве артобстрелы, окопы, свист пуль

могли помешать мечтам о мирном будущем? «Армия учит держать в руках не только винтовку, но и книгу» — так сказал нам один офицер политуправления. Ибо не ради войны, а ради мира сжимали оружие эти обветренные руки.

...Мы подъезжали к Табке глубокой ночью. Дорога не раз предлагала отдых, проносясь мимо старинных турецких караван-сараев и шумных уличных арабских кофеен, мимо городов и небольших селений. Плясали на ветру огоньки газовых ламп, висевших у глинобитных хижин, устроившихся у дороги. Потом снова начиналась пустыня, отдававшая полученный за день зной небу. И вдруг с пригорка открылся вид на залитый электрическим светом современный город.

Табку мы встретили с чувством странников, увидевших оазис посреди пустыни. Точно такое же чувство я испытал когда-то, подъезжая к другому городу — Сахара-сити, выросшему точно так же посреди пустыни, но на берегах Нила. Теперь электропровода, как ниточка жизни, все дальше и дальше уходят от этого городка, построенного недалеко от Асуана, в пустыню, в глухие египетские деревни. Табка сама брала пока электроэнергию взаймы у Хомса, чтобы потом оплатить долг сторицей. Ни в жаркий полдень, ни глубокой ночью не затихали работы на Евфрате.

Евфрат коварен, приносит и горе и радость. То шипит, пенится в злобе и разливается по пойме широким половодьем, то вдруг совсем иссыхает, и тогда зеленые поля желтеют и гибнут.

— Однажды в паводок, — рассказал руководитель советских специалистов по гидромелиорации Е. А. Левиновский, — вода поднялась за одни сутки на полтора метра. Она разрушила плавучий мост через Евфрат, по которому подавался гравий. Вся пойма реки покрылась водой. Сильный поток тащил песок и камни. Но строители сделали то, что казалось невозможным, — восстановили мост и продолжали вести работу.

Наконец высота плотины достигла такого уровня, который реке не под силу даже в самое бурное половодье.

Стройка взяла себе лучшее, что есть в стране: специалистов, рабочих, технику. И не только сирийцы и советские специалисты вкладывали в нее свой труд и знания. Бывший строитель великой стройки на Ниле инженер Николай Маслов, приехав на Евфрат, получил себе в дублеры старого друга — тоже инженера — египтянина Нагиба Бадиа, вместе с которым работал в Асуане.

Николай познакомил меня с Бадиа.

— Асуан был первым нашим опытом, — рассказал мне Бадиа. — Там, в Асуане, например, появились лишь ростки соревнования, а здесь оно развернулось во всю силу. С показателями и условиями соревнования вы можете ознакомиться в диспетчер-

ской, а я скажу лишь, что у него большое будущее в развивающихся странах.

В диспетчерской я встретился с главным инженером по гидромеханизации Абдель Мунаимом Аззузом. Это крупный сирийский специалист, строивший раньше плотины во Франции и в Саудовской Аравии. С нашими специалистами ему пришлось встретиться впервые.

— Советские методы организации труда, предложенные вашими специалистами, — рассказал он мне, — применяются впервые не только у нас, в Сирии, но и вообще на всем Ближнем Востоке. Наряду с соревнованием мы ввели у себя систему повременной и премиальной оплаты. Результаты — план выполнен на 103 процента. Что же касается обязательств, то вот они, вывешены на стене, читайте.

Привычные для нас обязательства: бороться за снижение себестоимости работ, за увеличение производительности труда. Но, кроме чисто производственных, есть еще и такой пункт: «Развивать дружбу и братство между советскими и сирийскими специалистами».

— А как же... — ловит мой взгляд Аззуз. — Сотрудничество на нашей стройке — основа ее успеха. И обязательства по соревнованию приняты нами совместно...

У тех, кто бывал в Асуане и посетил потом великую стройку в Сирии, сравнения напрашиваются сами собой. Там, на Асуане, был гранит, который не поддавался металлу и динамиту, здесь мягкие, как воск, меловые породы. Но от этого не легче. Проблемы во многом противоположны, пути решения в том и в другом свои.

Побывав на стройке, я впервые узнал, что Евфратская плотина — «ядерная». Когда слышишь подобные вещи, воображение рисует могучие мирные взрывы. Оказывается, смысл этих слов совсем иной. Дело в том, что ядро такой плотины состоит из гравия, песка и камня. Сложная технология, разработанная советскими специалистами, состоит в том, что грунт разрабатывается в карьерах, перекачивается по трубам и размеренно укладывается в тело плотины. Для этого необходимо точно рассчитать, как направить поток. Такой метод применялся в СССР только на строительстве Мингечаурской плотины. Но там создавалась искусственная смесь, здесь же материал берется из естественных карьеров.

В 1964 году, поступив в МИСИ, Ассаф Шахин решил, что тема его дипломной работы будет «Строительство ГЭС на Евфрате». Тогда еще об этой стройке могли лишь мечтать даже те, от кого зависело ее начало, а он, студент Ассаф Шахин, уже изучал

опыт советских строек, организацию труда, разрабатывал с помощью своих преподавателей оптимальные варианты. И вот я встретил Ассафа начальником участка бетонных работ на Евфрате...

— Закончим плотину, — мечтал он, — и поеду в Москву, в аспирантуру. А сейчас жду в гости своего однокашника Валерия Беляцкого. Узнал недавно, что он тоже приезжает на стройку. Мы с ним когда-то вместе жили в общежитии, вместе к экзаменам готовились...

С незапамятных времен на берегах Евфрата жили люди, следы творчества древних строителей найдены у самой строящейся плотины. На левом берегу реки строители наткнулись на сводчатый туннель, который уходит на 200 метров в глубь массива. Другая неожиданность была на правом берегу. Здесь, когда рабочие подготавливали основание под ядро плотины, был обнаружен зигзагообразный туннель, идущий параллельно реке. Он построен по всем правилам современного горного искусства — несущие своды без подпорок и облицовки. На стенах следы человеческого труда, точно такие же, как на откосе котлована для ГЭС, сделанного в наши дни. Зачем понадобился этот странный ход? Что это? Оборонительная линия? Ход под Евфрат? Остаток ирригационной системы? Кто же были эти удивительные мастера древности?

Пока мы не знаем об этом. Мы знаем только, что они верили в чудеса. Эта вера воплощена в удивительных произведениях их творческого труда — будь то туннели или совершенные образцы древней живописи и скульптуры, хранящиеся в музеях Сирии. В наши же дни чудо рождалось здесь, на Евфрате, руками потомков этих безымянных строителей и их друзей. Это чудо зальет Сирию светом, посевные площади ее возрастут в полтора раза. Сирия сможет создать свою индустриальную базу.

Таков был ответ Сирии на планы израильских агрессоров, и в нем — секрет ее стойкости.

КОМУ ЭТО ВЫГОДНО

Но если в Египте и в Сирии происходил процесс консолидации сил и ресурсов для борьбы против израильских оккупантов, то в Иордании сложилась иная ситуация.

На желтом плоскогорье, где расположена столица Иордании Амман, сентябрь пылал еще летним зноем. Летом 1970 года здесь неоднократно вспыхивали вооруженные конфликты между правительственными войсками и вооруженными отрядами палестинцев. И несмотря на то, что эти конфликты на-

зревали уже длительное время, здоровым, сознательным силам, действующим в арабском мире, удавалось приостановить их. Всем было ясно, что кровь, пролитая братьями по оружию в междоусобном столкновении, на руку только Израилю. И несмотря на то что усилий было предпринято немало и стороны, казалось, проявляли сдержанность, конфликт этот вылился в сентябре 1970 года в кровавое столкновение, которое значительно ослабило палестинское сопротивление и нанесло урон престижу Иордании в арабском мире. Традиционный вопрос: «Кому это выгодно?» — становится особенно уместным, когда вспоминаются эти драматические события. Как тогда, когда развивались события в Иордании, так и потом, когда еще более кровавые столкновения начались в Ливане, ответ на этот вопрос мог быть только один: «братоубийственный конфликт на пользу только врагам арабских народов, особенно в условиях продолжающейся агрессии Израиля». Как тогда, во время иорданских событий, так и потом, когда нечто подобное произошло в Ливане, арабская печать не без основания писала, что эти конфликты сознательно провоцировались сионистской агентурой и диверсионными службами Израиля. Значительно сложнее понять механизм этой деятельности. Ведь сионистские агенты не будут кричать на всех перекрестках, какими методами им удается разжигать конфликты между арабами...

В этой связи вспоминается Вторая международная конференция по Палестине, организованная Всеобщим союзом палестинских студентов в Аммане в дни, непосредственно предшествовавшие началу кровопролитного конфликта.

Как известно, первая подобная конференция 1965 года в Каире сумела привлечь к палестинской проблеме внимание широких слоев общественности разных стран, завоевать много друзей. Естественно было ожидать, что в трудный период, который переживали арабские народы, организаторы второй конференции сделают все, чтобы еще больше укрепить солидарность с мужественной борьбой палестинцев.

Но при попустительстве со стороны некоторых организаторов конференции наряду с представителями действительно авторитетных национальных и международных организаций к участию в ней были допущены сомнительные лица. Выступая от имени малочисленных, а иногда и вовсе не существующих организаций, эти лица с первого дня работы конференции вместо того, чтобы заниматься обсуждением конкретных вопросов по укреплению солидарности с палестинским движением, повели яростную организованную атаку против Советского Союза, социалистических и прогрессивных арабских государств.

Представитель так называемого бельгийского комитета солидарности с Палестиной некто Рейндорф открыто пытался сколотить на конференции антисоветский блок. В то же самое время он и его сторонники вели линию на углубление раскола между арабами в их борьбе против израильской агрессии, нападая на прогрессивные арабские режимы. В частности, они открыто призывали к свержению короля Хусейна. Подобные выступления подливали масла в огонь и без того запутанных отношений между палестинцами и иорданскими властями.

Соотечественникам Рейндорфа хорошо было известно его подлинное лицо. Он подвизался в различного рода левацко-троцкистских группировках, организовал так называемый комитет солидарности с Палестиной, в который входили лишь человек двадцать его друзей, втерся в доверие к некоторым из руководителей палестинского движения.

Он брался за организацию конференции солидарности с палестинским движением в Алжире. Но вместо успеха конференция принесла разочарование. Большинство делегатов были возмущены раскольнической деятельностью Рейндорфа и его друзей.

То же самое повторилось и в Аммане. На этот раз конференция готовилась тщательно. За месяц до ее начала в Амман приехал ближайший подручный Рейндорфа, некто Сафи. Бельгиец по паспорту, он называл себя палестинцем, хотя говорил по-арабски с отчетливым израильским акцентом. Официально Сафи приезжал для работы в одном из международных студенческих военизированных лагерей. Но он не спешил уехать из Аммана на линию огня. Он остался в столице, встречался с руководителями различных организаций, с представителями молодежи, заранее отравляя атмосферу конференции. К открытию конференции в Амман съехались Рейндорф и его коллеги из различных стран мира. Скрываясь часто под вымышленными именами, выступая под масками фиктивных организаций, они устраивали антисоветский шабаш.

Делегаты из Чехословакии, Италии, других стран и международных организаций решительно выступили против провокаторских тенденций, в этом их активно поддержали некоторые известные лидеры палестинских федаев. Но, хотя провокаторам и не удалось протащить в резолюции конференции свою антисоветскую линию, тем не менее руководство Союза палестинских студентов не сумело вовремя разоблачить и изолировать врагов палестинского народа.

Последние дни работы конференции... Рейндорф и его сотоварищи выступают с провокационными заявлениями, восхваляя гражданскую войну против... Против кого, он не успевает дого-

ворить. На улице уже слышен треск пулеметов. Со стороны королевского дворца доносятся артиллерийские раскаты...

Представитель одной из экстремистских организаций, вскакивая на трибуну, с волнением объявил:

— Наши товарищи захватили один за другим шесть пассажирских самолетов в воздухе. Не все из них израильские. Мы объявляем войну всему империализму...

Оратор посмотрел в зал, где только что сидели Рейндорф и Сафи. Их места уже были пусты. Не оказалось в зале и американки, которая несколько минут назад кричала, что «палестинцы и евреи должны объединиться во всем мире в борьбе против коммунизма».

Ночью над Амманом засверкали трассирующие пули. Утром у дверей нашего отеля мы нашли труп прохожего. Привратник прикрыл его рогожкой. Потом подъехала машина с вооруженными палестинцами. Они искали Рейндорфа и Сафи:

— Мы узнали, что они агенты Израиля.

В комнатах Рейндорфа и Сафи лежали лишь чемоданчики с ночными пижамами. «Они ушли и не вернулись», — ответил федаям администратор.

Между отрядами палестинских федаев и войсками короля Хусейна начались жестокие сражения. Оставляя тела убитых на желтом плоскогорье, палестинские федаи отходили с боями из Аммана. В информационных сводках появились вскоре названия новых палестинских организаций: «Черный сентябрь», «Орлы». Отчаяние из-за поражения в Аммане позднее пролилось кровью иорданского премьер-министра Васфи Телля на хрустальных осколках входной двери отеля «Шератон» в Каире. Оно разбудило автоматными очередями олимпийскую деревню в Мюнхене. Было еще много всевозможных акций, когда на первых полосах газет и журналов огнем и кровью горело, врезаясь в память, слово «палестинцы».

Это слово постепенно научило людей понимать, что без решения палестинской проблемы не может быть мира на Ближнем Востоке.

Читая подобные сообщения, я часто вспоминал Рейндорфа и Сафи, оставивших свои ночные пижамы в амманском отеле в ночь, когда началась кровопролитная междоусобная война.

Для того чтобы покончить с конфликтом в Иордании, собралось в Каире совещание глав арабских государств. Потребовались большие усилия, чтобы прекратить избиение палестинцев. Когда последний из участников совещания покинул Каир, умер президент Насер, положивший много сил для прекращения кровопролития среди братьев по оружию. Израильская военщина

открыто ликовала. Тель-авивские газеты откровенно писали, что в результате иорданских событий, способность и воля арабов к сопротивлению резко спали. И все-таки сионисты просчитались.

СПУТАННЫЕ КАРТЫ

Утром 6 октября 1973 года на Суэцком канале было спокойно. В аль-Кантаре, где под эгидой международного Красного Креста и Красного Полумесяца действовала переправа через канал, готовились принять группу палестинских студентов, возвращавшихся в Египет после каникул, проведенных у родителей в Газе. На тот берег должны были переправиться духовные лица — оккупационные власти обычно давали им пропуск в дни рамадана для службы в мечетях Синая. Но в этот год произошла какая-то заминка...

Египетские солдаты группами и поодиночке сидели на берегу канала, чистили апельсины, сбрасывая кожуру в воду, курили, купались, удили рыбу. Израильские часовые так и не сумели заметить со своих вышек, что в глубоких траншеях залегли прибывшие накануне ночью свежие войска.

В полдень 5 октября состоялось заседание израильского правительства. Завязалась дискуссия о положении на Суэцком канале. Премьер-министр Голда Меир успокоила споры: можно не опасаться, что египтяне начнут боевые действия. Они еще не пережили комплекс страха, оставшийся после 1967 года.

И все-таки сомнения закрались в душу начальника израильского генштаба генерала Давида Элазара. Он сопоставил сведения разведки, поступавшие с египетского и сирийского фронтов. Получалось очень плохо... Утром 6 октября он был почти уверен, что арабы решили начать военные действия, и попросил Голду Меир срочно предпринять политические шаги. В это время министр иностранных дел Израиля был в США. Голда Меир, связавшись с ним по телефону, попросила его тут же обратиться в госдепартамент. Министр Аба Эбан позвонил Киссинджеру. Было час десять минут по каирскому времени. Генерал Даян уже отдал приказ о боевой готовности. Израильтяне ожидали, что арабы начнут боевые действия вечером. Но приказ так и не успел дойти до всех частей, дислоцированных на канале.

В 13 часов 55 минут египетская дальнобойная артиллерия, обрушившая шквал огня по позициям противника, дала сигнал к наступлению. Под ее прикрытием египетские солдаты быстро навели понтонные мосты через канал и начали переправлять на синайский берег танки и военную технику. Египетская авиа-

ция бомбила штабы, аэродромы и радиолокационные установки противника. Одновременно сирийская армия начала штурмовать Голанские высоты.

За шесть лет, прошедшие со времени израильской агрессии 1967 года, армии Сирии, Египта, Ирака освоили современное оружие. Израильтяне же по-прежнему жили в плену созданных ими самими же легенд о «неспособности» арабов воевать. Они подводили под эти легенды даже историческую и этнографическую «базу», заявляя, что арабам, «кочевникам по природе, чуждо понятие родины, и они немедленно рассыпаются по пустыне, столкнувшись с силой».

За шесть лет, прошедшие со времени последней войны, израильтяне смогли создать на восточном берегу канала линию Бар-Лева, которую они считали неприступной; согласно американским уставам эта линия могла выдержать атомный удар. Боеприпасов, сконцентрированных в арсеналах линии, хватало на длительную оборону. Израильские стратеги предусмотрели, казалось, все возможное, чтобы не дать египтянам высадиться на Синае. Израильские военные инженеры рассчитывали в случае нужды покрыть канал слоем горючего состава, который должен был превратиться в огневой вал (египетские разведчики, пересекшие канал в ночь с пятого на шестое октября, смогли повредить устройство по сбросу горючего состава). Чтобы закрепиться на восточном берегу, египтянам предстояло преодолеть канал, минные поля и взять шестиметровый вал с бетонированными дотами, бункерами и всевозможными заграждениями.

Израильская пропаганда уверяла арабов, что знает о них все: разведка завела досье на каждого египетского офицера, даже знает любимое блюдо каждого из них. Израильская армия непобедима, заявляли в печати генералы, так как каждый ее шаг рассчитан на электронных машинах, учтена каждая деталь, начиная с национальных особенностей египтян и кончая погодой. За несколько дней до начала военных действий генерал Даян заявлял, что «Израиль никогда еще не был в большей безопасности, в большем спокойствии, чем в эти дни».

Даже когда египетские войска форсировали Суэцкий канал, израильские генералы не поверили в серьезность их успеха. Они успокаивали себя и своих солдат, заявляя, что «большая сеть всегда пропускает мелкую рыбу». Но дни шли, а агрессорам не помогал ни опыт солдат, ни тактические расчеты генералов. Израильская авиация пыталась остановить продвижение египетских войск, разбомбив понтонные мосты. Несколько воздушных атак дали мало результатов. Стервятники возвращались с огромными потерями — советские ракеты били без промаха. 21 октября аме-

риканский журнал «Ньюсуик» вынужден был признать: «Вера Израиля в его техническое превосходство над арабами разрушена».

На сирийском фронте боевые действия начались так же успешно. После кровопролитной атаки сирийские солдаты и марокканские добровольцы захватили самую высокую точку на Голанских высотах — гору аль-Шейх, где находился главный наблюдательный пункт израильской армии.

Несколько раз израильская авиация пыталась совершить налеты на Дамаск. Однако небо над сирийской столицей было надежно защищено советскими средствами ПВО. Лишь отдельные израильские стервятники смогли прорваться к городу.

И все же через несколько дней боев израильские войска попробовали предпринять наступление на Дамаск. На отдельных участках фронта им удалось подойти на 30—40 километров к сирийской столице. Однажды вечером «Голос Израиля» обратился даже к сирийцам с предложением не выходить из домов, когда израильская армия будет вступать в Дамаск. Журналистам было объявлено, что утром в 11 часов генерал Даян устроит пресс-конференцию в дамасском отеле «Семирамис». Дамы из дипломатического корпуса были приглашены по радио в ресторан «Али Баба» отведать от имени премьер-министра Голды Меир сирийской кунафы *.

В порту Латакия в ту ночь была сформирована сирийская танковая колонна, которая, пройдя одним махом расстояние от Латакии до Дамаска, вступила в бой. Израильская печать сообщала, что 9 из 11 понтонных мостов, наведенных через канал, якобы разрушены и 400 прорвавшихся танков окружены и вскоре будут уничтожены. Через несколько часов стало известно, что египтяне не только не отступают, но заняли линию обороны вдоль всего канала на 15 километров в глубь Синайского полуострова; только за один день Израиль потерял 215 танков и 49 самолетов на южном и северном фронтах.

На шестой день войны израильское командование объявило о смещении с постов ряда крупных офицеров. Теперь уже всем было ясно, что оно обманывает население своими сводками. «Да, это не шестидневная война, — вынуждено было признать 11 октября радио Израиля. — Оказывается, войны не напоминают одна другую».

В свою очередь, арабская печать отмечала, что успехи на фронте показали превосходство советского оружия. Даже правая ли-

---

* Сладкое блюдо.

ванская газета «Аль-Нахар», которая прежде сеяла немало сомнений в отношении советского оружия и роли СССР на Ближнем Востоке, теперь была вынуждена признать, что Советский Союз не предоставляет арабам наступательного оружия, а только реальную помощь арабам в войне против Израиля. «Эта война развеяла миф о разнице между оборонительным и наступательным оружием, — писала газета. — Если у нас и были на этот счет заблуждения, которые сводились к мнению, что Советский Союз не предоставляет арабам наступательного оружия, а только оборонительное, чтобы не превратить конфликт на Ближнем Востоке в опасность, угрожающую всеобщему миру, то теперь они уступили место истине. Советский Союз был прав, убеждая нас, что нет так называемого оборонительного и наступательного оружия, так как оно может принимать тот или иной характер в соответствии с действиями тех, кто его использует. Советское оружие, которое некоторые в этом районе считали «оборонительным», было наступательным оружием во Вьетнаме и в других районах мира».

Эта война отвергла довод, будто именно Россия не дает арабам воевать против Израиля. Стало ясно, и Вашингтон почувствовал это, что Советский Союз, как только арабы начали сражение, поддержал их сразу всей своей мощью для достижения нужных целей. Выступая на многочисленных митингах и собраниях, советские люди выражали в те дни братскую солидарность с борьбой арабских народов.

Из военных сводок стало ясно, что советское оружие обладает высокими боевыми качествами. Более того, советские ракеты развеяли миф о превосходстве израильской авиации в этой битве.

В те дни, как никогда ранее, арабы понимали, что война демонстрировала действенность военного сотрудничества с СССР. Ведь удары по врагу наносились советским оружием. Суэцкий канал форсировала египетская армия, подготовленная советскими военными специалистами.

Новое наступление египетских войск на Синае, начавшееся 14 октября, показало еще раз, что эта война действительно мало чем напоминает кампанию 1967 года. Все карты израильского командования оказались спутанными.

Но правители Израиля продолжали делать воинственные заявления.

Им трудно было признать свои военные неудачи, ведь по сионизму, воспитавшему и вскормившему израильский милитаризм, был нанесен серьезный удар.

Вскоре, поняв свои неудачи на египетском фронте, коман-

дование решило взять хоть какой-то реванш на сирийском. Начались массированные налеты израильской авиации на Дамаск.

...Взвыл очередной сигнал воздушной тревоги. Люди уходят с улиц в подвальные этажи зданий. Спокойно, без всякой паники. Некоторые вообще не обращают внимания на тревогу. Патрули народного ополчения, несущие службу на улицах, насильно никого не загоняют в убежища. Ночью Дамаск был похож на огромную черную скалу — правила светомаскировки соблюдались тщательно. Магазины, кафе и кинотеатры закрыты. Поэтому обычно многолюдные улицы стали пустыми. Но комендантского часа в городе нет. Можно свободно ходить по ночным улицам.

...Прозвучал отбой. На улицы выбежали дети. Из окон выглядывали женщины. Уличные патрули снимали с плеч автоматы и садились на ступеньки у подъездов: можно минутку передохнуть, можно даже зайти к себе домой и выпить стакан воды. Члены отрядов народного ополчения охраняли свои кварталы, свои дома, свои предприятия. В эти дни рабочим и служащим было роздано оружие. Они хозяева улицы. В случае высадки вражеского десанта все население должно подняться на борьбу, стать солдатами. Когда во время очередного израильского налета на жилые кварталы падали бомбы, все вокруг превращались в санитаров, пожарных, землекопов, шли на помощь пострадавшим.

Все меньше и меньше израильских самолетов прорывалось в дамасское небо. Вражеские пилоты уже боялись совершать свои пиратские вылазки. Но насколько агрессор труслив, настолько и мстителен. Об этом говорит жестокость, с которой велись бомбардировки жилых кварталов.

Приезжая раньше в Дамаск, я всегда заходил в знакомое здание на улице Абу-Румани — советский культурный центр. Здесь можно было встретить известных сирийских писателей, актеров, политических и общественных деятелей. Люди приходили посмотреть новый советский фильм или побеседовать за чашкой чая. Здесь выступали с лекциями советские и сирийские ученые, устраивались концерты русской и советской музыки. Немало сирийцев выучили здесь русский язык; иные начали отсюда путь в Москву, в Университет дружбы народов. Помню, с каким радушием встречали гостей работники центра, советские люди и сирийцы. И наверное, одним из самых заботливых среди них был администратор центра Мухаммед Амин. Все время он помогал кому-то: больным найти редкое лекарство, журналистам — устроить встречу с интересным человеком.

В тот день — 8 октября — он тоже помогал людям. Звонил на продовольственный склад: из-за израильских бомбардировок закрылись лавки, а больному ребенку одного сотрудника необходимо три раза в день свежее молоко...

Израильские самолеты шли вдоль горы Касьюн, обстреливая улицы. По жилому кварталу вражеский пилот выпустил ракеты без промаха и так же без промаха был сбит. Потом уже, выступая по телевидению, этот пилот и другие, взятые сирийцами в плен, публично признались, что получили приказ нанести удар по жилым кварталам Дамаска.

— Когда я прибежал на улицу Абу-Румани, в воздухе еще стоял запах гари, — рассказывал бывший студент Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы Азиз Гарбани. — Разбиты автомашины, выворочено с корнем дерево перед входом. Само здание советского культурного центра разрушено. Мы тотчас принялись тушить вспыхнувший местами огонь и спасать из-под обломков людей. Со всех концов города спешили на Абу-Румани люди. Они присоединялись к нам. Из-под руин здания мы извлекали оставшихся в живых.

В живых остались не все. Погибла заведующая курсами русского языка Александра Петровна Калиничева. Погиб на своем рабочем посту Мухаммед Амин...

Подоспевшие к месту трагедии военные специалисты предупредили, что под обломками могут оказаться бомбы замедленного действия. Молодые ребята с автоматами за плечами, вчерашние слушатели курсов русского языка, поставили заслон, а сами продолжали спасательные работы. Когда поиски прервали, чтобы немного отдохнуть, произошел взрыв: действительно, в развалинах таилась бомба. К счастью, никто из спасателей не пострадал.

Вызвали экскаватор. Надо было пробиться под стену обрушившегося здания. Четверо рабочих несколько суток продолжали вести подкоп. 12 октября израильтяне совершили новый варварский налет на жилые кварталы Дамаска. На этот раз они разбомбили больницу. Экскаваторщики поспешили со своей машиной спасать раненых. Там тоже были неразорвавшиеся бомбы. Рабочие знали об этом. Но под обломками были еще живые люди. И экскаватор продолжал работу. Взрыв произошел в тот момент, когда извлекли из-под руин погибшего ребенка. Четверо спасателей погибли. Оставшиеся в живых через несколько минут снова вернулись к руинам...

...Снова прозвучал сигнал воздушной тревоги. И снова на глазах жителей всего Дамаска упали один за другим три израильских «Фантома», сбитые сирийскими ракетами.

НОЧНОЙ ДОЗОР

— 40 тысяч членов нашего союза в эти дни взяли в руки оружие, — сказал мне президент Союза молодежи революции Хасан Хури. — Многие отправились добровольцами на фронт, другие вошли в состав ополчения, которое охраняет тыл.

Хотите пойти в ночной дозор с нашими ребятами? — неожиданно предложил Хасан.

Поздно вечером за мной в гостиницу заехала автомашина.

— Меня зовут Халид Хафиз, — сказал паренек с автоматом, сидевший за рулем. — Днем я работаю на такси, ночью с отрядом народного ополчения патрулирую улицы.

Город пуст. Огромные звезды висят на небосклоне, словно осветительные ракеты.

...В райкоме Союза молодежи революции несколько девушек раскладывали по коробкам спички. В углу стояли винтовки, автоматы.

— Многие рабочие спичечной фабрики ушли на фронт, — рассказал секретарь райкома Али Махахи. — Рабочих не хватало. На помощь пришли члены СМР. Если будет дан сигнал тревоги, эти девушки, ученицы старших классов, возьмут оружие и выйдут на помощь патрульным.

В соседней комнате группа девушек училась обращению с оружием. Инструктор, студент университета, разбирал затвор винтовки. Одна рука у него перевязана чуть выше локтя.

— Пустое, — улыбнулся он, заметив мой взгляд, и достал из кармана пулю. — Царапнуло немного во время обстрела.

Снова возвращаемся на улицу. Гулко звучат наши шаги по старинной булыжной мостовой Хальбунии.

— Как закончится война, женюсь, — неожиданно говорит один из ребят. Все молчат. Включаем транзистор. В тишину ночи врываются сперва какие-то свисты, потом чей-то голос на дамасском диалекте начинает призывать сирийских солдат к бегству — дескать, в Дамаске слышны разрывы снарядов израильской артиллерии. Все смеются.

— Надо посмотреть, как дела в госпитале, — сказал один из патрульных. Все тот же Халид Хафиз везет нас на старом, потрепанном «шевроле» в госпиталь. Тот расположен в бывшей школе. Молодой военврач с погонами майора встретил нас радушно. На столе пистолет.

— На случай десанта, — поясняет он. За чашкой приготовленного тут же, в кабинете, чая он рассказывал, как заботливо ухаживают ревсомольцы за ранеными. — Вы только посмотрите,

кто у меня дежурит в палатах, — мальчики по 12—14 лет. Впрочем, прошу прощения, я не могу вас пригласить в палаты. Сейчас глубокая ночь, раненым нужен отдых.

Но весть о том, что пришел советский журналист, уже разнеслась по госпиталю. И те, кто в состоянии ходить, шли в кабинет, просили разрешения встретиться с гостем. Ко мне тянутся для приветствия руки. Все палаты проснулись.

Потом в кабинете директора раздался звонок. Патрульные задержали подозрительную личность. Бежим на улицу. Задержанный уверял, что забыл документы дома. Начинается выяснение. Подъехал офицер безопасности. Через несколько минут родственники задержанного привезли документы. Все в порядке. Ни у кого нет обиды.

— Надо быть бдительным в таких случаях, потому что в городе могут оказаться сбитые силами ПВО израильские летчики. Под военные комбинезоны они часто надевают гражданскую одежду. Если мы не схватим вовремя такого летчика, он может скрыться в городе, — рассказывал один из моих спутников-ополченцев Халид Самман.

— А вам приходилось брать летчиков? — поинтересовался я.

— А как же, — ответил Халид. — Это было 12 октября. Мы дежурили тогда, как обычно, на улице. Вдруг раздался сигнал сирены. Еще через несколько минут в небе повисло белое облачко от взрыва ракеты. Затем появилась белая точка, и через несколько минут мы увидели парашютиста. Мы с Абдель Насером и Эмадом Хасаном схватили его вон в той стороне, в нескольких километрах от аэродрома.

Оказалось, что вся дозорная группа имеет подобный опыт.

— Сейчас, — сказали они, — дежурства стали спокойнее. Враг боится совершать массированные налеты на Дамаск.

Через четыре часа на дежурство выходила новая группа ревсомольцев. Мои товарищи отправились в штаб поспать несколько часов. Штаб расположен в бывшем спортивном клубе. На боксерском ринге разложены матрасы, тут по очереди спали дежурные. Их автоматы стояли тут же, у изголовья. Боксер Хусейн Хаиг из тренера превратился в диспетчера народного ополчения. Сидя у телефона, он принимал распоряжения.

— Есть выставить десять человек для охраны дороги, — отвечал он по-военному. И десять человек, поднятых по тревоге, брали автоматы и противогазы и уходили на задание.

— Госпиталю срочно нужна кровь первой группы, — объявил Хусейн. Двое ребят встали. И Халид Хафиз, который только что лег поспать перед работой, тоже встал и повез их в госпиталь.

— В эти дни, когда были сильные бомбежки, ребята или де-

журившие на улицах подносили раненых прямо к операционному столу, ложились рядом, давали свою кровь и снова бежали на улицу, — рассказывал Хусейн...

Уже светало. По фронтовой дороге спешили в Дамаск мотоциклисты с автоматами за плечами, в пятнистых защитных комбинезонах, в касках, утыканных ветками с пожелтевшими осенними листьями. Они везли в штаб свежие боевые сводки.

ЧТО ПРОИЗОШЛО В ДАФР СУАРЕ

Во всем мире оживленно комментировалось решение Совета Безопасности о прекращении огня на Ближнем Востоке, когда «Голос Израиля» передал репортаж о прорыве израильскими десантниками египетской линии обороны под Дафр Суаром.

О том, что произошло, мне рассказывали очевидцы.

— У меня не было времени ждать, пока закончится война, — рассказывал нам Мустафа Абдалла, пожилой крестьянин из деревни Серапион, захваченной после прекращения огня израильскими десантниками. — Дом полон детей, а в поле осыпались бобы, наша основная пища. Надо было заниматься уборкой. И я спешил. 23 октября нам сказали, что война закончена. В тот день, как обычно, я вышел в поле. Неожиданно послышался рокот в воздухе. И прямо на мое поле сел вертолет. Человек пятнадцать солдат, одетых в египетскую форму, окружили меня... «Где египетские базы? Где штаб?» — стали допрашивать, тыча дулами автоматов в грудь. Только теперь я понял, что это израильтяне. Я сказал им, что убираю бобы, — посмотрите, сколько грядок вы помяли.

Они оттолкнули меня. Полили бензином мое высохшее поле, подожгли и улетели. Когда я пришел в деревню, там голосили женщины. Здесь тоже только что побывали израильтяне. Они появились на танках, из пулеметов обстреляли село. Затем угнали, отобрав у крестьян, скот, сожгли собранный урожай. У моего соседа Хиляля Салима застрелили семилетнюю дочь. Нескольким молодым парням связали за спиной руки и угнали с собой.

— Вы не знаете, что они с ними будут делать? Они их отпустят? Отпустят? — с надеждой в голосе спрашивал другой крестьянин, вмешавшийся в разговор. Мужчины сурово попыхивали трубками. Дети серьезно слушали. У двенадцатилетнего Махмуда Мухаммеда Мустафы блестели на ресницах слезы, когда он рассказывал про свою сестру.

— Я вбежал в дом, когда в нее выстрелили, — вспоминал он. — «Что вы сделали с моей сестрой?» — закричал я, вцепившись зубами в руку одного из них. Меня отшвырнули пинком и

вышли. Я выбежал за двери и закричал: «Мама!» Я не знал, где мама, что с ней. Сестра лежала на полу, истекая кровью. Потом прибежали родители. Доктора не было в деревне. Сестра умерла на третий день. Мы похоронили ее на окраине деревни и в ту же ночь бежали вместе с соседями.

Крестьяне селения Газалят аль-Наср, в котором мы побывали, всем, чем могли, поделились с беженцами. Но те все шли. Их уже не вмещали крестьянские дома. Им не хватало соломы, которая вместо корма скоту шла теперь на подстилку детям. Они заполнили и другие соседние деревни Восточной провинции.

— Я не могу назвать вам точное число беженцев, — говорил губернатор Восточной провинции Шукри Аюб. — Они продолжают прибывать до сих пор. Мы оказываем им посильную помощь. Но люди не хотят устраиваться на месте прочно. Их дома рядом, в нескольких десятках километров. И они ждут той минуты, когда израильтяне оставят их деревни. Их селения были захвачены врагом незаконно — после прекращения огня, наступившего 22 октября по решению Совета Безопасности.

А израильтяне тем временем укрепляли позиции на западном берегу Суэцкого канала. Полтора миллиона палестинцев были изгнаны израильскими агрессорами со своей родины за 25 лет — с 1948 года. После 1967 года не только палестинцев, но и многих других — египтян, сирийцев, ливанцев — постигла та же судьба. Куда ступала нога агрессора, приходила смерть, разрушение и горе.

СУЭЦ С ПОДНЯТОЙ ГОЛОВОЙ

Репродуктор разносил слова их песен по малолюдному, одетому в зеленую униформу Суэцу:

Луна закрыла глаза,
А наши глаза открыты
В кровавом бою, суровом,
Чтобы жила улыбка...

Потом они клали в сторону каманчу, барабаны, брали в руки оружие, осторожно карабкаясь по полуразрушенным стенам домов, занимали свои позиции в линии обороны. Те, чьих рук слушаются струны, стреляли со снайперской точностью.

Уже наступил мир. Вернее, должен был наступить. 22 октября в семь часов вечера было объявлено о прекращении огня на египетском фронте. В тот же день, нарушив решение Совета Безопасности, израильские десантники атаковали Суэц. Среди крестьянских полей и пальмовых рощ они стали растекаться не-

большими группами, захватывая удобные тактические позиции, стремясь распространиться на возможно большую территорию, чтобы сделать потом свое присутствие на западном берегу канала предметом спекуляции, затормозить, а если удастся, и сорвать выполнение решений Совета Безопасности. С 22 по 25 октября враг подверг Суэц бомбардировкам и обстрелу из танков. Это привело к разрушениям и гибели мирных жителей. Городские больницы, рассчитанные всего на 500 коек, не могли обслужить всех раненых. В это время враг перерезал снабжение города водой и, несмотря на существующее соглашение с международной организацией Красного Креста и Красного Полумесяца, не разрешал провоз раненых и не пропускал лекарства.

Враг рассчитывал, что ему удастся сломить сопротивление защитников города. 23 октября израильское радио даже объявило, будто Суэц пал. На следующий день оно уже не делало таких скоропалительных заявлений, в последних известиях говорилось лишь, что израильские войска «вошли в город». Еще через день враг утверждал только, что «находится в пригороде». Потом израильская пропаганда вообще стала молчать о Суэце: попытка захватить его провалилась.

В египетских военных коммюнике (под номерами 59, 61, 62) скупыми словами рассказывается о вражеских атаках на Суэц, во время которых было подбито сперва 12, потом 11, потом еще несколько израильских танков. За этой скупой сводкой стоит героика тех дней, когда не только вооруженные силы, но и мирное население Суэца оказало решительное сопротивление врагу.

Отражать израильские атаки не впервые приходилось Суэцу. Еще в 1967 году в городе остались только сильные и мужественные духом, только добровольцы. Среди них были «Сыны земли» — рабочие, в основном молодые, члены организации Социалистической молодежи, которые создали в 1969 году самодеятельный ансамбль и в свободное от работы время стали давать концерты — пели сочиненные ими самими куплеты, прославляя мужество защитников Суэца, вселяя в людей веру в победу. Они пели на передовой перед солдатами. Они выступали перед рабочими города на площадях перед разрушенными зданиями. Они приезжали в Каир и привозили с собой в своих песнях горький запах пожарищ, грохот артиллерийских снарядов и победные возгласы египетских десантников, совершавших операции на Синае.

Враг сровнял с землей кварталы Суэца, а «Сыны земли» не знали страха.

— Если суждено умереть, пусть лучше мы умрем под развалинами, — говорил мне в те дни руководитель ансамбля,

старый рабочий и народный поэт аль-Газали, которого все ласково называли «капитаном».

Они по-прежнему пели... И казалось, песня побеждала смерть. В ту весну зазеленели свежая трава на руинах и даже опаленные напалмом пальмы.

И вот опять война. Когда враг атаковал Суэц, «Сыны земли» вместе с другими жителями города взяли в руки оружие. Трое из них остались на поле боя. Остальные после боя снова взяли в руки свои инструменты и, перебирая закаленные в бою — булатные — струны, запели:

Эта земля многие годы голодная,
Ей нужны сильные руки,
Ей нужны честные сердца,
Чтобы прогнать темные ночи...

В тот же день ансамбль пополнился тремя новыми певцами.

НА ОБОЧИНЕ У 101-ГО КИЛОМЕТРА

Около двухсот иностранных корреспондентов, собравшихся в дни октябрьской войны 1973 года в Каире, ожидали вступления в силу протокола о мероприятиях, связанных с выполнением резолюций Совета Безопасности о прекращении огня на Ближнем Востоке. Первый пункт этого протокола, подписанного представителями командования той и другой сторон, обязывал израильтян передать их контрольные пункты на дороге Каир — Суэц чрезвычайным силам ООН. Командующий чрезвычайными силами ООН генерал Сииласвуо получил приказ принять контрольные пункты. Об этом было сообщено на пресс-конференции. Опрокидывая стулья, журналисты кинулись в министерство информации за разрешением на поездку в Суэц. Египетские власти не возражали. И толпа журналистов, забив до отказа четыре автобуса, отправилась утром по дороге Каир — Суэц.

На 101-м километре от Каира у контрольно-пропускного пункта стояла длинная вереница машин, груженных продуктами. С тех пор как протокол вступил в силу, ничто, оказывается, тут не изменилось. Все те же израильские солдаты — некоторых из них журналисты уже знали в лицо и даже по имени — стояли на дороге, обыскивая машины под дулами пулеметов, установленных в пяти метрах от дороги. Немного в сторонке были разбиты палатки основных солдат — финнов и шведов.

— Я не могу вас пропустить в Суэц, пока не получу раз-

решения от своего командования, — заявил израильский капитан Нафтали Шимрат.

— Разве вы взяли назад пункт, переданный войскам ООН?

— Я не могу отвечать на ваши вопросы...

Ооновские солдаты, чтобы не допустить скандала, выстроились в цепь, отделив журналистов от израильтян. Вдали, на возвышенности, без остановки трудился над укреплением израильских позиций бульдозер. Солдаты, окопавшиеся у самой дороги, насыпали песок в мешки и укладывали их у амбразур пулеметов.

— Вы не можете рассказать, что здесь произошло? — допытывались журналисты у египетского офицера.

— Что касается этого пункта на 101-м километре, то израильтяне, как видите, просто не ушли отсюда, нарушив подписанный ими же протокол, — отвечал египетский полковник Юсеф Мекки. — Вчера в семь часов вечера сюда прибыло несколько машин с продуктами для Третьей армии. По соглашению израильтяне не имеют права задерживать эти машины. Сейчас двенадцать часов дня. Вот эти машины. Как видите, они до сих пор стоят. Можете осмотреть их. Они нагружены только продуктами питания.

Потом пришла колонна машин Красного Креста и Красного Полумесяца с медикаментами для Суэца. Израильские солдаты вскрыли коробки с лекарствами. Они открывали даже пробки у бутылок с кровью и принюхивались к горлышку. Потом они вылили в песок воду. И запретили провозить лекарства. Колонне Красного Креста пришлось возвращаться в Каир.

— Но это только то, что произошло на этом пункте, — уточнил полковник. — О других я не берусь рассказывать...

Стоило поговорить с солдатами ООН, с египетскими и израильскими часовыми, с шоферами, и картина постепенно обрисовывалась. Через несколько часов после подписания протокола сюда пожаловал генерал Даян. Кое-где на дороге Каир — Суэц контрольные пункты к этому времени уже заняли войска чрезвычайных сил ООН. Но едва Даян уехал с позиций, как израильские солдаты начали окружать контрольно-пропускные пункты.

Незадолго до приезда журналистов на 101-й километр пришла колонна из 12 ооновских автомашин с продовольствием. Израильтяне пытались не пустить колонну. Тогда финский офицер сел в машину и, не обращая внимания на угрозу израильтян открыть огонь, приказал колонне двигаться за ним. Нехотя расступились перед флагом ООН израильские солдаты.

Получив распоряжение Генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма, командующий чрезвычайными силами на Ближнем

Востоке генерал Сииласвуо отдал своим войскам приказ занять контрольные израильские пункты на дороге Каир — Суэц, как это предусматривало достигнутое накануне соглашение. Выполнить приказ было поручено финским контингентам войск ООН. Установив флаг ООН, они соорудили палатку у 130-го километра при выезде из порта Суэц. В тот момент, когда контрольный пункт уже начал действовать, израильтяне передали ооновцам ультиматум, предложив ликвидировать пункт в течение пятнадцати минут. В 5 часов 15 минут вечера, когда истек срок ультиматума, израильтяне, окружив подразделение ооновцев, попытались силой ликвидировать контрольно-пропускной пункт. Они сорвали с флагштока флаг ООН и хотели пробиться к палатке. Генерал Сииласвуо отдал приказ не сдавать позиций и послал подкрепление. После очередной рукопашной атаки, во время которой было применено огнестрельное оружие, израильтяне отступили, однако вскоре подошли их танки и окружили ооновцев.

Теперь присутствие сотен журналистов у контрольно-пропускного пункта, видимо, беспокоило израильских офицеров. Всем своим видом они старались создать впечатление респектабельности и миролюбия. Израильские офицеры улыбались египтянам, хлопали их по плечу, нарочито громко, чтобы слышали журналисты, приглашали к себе в гости «после окончания войны». И все это время стояла наперевес с автоматами шеренга израильских солдат за витками колючей проволоки, перегородившей дорогу.

Наконец к журналистам вышел израильский майор Егуда Авнер.

— Командование запретило мне пропустить вас в Суэц.

— Но почему? Ведь по соглашению дорогу должны охранять войска ООН...

— Сейчас нельзя...

— А когда будет можно?

— Когда будет можно, тогда будет можно, — улыбнулся майор своему остроумию.

Спектакль начинал надоедать... Журналисты подписали обращение к офицеру ООН с просьбой разрешить проезд в Суэц. Финский офицер махнул рукой. Действительно, если израильское командование мешает журналистам выполнять их работу, то пусть их и сдерживают израильские солдаты. Ооновцы расступились. Толпа журналистов хлынула в коридор «ничейной» территории. Израильские солдаты продолжали стоять с автоматами наперевес.

— Если вы попытаетесь прорваться через кордон силой, я отдам приказ стрелять. — На дорогу выполз на всякий случай

бронетранспортер. — Я же вам сказал, — объяснил снова майор Авнер, — получен приказ не пускать. Я подчиняюсь приказу.

Израильские часовые позировали перед объективами.

— И долго ты здесь будешь стоять, Соломон?

— Соломону давно уже хочется прогуляться по Дезингофу *,— охотно отозвался он.

— Прекратить разговоры.

Соломон замолчал. С такими разговорами можно и наряд заработать.

— Расходитесь, господа журналисты. А то будете ждать хоть до утра и ничего не добьетесь.

Наконец-то хоть услышали откровенное «все равно ничего не добьетесь». Теперь по крайней мере человек двести журналистов из всех стран мира видели, чего стоят израильские обязательства.

...В январе 1974 года журналисты были снова на 101-м километре.

Тут было подписано еще одно, «новое» соглашение во исполнение старого. На этот раз, правда, израильтяне вынуждены были приступить к отводу своих войск. Накануне приезда в Каир государственного секретаря США Г. Киссинджера египетская оборона была восстановлена. Израильские десантники на западном берегу Суэцкого канала это быстро почувствовали: артиллерия насквозь простреливала их оборону. Президент Садат заявил, что Египет обладает мощным оружием советского производства. И Тель-Авив и американцы понимали, что в случае возобновления военного конфликта израильские войска на западном берегу канала обречены на гибель.

И вот наконец мы получили возможность проехать в осажденный Суэц.

Медленно пересекла машина черту, за которую еще недавно нельзя было ступить.

Мы проехали километров тридцать и оказались в пригороде Суэца. Остовы израильских танков говорили о мужестве и стойкости жителей Суэца. 17 танков было уничтожено на подступах к городу, 15 — на улицах.

— А на следующий день, 23 октября, — рассказывал губернатор Суэца Мухаммед Бадави аль-Холи, — израильтяне нагло предложили мне сдаться. В противном случае, заявили они, в городе не останется камня на камне. Пригрозили судить меня как военного преступника, если я не сдам Суэц. Но мы-то понимали: сдаться в плен — значит стать предателями. И продолжали сражаться.

Здесь, в муниципалитете, нас встретил тринадцатилетний

* Центральная улица в Тель-Авиве.

мальчик Мухаммед Абдель Разек. Это суэцкий Гаврош. В дни боев за город он подносил на передовые позиции боеприпасы.

В госпитале лежала девушка Фатима. Она выносила с поля боя раненых.

— Суэц — это город-герой. Им гордится весь Египет, — говорил губернатор.

Из-за развалин домов по грудам обломков и щебня люди бежали к нам навстречу. Радостные улыбки, приветствия. Кто-то, не удержавшись, устраивал салют, стреляя в воздух. Эти люди отстояли в сражениях свой город. Они остались непоколебимыми в своем стремлении защитить свободу...

Поехали к переправе через Суэцкий канал. Здесь, на пустынном берегу Синая, стойко держала оборону Третья египетская армия. Когда, вероломно нарушив соглашение о прекращении огня, израильские войска предприняли наступление, она оказалась отрезанной, лишенной подвоза боеприпасов, воды и продовольствия. Наконец, когда открылась дорога на Суэц, связь Третьей армии с тылом была восстановлена.

Вокруг были солдаты с радостными лицами. Некоторые получили первые весточки из дому... Много теплых, добрых слов услышали мы в адрес нашей страны. Солдаты благодарили за помощь, оказанную Египту в трудные часы, за советское оружие, которое они сумели оценить в бою. Впрочем, благодарили не только солдаты. Вскоре после окончания октябрьской войны 1973 года Народное собрание АРЕ приняло специальную резолюцию с выражением благодарности Советскому Союзу за помощь, оказавшую решающее воздействие на ход военных событий.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ВОЙНЫ

Прокомментировать итоги октябрьской войны я попросил Генерального секретаря ЦК Сирийской коммунистической партии товарища Халеда Багдаша.

— Эта война со стороны арабов носила освободительный характер, — сказал он. — Миф о непобедимости израильской армии был разбит. Это большая политическая, военная и моральная победа арабов. Сотрудничество арабских стран с СССР оказалось важнейшим фактором в этой войне. Благодаря ему мы имели все необходимое в самые трудные моменты. И теперь, требуя, чтобы Израиль ушел с оккупированных земель, мы должны отдавать себе отчет в том, что успешное решение ближневосточной проблемы, включающее требование о полном выводе израильских войск со всех оккупированных арабских территорий и обеспечение законных

прав палестинского народа, возможно только в сотрудничестве с СССР.

— Какая же обстановка сложилась в Сирии?

— После войны Сирия подверглась сильному нажиму со стороны империалистов и арабской реакции, — продолжал Халед Багдаш. — Эти силы пытаются доказать, будто только США способны решать проблемы Ближнего Востока. Создавая экономические трудности, они уверяют нас, что преодолеть их можно якобы только с помощью иностранного капитала и путем расширения сферы частного сектора в стране. Для этого, говорят они, Сирия должна завоевать доверие капиталистических государств, сократив экономические и политические отношения с Советским Союзом и социалистическими странами.

— Что же могла Сирия противопоставить этому нажиму?

— Дружба сирийского и советского народов традиционна. Симпатии к СССР особенно окрепли в дни октябрьской войны 1973 года. Всем известно, что советское оружие (сирийцы своими глазами видели, как падали израильские «Фантомы», сбитые советскими ракетами), экономическая помощь и опыт были в основе успеха, достигнутого арабскими странами. Чем сильнее связи с Советским Союзом, тем прочнее антиимпериалистические позиции, тем глубже наши завоевания.

Мы, коммунисты, как и многие баасисты и представители других партий, знаем, что победа в борьбе против империализма и сионизма за достижение экономической независимости не может быть достигнута без СССР.

Мы, сирийские коммунисты, считаем, что, имея оснащенную и хорошо подготовленную армию, укрепляя единство внутреннего фронта, опираясь на сотрудничество с Советским Союзом, мы можем сорвать планы империализма, добиться разрешения ближневосточной проблемы мирным путем. Ради достижения этих целей мы ведем последовательную, упорную работу.

Беседуя с товарищем Багдашем, я уже знал о том, что вскоре после октябрьской войны 1973 года некоторые из арабских руководителей были готовы идти на сговор с империалистами. Позиции реакции усилились в самой крупной стране арабского мира — Египте. В каирской печати появились открытые нападки на целый период истории страны, связанный с именем Насера.

Первое Синайское соглашение, заключенное с помощью Киссинджера в январе 1974 года, принесло, несомненно, больше выгоды израильтянам, чем арабам. По этому соглашению Израиль должен был вывести свои войска с африканского берега Суэцкого канала. Американская пропаганда пыталась изобразить этот

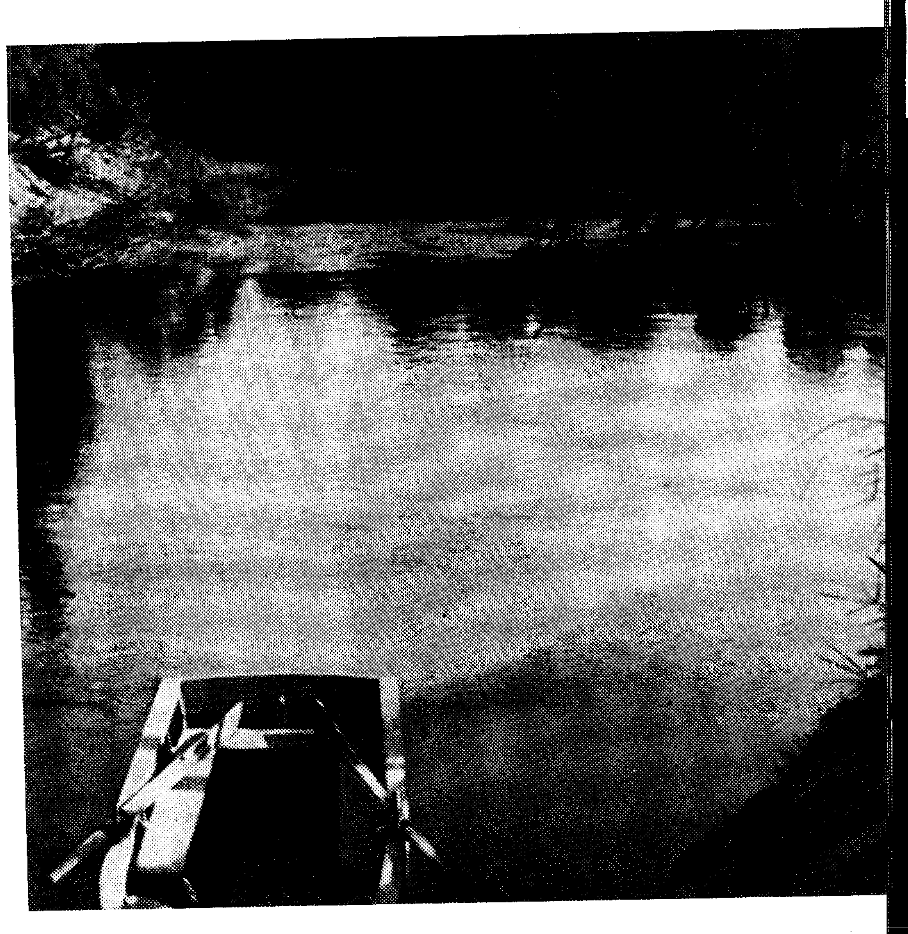
пункт как большую уступку израильтян. На самом же деле этот вывод войск отвечал интересам Израиля: командование беспокоила растянутость коммуникаций; в двух местах позиции насквозь простреливались египетской артиллерией; было понятно, что этот «карман» на африканском берегу не удержать в случае возникновения новой войны. Израильтяне сумели выторговать в обмен на вывод своих войск с африканского берега канала вывод египетских войск, за исключением чисто символических контингентов, с территории Синая, отвоеванной в дни октябрьской войны. Это было сделано в условиях продолжающейся израильской оккупации большой части Синая и в значительной степени сводило на нет военные итоги египетских побед в войне 1973 года.

Кроме всего прочего, египтяне должны были покончить с фактическим состоянием войны, заселив и отстроив города вдоль Суэцкого канала, который также должен был открыться. Египтяне брали на себя обязательство обеспечить свободу прохождения через канал всех судов, в том числе и израильских.

Но самое главное во всей этой истории то, что это было первое сепаратное соглашение, заключенное арабской страной с Израилем. Все соглашения, заключенные до этого на совещаниях глав арабских государств, предусматривали необходимость единства действий, отрицали даже возможность сепаратных переговоров. Каир обычно выступал инициатором подобных соглашений. И вот теперь не кто иной, как Каир, первым нанес удар по единству арабских стран в их многотрудной борьбе.

Все это не могло не привести к ослаблению позиций тех сил в арабском мире, которые устремлены против израильской агрессии и сионизма. В печати появились сообщения о том, что между США и Египтом заключены, помимо известных, также и секретные соглашения. На первых порах египетская печать опровергала подобные сообщения, однако в марте 1976 года президент Садат признал на пресс-конференции в Кувейте, что секретные соглашения действительно существуют. Это не могло не вызвать в политических кругах арабских стран еще большие подозрения относительно роли, которую играет Египет в ближневосточном урегулировании.

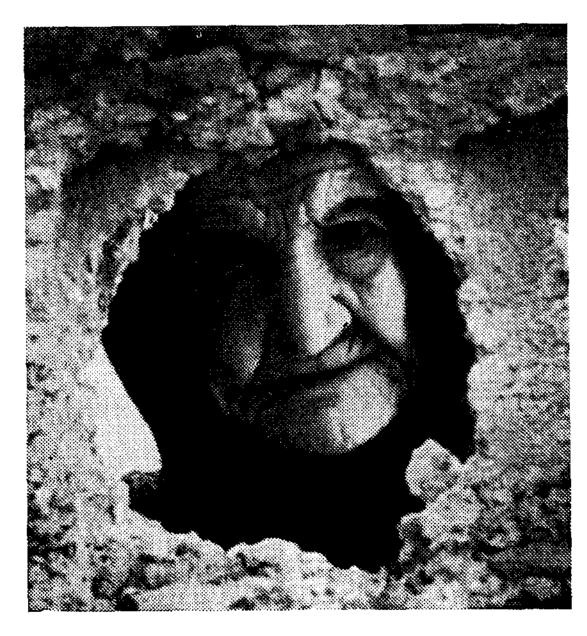
Второе соглашение по Синаю, осуществление которого началось осенью 1975 года под грохот канонады гражданской войны в Ливане, вызвало возмущение во всем арабском мире: реакция в союзе с Израилем пыталась расправиться с палестинским движением. Ливанская печать отмечала в те дни, что сговор Киссинджера с Садатом имел место за дымовой завесой этой войны.

Иордан. На этом рубеже началась израильская сионистская агрессия.

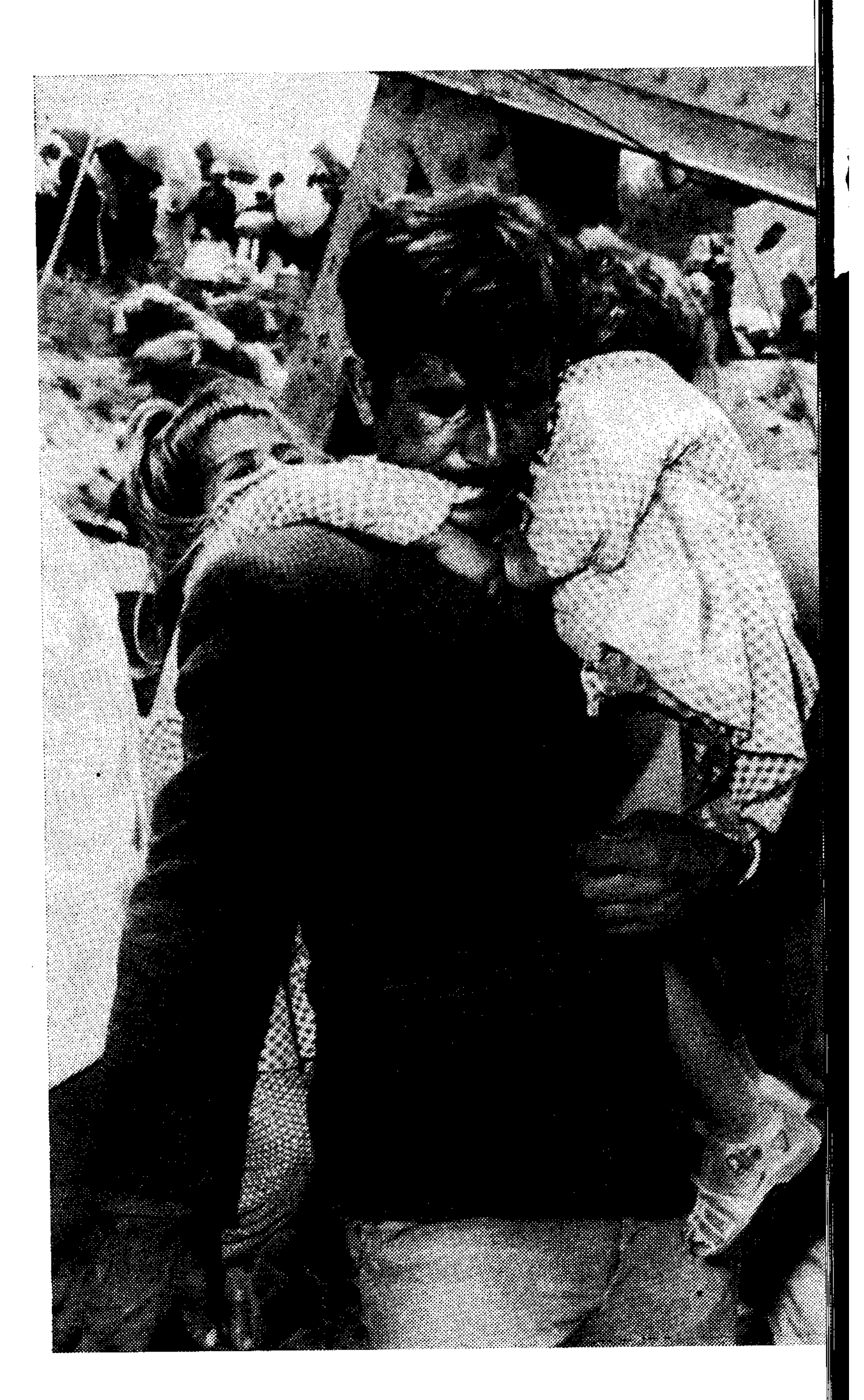

Древний Иерусалим, Иерихон, утопающая в садах Кунейтра, десятки арабских городов и сел оказались под сапогом оккупанта.

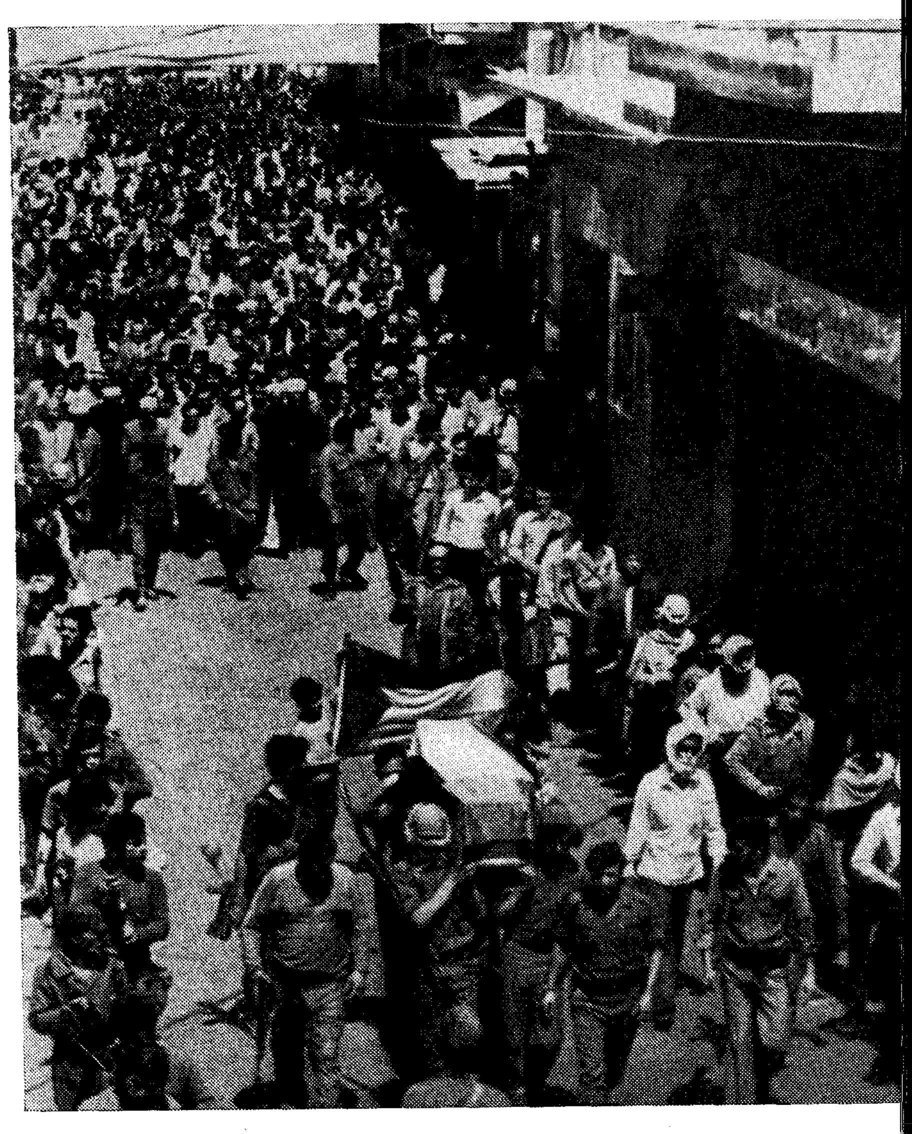
Под обломками этого дома остались лежать ее внуки.

Нескончаемый поток беженцев протянулся в те июньские дни 1967 года через ►
мост Хусейна на Иордане. ▼

Мирные жители, обожженные напалмом, останки жертв пиратских налетов, сложенные в ящики из-под апельсинов, — такой предстала перед глазами всего мира «превентивная» война, которую, как утверждают сионисты, Израиль начал из «гуманных» целей.

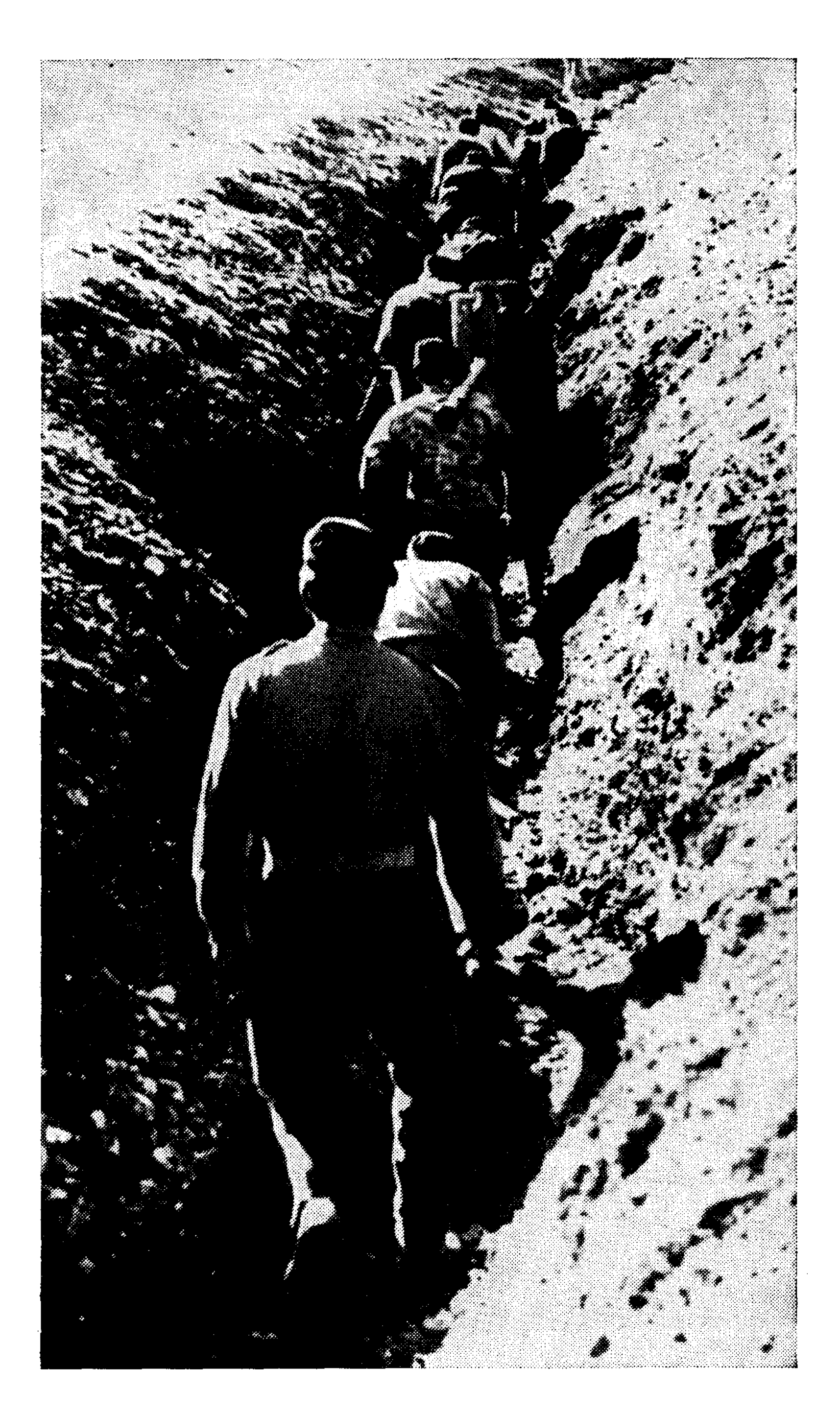

За гробом убитого дети гордо подняли флаг Палестины. В руках у вчерашних беженцев — оружие.

На окраине Каира, в Гизе, древний сфинкс тысячелетия хранит свои тайны.

Полной неожиданностью явилась для израильских оккупантов октябрьская война 1973 года. Вот и поплатились...

Борьба продолжается. Подразделение палестинских федаев уходит на боевое задание. Быть может, среди них и отец русоволосого мальчика, родившегося в этом палаточном городке для беженцев.

Линия Барлева, ноябрь 1973-го...

Захватчик.

Трофейный танк американского производства, израильской армии.

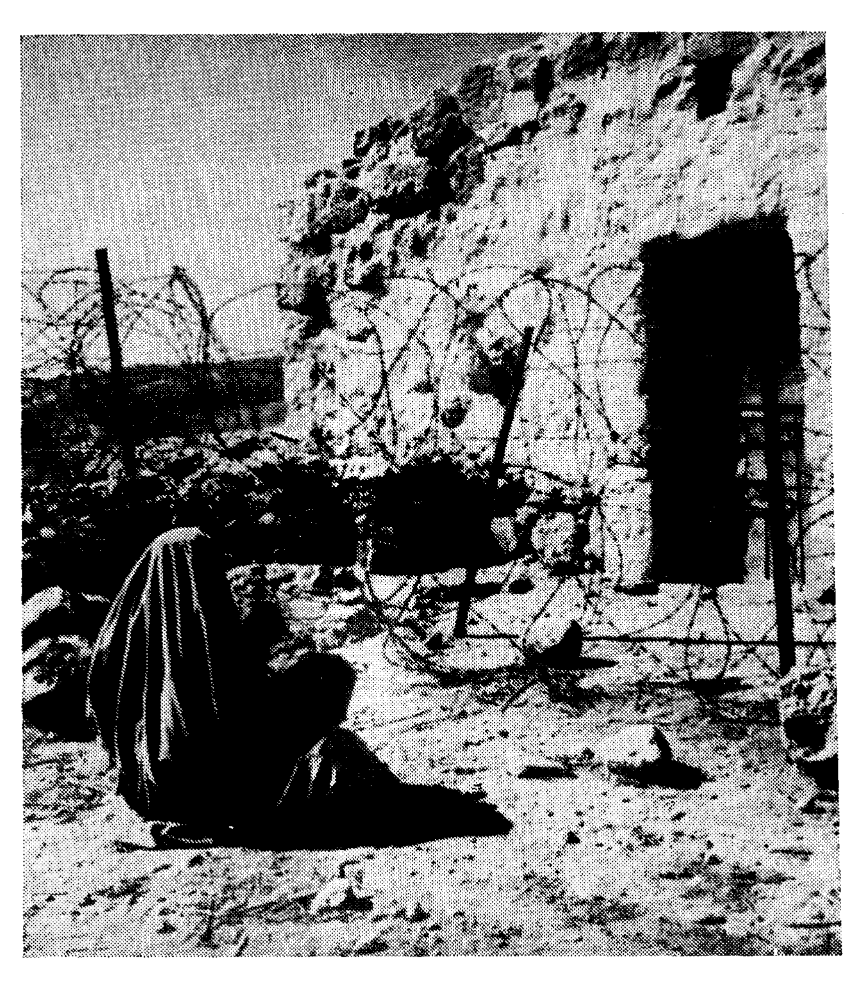
За свои поражения сионисты мстят мирным жителям.

Председатель Организации освобождения Палестины Ясир Арафат принял автора этой книги А. Агарышева в дни октябрьской войны 1973 года.

По дорогам войны...

Два шага до родного порога...

БЕЙРУТ, ДНИ ИСПЫТАНИЙ

Первый контакт с ливанской партией «Катаиб» случился у меня вскоре после июньской войны 1967 года.

У входа в здание партии «Катаиб» в Бейруте двое дюжих парней в синих куртках подозрительно разглядывали прохожих, держа руки в карманах.

— Хотите поговорить с шефом? Пройдемте...

Не отступая ни на шаг, повели в «бюро информации».

— Вот, хочет поговорить с шефом.

— Кто такой?

— Журналист. Из Советского Союза.

Парни в синих куртках по-прежнему держали руки в карманах. В окошечке появилась голова.

— Пройдите в салон. Вас примет господин Омейри, член руководства партии.

Помещение, в которое меня привели, напоминало скорее логово: серые стены, грязный пол и полумрак. Впрочем, парни в синих куртках, сидевшие в «салоне», приняли меня уже более приветливо. Даже сделали попытку изобразить на лице нечто вроде улыбки: раз допустили, значит, так надо.

На стене около двери табличка: «Руководство партии «Катаиб», ливанской фаланги».

Через несколько дней после июньской войны 1967 года в ливанской печати был опубликован фалангистский меморандум. В нем отразилась попытка ливанской реакции оклеветать социализм и доказать необходимость восстановления американских позиций, подорванных из-за поддержки США агрессии Израиля против арабских стран. Меморандум, подписанный партией «Катаиб», отражал явно антинациональные взгляды. Впрочем, реакция не впервые выступала против интересов ливанского народа. Еще в 1958 году тогдашний президент Камаль Шамун разрешил американскому десанту 6-го флота высадиться в Ливане. В те дни его также поддержал лидер партии «Катаиб» Пьер Жмайель. Американская интервенция вызвала в стране народное восстание. Правительство Шамуна пало. Снова почувствовав угрозу своим интересам, ливанская реакция опять смыкала свои ряды, пыталась оказать давление на правительство.

Парень в синей куртке, бросив взгляд исподлобья, буркнул:
— Пройдите в кабинет.

В кабинете в отличие от «салона» было уютно и чисто. Мягкие ковры под ногами, тонкий аромат французских духов. Жорж Омейри, сидевший за большим, аккуратно прибранным столом,

производил впечатление человека в высшей степени респектабельного.

Над головой портрет человека в черных очках, с резкими очертаниями подбородка и скул. Сам шеф... Словно внимательно наблюдает за всем, что происходит в комнате. И, может быть, не только в комнате. Как-никак, в распоряжении Пьера Жмайеля в те дни было пять тысяч вооруженных молодчиков, услуги которых в дни израильской агрессии партия «Катаиб» предложила ливанскому правительству. Но не для посылки на фронт, а... для «поддержания внутренней безопасности в стране». «Ливанская фаланга», созданная до второй мировой войны, в годы расцвета фашизма усиленно занималась военной подготовкой. Она имела свои летние военизированные лагеря. Каждый член партии «Катаиб» должен был три часа в день — час до работы, час обеденного перерыва и час после работы — заниматься военным делом. И конечно же, каждый из них обязан беспрекословно подчиняться своему шефу. И хотя партия не имела весомого влияния даже в среде маронитов (это показали тогда выборы в парламент), фалангисты заявляли, что за ними идет 50 процентов христианского населения страны.

На лице Омейри была невозмутимость, хотя по тому, как он ерзал на стуле, все время вскакивал и хватался за телефонную трубку, было видно, что столь необычный визит его несколько беспокоил.

— Советский журналист? Садитесь. Зачем пожаловали?..

То, зачем я «пожаловал», нельзя было объяснить так просто, но Омейри не давал говорить, перебивая на каждом слове.

— Полагаете ли вы, что в то время, когда продолжается оккупация арабских земель, выступать с нападками на социализм, сеять недоверие к СССР в интересах подлинно национальных сил?

— Не учите меня патриотизму. Я лучше вас знаю, что такое быть ливанским патриотом. Мы не выступаем против СССР.

В том-то все дело. Выступать прямо с нападками против СССР в то время, когда социалистические страны в глазах арабов друзья, проверенные трагедией этих дней, значит, полностью разоблачить себя.

— Мы, — продолжал господин Омейри, — не делаем различия между СССР и США.

— Не различаете позиции, занятые этими странами по отношению к агрессору? Тогда пусть господин Омейри объяснит, как понимает патриотизм партия «Катаиб»?

— Я не буду отвечать вам. Вы пришли сюда, не предупредив. Если бы я знал заранее о вашем визите, то собрал бы

здесь группу молодежи. Она показала бы вам, что такое «Катаиб»... Мы прежде всего ливанцы, а потом арабы. Почитайте наш меморандум.

Смысл этого «мы прежде всего ливанцы, а потом арабы» не приходилось расшифровывать. «Мы прежде всего ливанцы» — это был лозунг тех, кто пытался отколоть Ливан от братских арабских стран, был лозунг «пятой колонны» — ливанской реакции.

— Из ваших слов можно сделать вывод, что вы считаете израильскую оккупацию меньшей опасностью, чем социализм?

— Действительно так, — ответил Омейри, — хотя я этого и не говорил. Что такое социализм? Это нам известно. У нас есть свои теоретики, которые опубликовали не одну книгу о социализме. У нас свои интересы. Они требуют, чтобы мы дружили с США.

Господин Омейри торопливо кинулся к двери. В комнату, словно шагнув из рамки портрета, вошел сам шеф!

— Советский журналист...

Смерив меня с ног до головы оценивающим взглядом, человек в черных очках, с резкими очертаниями подбородка и скул вышел. Беседа была закончена.

Эта встреча живо вспомнилась мне через восемь лет. В тот день в апреле 1975 года вооруженный отряд партии «Катаиб» в бейрутском квартале Айн Румана напал на автобус, в котором ехали участники массового митинга, посвященного памяти павших героев палестинского сопротивления. 29 человек было в автобусе — палестинцы и ливанцы, мужчины, женщины и дети. 23 человека из них были зверски убиты.

Так начали претворяться на деле взгляды, высказанные мне господином Омейри восемь лет тому назад. Руководители партии «Катаиб» отказывались признавать Ливан частью арабского мира. С января 1975 года Пьер Жмайель повел открытую кампанию против палестинского движения.

Однако Ливан не мог оставаться в стороне от антиимпериалистической борьбы, которую вели арабские народы. На его территории еще с 1948 года проживало немало палестинцев, изгнанных сионистскими террористскими бандами со своей родины. После июньской войны 1967 года палестинское сопротивление активизировалось. Палестинцы не раз отражали вооруженные израильские провокации на юге, защищая суверенитет страны. С их борьбой солидаризировались все национальные и прогрессивные силы Ливана. Они начали выступать единым фронтом против всяких попыток реакции ослабить палестинское сопротивление.

Однако власти предпочли не вмешиваться в инцидент. Оставить зачинщиков безнаказанными означало поощрять реакцию к новым провокациям.

...Ночью палестинцы атаковали штаб-квартиру фалангистов. Одновременно они решили нанести ущерб личному имуществу руководителей партии «Катаиб». Один за другим прогремели ночные взрывы в их магазинах, аптеках и парикмахерских.

Правительство вынуждено было подать в отставку. В письме, зачитанном при этом, премьер-министр Рашид ас-Сульх открыто обвинил партию «Катаиб» в развязывании вооруженных столкновений. В этом же письме выдвигалась новая форма государственного устройства Ливана, на светской основе.

Но это была только одна сторона вопроса — внутренняя. В те апрельские дни стало ясно, что в развязывании вооруженного конфликта заинтересованы другие, внешние силы. На это указывали публикации, появившиеся в израильской печати. Еще 17 марта 1975 года израильская «Давар» писала, например, что «Израиль держит в своих руках ключ будущего Ливана». Газета намекала, что в ближайшем будущем в Бейруте должны произойти какие-то события... «Там есть силы, способные вызвать волнения и анархию». Известны также высказывания премьер-министра Израиля Рабина, сделанные в том же духе.

Уже на следующий день после того, как удалось добиться прекращения огня, орган партии Жмайеля газета «Аль-Амаль» вышла в свет с огромным аншлагом: «До новой встречи, товарищи из сопротивления!»

«Встреча» не заставила себя ждать. С новой силой вооруженные столкновения вспыхнули в конце мая, после того как катаибовцы арестовали группы сирийских рабочих.

Второй этап ливанского конфликта показал, что в борьбе против палестинского движения «Катаиб» поддерживают и другие реакционные силы в стране. В том числе часть офицеров армии и войск безопасности. Разрастанию конфликта воспрепятствовало на этот раз само население, создавшее милицию для охраны порядка. Это испугало реакцию. Провокации приостановились.

Однако обстановка так и не нормализовалась. Столкновения снова начались в Шияхе, мусульманском районе Бейрута, расположенном между дорогами на Дамаск и в аэропорт. В течение нескольких дней силы безопасности безуспешно пытались атаковать этот район. Национальные партии, представители которых руководили обороной Шияха, заявили, что они готовы впустить войска безопасности только в том случае, если те войдут и в христианские районы Бейрута, где засели катаибовцы.

Палестинское движение на этот раз не принимало вначале участия в вооруженных столкновениях. Хотя, конечно, было солидарно с национальными силами. Оно попыталось облегчить задачу по формированию правительства и решению конфликта. Председатель Организации освобождения Палестины Ясир Арафат, выступив с обращением к ливанскому народу, заявил о полном уважении суверенитета страны. Это заявление приветствовали все политические партии Ливана, включая «Катаиб». Однако, несмотря на это, Рашид Караме, которому поручено было сформировать правительство, не смог создать даже «уменьшенное» правительство из 6—8 человек.

Обстановка стала снова быстро накаляться. В разных концах города по ночам гремели взрывы. В городе выросли баррикады. Вооруженные личности в масках останавливали машины. Однажды ночью было подвергнуто обстрелу здание ЦК Ливанской компартии. На следующий день было совершено нападение на бюро Ясира Арафата. В ответ на эти провокации палестинское сопротивление и ливанские национальные силы совершили несколько нападений на помещения партии «Катаиб».

Новая волна вооруженных столкновений сделала Бейрут похожим на Ольстер. Жизнь в городе полностью замерла. Радио Бейрута предупредило, чтобы население не покидало домов. Оно заявило, что в столице действуют подозрительные вооруженные люди — не ливанцы и не палестинцы, — которые намеренно обостряют конфликт. Вооруженные столкновения распространились на другие города страны.

Уже не впервые бейрутское радио объявляло: правительство Ливана будет сформировано через 72, 48, 24 часа. Однако положение оставалось прежним. В городе гремели взрывы, а политические деятели вели переговоры.

Дела обстояли еще хуже. По сообщению радио, все улицы ливанской столицы стали опасны для передвижения. Появились слухи о возможном вмешательстве армии.

2 июля, после заявления о сформировании правительства, Бейрут спал первую ночь более или менее спокойно, хотя время от времени в разных концах столицы еще звучали выстрелы.

Премьер-министр Рашид Караме заявил, что он надеется на восстановление в стране нормальной обстановки. Его давний политический противник, занявший в правительстве пост министра внутренних дел, Камиль Шамун угрожал в то же время в специальном предупреждении, что любое здание, из которого раздастся выстрел, будет взорвано. Новое правительство состояло всего из шести членов, представлявших различные религиозные группировки. В нем не участвовали ни «Катаиб», ни социали-

стическая прогрессивная партия Камаля Джумблата. Это, как его назвали, уменьшенное правительство должно было подготовить почву для установления мира между враждующими группировками.

Премьер-министр Рашид Караме, выступая перед журналистами в Республиканском дворце, призвал крепить национальное единство страны. «Мы на стороне палестинского сопротивления», — заявил он.

Рекламы на стенах бейрутских домов, выщербленные осколками и пулями, по-прежнему призывали посетить «страну согласия, спокойствия и благополучия». Еще совсем недавно, всего полгода назад, Ливан действительно мог казаться «раем» для тех, кто приезжал сюда с тугим кошельком в кармане в удовольствиях провести время. Кровавые столкновения, потрясшие страну, показали, что доверяться рекламе опасно. И не только туристской. На протяжении ряда лет Ливан был ближневосточной витриной свободного предпринимательства, капиталистической системы и образа жизни.

Для всеобщего обозрения эта реклама открывала залитые светом центральные улицы Бейрута с фешенебельными отелями и магазинами, кинотеатрами и ночными клубами, роскошные морские пляжи и великолепные курорты в горах.

Далеко не все из приезжающих знали, что ливанская столица окружена тесным «кольцом нищеты» — грязными, скученными кварталами, где в наспех сколоченных лачугах ютится пятая часть населения страны, около шестисот тысяч человек, среди них не только палестинцы, но и ливанцы, бежавшие от притеснений феодалов или израильских провокаций на юге страны к сверкающим огням Бейрута, вынужденные оставаться безработными или довольствоваться самой низкооплачиваемой работой. В «поясе нищеты» появились признаки того, что столкновения в Ливане носят не просто религиозный или национальный, но ясно выраженный социальный и классовый характер. Жители «бидонвилей» выступили с оружием в руках против того, что в их глазах символизирует потребительское общество. Разрушение богатых магазинов, ресторанов, салонов красоты — это стихийный выход гнева и ненависти обездоленных, которые подвергаются нещадной эксплуатации, притеснениям.

Каждый раз, когда в Ливане наступало «прекращение огня», экономисты начинали заниматься подсчетом того урона, который нанесли хозяйству страны кровопролитные события. Газе-

ты сообщали, что общие потери только за первые семь месяцев конфликта составили около 4260 человек убитыми и 9 тысяч ранеными. Экономические потери согласно разным источникам исчислялись в сумме от четырех до тринадцати миллиардов ливанских лир. Цифры говорили сами за себя, но выводы из них делались разные. Если левые силы говорили о необходимости социальных перемен в стране, то бизнесмены ставили свой диагноз событиям. Ливанская буржуазия, как мусульманская, так и христианская, впервые почувствовала силу «пояса нищеты»; чувство страха заставило заговорить о необходимости «реформ». Для других желание как можно скорее вновь получать прибыль было сильнее разума. Однако на данном этапе эти противоречия не казались главными. Налицо были явные симптомы тяжелой болезни, охватившей экономику страны: резкий спад финансовой и торговой деятельности. Прекратился поток туристов, опустели гостиницы, зияли разбитыми витринами магазины, прекратили работу многие мастерские и фабрики.

Но главное то, что кровопролитный конфликт не удавалось потушить. И никто не знал, какие жертвы еще придется понести ливанской экономике.

Бейрут утвердился как главный торговый и финансовый центр Ближнего Востока благодаря своему расположению на перекрестке мировых путей и наличию опытных меркантилистских кадров. За периоды двух мировых войн ливанская буржуазия сколотила в результате спекуляций значительное состояние. Знание рынка, умение ловко перепродать товар дали Бейруту роль посредника в торговле между Востоком и Западом.

27 октября 1975 года с часу ночи до шести утра в Бейруте было выпущено больше снарядов, ракет и пуль всевозможных калибров, чем за все время с начала столкновений. На центральных улицах Жоржа Пико, Клемансо, в районе аль-Канатири развернулись настоящие городские бои. Целые вереницы автомашин в сопровождении броневиков сил безопасности потянулись к аэропорту: уезжали семьи американских дипломатов, представители торговых компаний, банков. Ливанская буржуазия тотчас забила тревогу.

В те дни бизнесмены задавались вопросом: а сможет ли Бейрут по-прежнему оставаться центром посреднической торговли и финансовой деятельности на Ближнем Востоке? Сможет ли надежно гарантировать экономические связи Европы с арабским миром? С Африкой?

Правда, роль Бейрута как финансового центра была ослаблена значительно раньше, чем начались события. После октябрьской войны 1973 года нефтедобывающие арабские страны стали

сами вершить своими финансовыми делами; Бейрут уже тогда начал терять роль посредника.

Для ливанской торгово-финансовой буржуазии вопрос теперь стоял так: можно ли заставить те компании и банки, которые закрыли свои представительства в Бейруте, вернуться на прежнее место? Местная печать сразу поняла задачу. Она стала угрожать, что место уехавших из Бейрута фирм неизбежно займут их конкуренты. Она убеждала, что более удобного центра на Ближнем Востоке не найти. Однако некоторые компании уже нашли достаточно удобным для своей деятельности Тегеран. Другие стали подыскивать помещения в Александрии и Каире после того, как режим Садата открыл двери для деятельности иностранного капитала в Египте.

Но, конечно, ни Тегеран и ни Каир не могли взять на себя полностью функции делового центра Ближнего Востока. За событиями в Ливане нетрудно было рассмотреть стремление могучего финансового и торгового соперника нанести сокрушительный удар по конкуренту. Таким соперником для Бейрута мог стать на Ближнем Востоке в будущем лишь Тель-Авив.

Наиболее дальновидные ливанские бизнесмены понимали, что Ливан связан своей судьбой и историей не только с капиталистическим Западом, но и с арабским миром. Следовательно, считали они, в ближневосточном конфликте с Израилем Ливан не может оставаться в положении постороннего наблюдателя, его место в ряду арабских государств, противостоящих агрессии. Они резонно замечали, что больше всех от кровопролития в Ливане выиграл именно Израиль. Показательно, что подобные позиции заняли не только бизнесмены-мусульмане, но и некоторые марониты-католики.

В разгар летних событий того года мы беседовали с членом Политбюро Ливанской компартии Х. Дебсом.

— Буржуазия рассчитывала, что с помощью вооруженных провокаций ей удастся расколоть фронт ливанских прогрессивных сил и палестинского движения. Но оказалось, что проблемы нищеты, безработицы и дороговизны она не может решить военной силой. Ливанский народ проявил большую политическую зрелость, — рассказывал товарищ Дебс. — Давая отпор попыткам реакции установить в стране режим антинародной диктатуры, он оказывал сопротивление тем силам в арабском мире, которые хотели бы направить его по пути, угодному империалистам и израильским агрессорам.

Каждый раз, как в Бейруте начиналась новая вспышка, политики договаривались о прекращении огня. Об этом объявлялось по радио и телевидению, но стрельба, как правило, не утихала.

«Люди хотят знать, где прекращение огня, о котором вы говорите, — кричал во время очередной перестрелки диктор Шариф Ахави по правительственному радио, обращаясь к премьер-министру и депутатам парламента. — Не пьяны ли вы, когда говорите о прекращении огня? Где оно?»

Однажды ко мне в гостиницу приехал падавший от усталости знакомый ливанский политический деятель, принимавший участие в комиссии по прекращению огня.

— Мы день и ночь ездим между представителями воюющих сторон, убеждая их не стрелять, — рассказывал он. — Но, когда наступает действительное прекращение огня, неизвестно откуда вдруг объявляются выстрелы, обрекающие все наши усилия на провал.

С подобным часто приходилось сталкиваться во время разговоров с ливанцами. Возникала мысль, что в стране действовали какие-то силы, сознательно стремившиеся к разжиганию конфликта. Сначала некоторые газеты высказывали предположение, что в Бейруте действуют израильские диверсанты. Известно, что Израиль неоднократно использовал диверсантов для проведения террористических актов против руководителей палестинского движения. Потом стали называть другие силы и страны, которые могут быть заинтересованы в продолжении боев. Положение осложнялось тем, что военизированные организации росли в Ливане как грибы. Вот, например, «Фронт защитников кедра» — реакционная подпольная организация, ливанский «ку-клукс-клан». О нем можно составить представление по лозунгам на стенах бейрутских домов: «Нет — палестинскому движению, нет — арабам, нет — иностранцам, нет — коммунизму». Участников «фронта» было всего около двухсот, но они имели самое современное оружие, в том числе тяжелое.

Крупные земельные собственники, вожди племен, известные политические деятели имели свои частные армии. Одна из таких армий была создана богатейшим дельцом Анри Сфадром. Она пользовалась особой известностью в Ливане, потому что ее главнокомандующим был назначен наемник-француз Рене Годе, «отличившийся» в Корее, Индокитае, Алжире и Конго. «С пистолетом на боку и гранатой, подвешенной к поясу, Годе звал своих солдат в атаку, крича по привычке: «Вперед, ребята, там черномазые!» — рассказывали очевидцы.

Наличие подобных «армий» не могло не повлиять на обстановку в стране. Сам факт их существования говорил о том, что, разжигая кровопролитные столкновения, ливанская реакция служила внешним империалистическим силам, заинтересованным в ослаблении арабов, в расчленении Ливана.

Разжигая междоусобную вражду, эти силы стремились нанести удар по политической роли палестинского движения, осложнить решение ближневосточного кризиса. В связи с этим ливанская печать отмечала, что обострение конфликта странным образом совпало по времени с заключением египетско-израильского соглашения, резко критиковавшегося в арабских странах. Можно не сомневаться, что накал этой критики был ослаблен благодаря событиям в Ливане, несколько отвлекшим внимание от песков синайской пустыни.

В целом ливанская буржуазия, безусловно, страдала от положения, сложившегося в стране. Однако не секрет, что кровавые столкновения отвечали интересам местной реакции, прежде всего крупной маронитской буржуазии, боровшейся за власть. Убытки, которые она несла в этой борьбе, представлялись ей меньшим злом, чем все туже затягивающийся петлей «пояс нищеты».

...Одним из трагических событий гражданской войны в Ливане было падение лагеря Тель-Заатар, оборонявшегося силами левых и палестинцев. Но драматизм этого момента был не столько в кровавой бойне, устроенной здесь ливанской реакцией, сколько в расколе тех сил, которые считались соратниками по оружию.

В разгар междоусобной войны в Ливан, как известно, под лозунгом предотвращения раскола страны были введены сирийские войска. Они приняли участие в ряде столкновений, выступив против сил палестинцев и левых. Это вызвало резкую критику со стороны ряда палестинских организаций в адрес Сирии. Создалась угроза вмешательства в конфликт других арабских государств. А вмешательство Израиля уже носило открытый характер: израильтяне вооружали, обучали и поддерживали правохристианские силы, пытавшиеся вытеснить палестинских федаев с юга страны.

В этих условиях в Эр-Рияде было заключено соглашение о прекращении огня и создании сил безопасности численностью в 30 тысяч человек, которые должны были находиться в Ливане под эгидой Лиги арабских стран. Соглашение отвергало расчленение Ливана в любой форме и гарантировало права палестинцев в стране на основе соглашения 1969 года. Но самым важным для палестинцев было подтверждение в Эр-Рияде, что арабские государства должны по-прежнему считать ООП единственным законным представителем палестинского народа.

Это соглашение и явилось основой для урегулирования затянувшегося ливанского конфликта. Новоизбранный президент Саркис приступал к исполнению своих обязанностей, имея в руках

мандат на использование межарабских сил безопасности в интересах установления мира. Началась кампания по сдаче воюющими сторонами тяжелого оружия, восстановлению нормальной жизни в стране. Казалось бы, новое соглашение о прекращении огня осуществляется более успешно, чем любое из 56 заключенных ранее за 581 день гражданской войны.

Итоги войны: 60 тысяч погибших, 200 тысяч раненых и 1700 тысяч пострадавших от войны.

И все-таки говорить, что конфликт в Ливане полностью исчерпан, будет рискованно до тех пор, пока на Ближнем Востоке сохраняется опасное положение, вызванное израильской агрессией и продолжающейся оккупацией арабских земель. Арабы отдают себе отчет в том, что сговор ливанской (и не только ливанской) реакции с Израилем может сорвать достигнутое соглашение и ввергнуть страну в пучину еще более опасного кризиса.

В ФОКУСЕ КОНФЛИКТА

Едва конфликт начал ослабевать в Ливане, как арабские публицисты стали задавать на страницах газет и журналов вопрос: «Кто следующий?» — в какой следующей стране арабского мира вспыхнет пламя очередного конфликта, отражающего больные проблемы Ближнего Востока: сионистскую агрессию и затянувшуюся оккупацию арабских земель, острые классовые противоречия, борьбу национально-освободительного движения и сил, стремящихся остановить прогрессивное развитие.

Менее всего, пожалуй, политические наблюдатели склонны были предположить, что на этот раз события всколыхнут самую крупную и развитую страну арабского мира. Несмотря на тяжелое экономическое положение, острые социальные противоречия, вызванные отходом нового египетского руководства от политики Насера, направленной на укрепление роли государства в хозяйственной жизни страны и на постепенную ликвидацию эксплуататоров, внутриполитическая обстановка в стране казалась стабильной.

В прессе велась открытая кампания против всего, что связано с памятью Насера, а египтяне молчали. Национализированные ранее предприятия возвращались их прежним владельцам, а египтяне молчали. Правительство АРЕ провозгласило политику «открытых дверей», широко открыв иностранному капиталу доступ к наживе за счет трудящихся. Безудержно росли цены на предметы первой необходимости, а египтяне молчали.

Трудящиеся понимали, что страна оказалась в сложном по-

ложении. Они оказали поддержку тому прогрессивному курсу ориентации на социализм, на дружбу с Советским Союзом, который проводился при президенте Насере, и видели, что даже поражение в июньской войне 1967 года не остановило продвижения страны вперед — прогрессивные социально-экономические реформы продолжались и углублялись. Люди чувствовали при всех невзгодах рядом плечо советских друзей. Но эти люди, привыкшие доверять своему национальному режиму, поняли, что в их стране происходит что-то неладное.

Когда летом 1972 года президент Садат принял одностороннее решение о выводе советских военных специалистов, египтяне задавали себе вопрос: «А будет ли Советский Союз с нами в случае новой войны?..» В дни октябрьской войны 1973 года все египтяне знали, что советский народ был на их стороне. Победа над врагом была одержана благодаря тому, что Советское правительство приняло решение о срочном оказании Египту военной помощи. Эта помощь была в то время высоко оценена президентом АРЕ А. Садатом.

Однако уже вскоре после подписания соглашения о разводе войск на Синае египетская печать с новой силой повела антисоветскую кампанию. Среди простых египтян нередко можно было услышать разговоры о том, что даже после поражения в дни израильской агрессии 1967 года, когда президентом был Насер, положение в стране не было столь плохим, как после 1973 года, хотя, казалось бы, в октябрьской войне египтяне одержали победу.

Экономическое положение трудящихся между тем неуклонно ухудшалось. Росли цены на продукты первой необходимости, на жилье, увеличивалась безработица. На фоне нищеты дерзким вызовом бросалась в глаза роскошь нуворишей, прозванных в Египте «жирными котами». Эта новая прослойка богачей выросла после смерти президента Насера за счет спекуляций, всевозможных незаконных сделок и махинаций, а также с помощью обосновавшихся в стране иностранных фирм.

Летом 1976 года президент Садат пошел на дальнейшее ухудшение отношений с Советским Союзом, объявив о денонсации в одностороннем порядке Договора о дружбе, подписанного в 1971 году.

Для многих политических наблюдателей загадкой было отношение египтян к мероприятиям Садата и его новой политике, отчетливо обозначившейся вскоре после октябрьской войны 1973 года. (А местная печать пыталась создать впечатление широкой народной поддержки президенту.)

Ответ дали события 18—19 января 1977 года. В эти дни по

всему Египту от Александрии до Асуана прокатилась волна демонстраций и протестов, показавших всему миру непопулярность политики президента Садата в народе.

Поводом послужило решение Садата сократить по требованию Международного валютного банка и американских монополий субсидии на основные продукты питания и потребительские товары. Сокращение субсидий, от которого выгадывали лишь бизнесмены-иностранцы, вкладывающие свои деньги в Египте, вело к резкому повышению цен. Вот тогда-то на улицы египетских городов и вышли возмущенные демонстранты, скандировавшие имя покойного президента. Когда полиция применила в Каире слезоточивый газ, демонстранты, увидев на канистрах из-под газа американский ярлык, стали скандировать: «ЦРУ! ЦРУ!»

Правительству пришлось срочно отменить повышение цен на продукты первой необходимости. Однако эта мера, естественно, не может решить проблем нищеты, доводящей миллионы египтян до отчаяния. События 18—19 января показали, таким образом, что попытки властей решить экономические проблемы страны за счет отказа от прогрессивных преобразований оказались тщетными.

Начались массовые аресты, репрессии. Ответственность за «беспорядки» египетские власти возложили... на коммунистов. Усилилась антисоветская кампания. И тотчас в печати появилось сообщение о решении США предоставить Египту срочную финансовую помощь размером 500 миллионов долларов «в знак оценки усилий Садата по преодолению экономических трудностей».

Однако ни в Египте, ни в других арабских странах никто всерьез не верил в «новый коммунистический заговор». «Почему Каир всегда придумывает для нас это коммунистическое чудище? Разве это не хитрая уловка с целью выкачать деньги у богатых арабских государств?» — писала, например, кувейтская газета «Ар-Рай аль-Амм».

То, что это действительно так, можно легко почувствовать из некоторых комментариев египетской печати.

«Было бы лучше, если независимо от всякой «коммунистической угрозы» арабские государства думали бы не только о своих миллиардах, хранящихся в банках, но и о своих братьях», — резюмировала однажды каирская «Прогрэ эжипсьен».

Однако главная причина антикоммунистической кампании, раздутой в АРЕ, лежит, по-видимому, гораздо глубже. Развязывая ее, новое египетское руководство хотело бы переложить на Советский Союз ответственность за трудности, переживаемые страной в результате отхода от курса Насера. Одновременно рас-

чет строится на том, чтобы заручиться доверием империалистических и реакционных кругов.

Может быть, реакция и тешила себя какое-то время иллюзиями, но январские события стали суровым предупреждением тем, кто думал, что легко удастся свернуть египтян на путь капитулянтства. В этих событиях нельзя видеть только протест населения против роста цен. Ведь одним из самых популярных лозунгов среди демонстрантов было требование об освобождении оккупированных территорий.

Ни репрессии, ни принятие нового закона, усиливающего наказание за участие в уличных беспорядках, не могут, однако, ликвидировать эффекта той победы, которую одержали народные массы в январские дни 1977 года. Участники уличных демонстраций смогли навязать правительству свою волю. А это, как отмечают комментаторы, может иметь далеко идущие последствия. Ведь это означает, что арабские народы могут взять судьбу своих стран в свои руки.

ОРГАНИЗАЦИЯ «ЛЮТФИЯ» ДЕЙСТВУЕТ

(Вместо эпилога)

Как ни старались следователи, они не могли найти ни одной улики, которая бы говорила о принадлежности Лютфии Ибрагим к организации федаев. Когда девушку привели на очередной допрос, израильский офицер был вежлив. Посетовав на обстоятельства, которые «принуждают» его вести «дело», он заявил, что искренне хочет понять, почему она ведет борьбу против «израильской администрации». Им хорошо известно, сказал офицер, что Лютфия не только собирала средства для помощи беженцам и политзаключенным, но и распространяла листовки, призывавшие население к антиизраильской демонстрации. Лютфию видели и в числе ходоков, явившихся однажды к военному коменданту с протестом от имени комитета защиты политзаключенных. И наконец, последний вопрос: как смотрят ее родители на то, что их дочь, едва успевшая закончить курсы учителей, занимается политикой, помогает «террористам»?

Многое могла бы Лютфия рассказать о том, почему она стала в ряды борцов: о вереницах палестинских беженцев, о разрушенных израильтянами домах и разоренных хозяйствах... Среди ее учеников были дети, родители которых расстреляны или брошены в тюрьмы. Но рассказывать обо всем этом тому, кто сам творил подобные преступления, бессмысленно. Поэтому она лишь сказала, что борется за освобождение своего жениха Ахмеда аль-Хаввари, активиста палестинского сопротивления.

В тот день, когда арестовали Ахмеда, Лютфия, как обычно,

вела урок в школе. Ее подруга, приоткрыв дверь, вызвала учительницу из класса и сообщила страшную новость.

Вскоре арестовали и Лютфию.

На одном из очередных допросов израильский офицер предложил Лютфии добровольно уехать с западного берега Иордана. «Верните мне Ахмеда», — потребовала она. Тогда ее попытались заставить силой подписать документ об отъезде. Когда и это не помогло, израильтяне решили, что перед ними опытная подпольщица-революционерка. Их привели в камеру пыток вместе: ее и Ахмеда. И пытали поочередно, надеясь, что кто-нибудь не выдержит. Хотели узнать, по чьему заданию он приехал на западный берег Иордана. Требовали явочные адреса, списки товарищей. «Ты тоже террористка? Как называется твоя организация?» — «Лютфия», — сказала она, теряя сознание. «Это название организации?» — спросил офицер, когда ее привели в чувство. «Да!» — ответила она решительно.

Офицер на минуту задумался. Израильской разведке не было известно о существовании организации под таким названием. Что ж, если он напал на след, начальство должно по достоинству оценить его заслуги.

«И вы можете назвать членов этой организации?» — подался он вперед. «В ней состою только я», — ответила девушка. Тут офицер вспомнил, что допрашиваемую зовут Лютфия. Значит, его снова водили за нос, и он так легко попался.

После страшных пыток девушка попала в госпиталь. Оттуда ее выпустили затем только, чтобы собрать необходимые для судилища «улики».

— Через три месяца после того, как я вышла из больницы, наш дом окружили израильские солдаты, — рассказывала Лютфия. — Нам предложили выйти и предъявили документы на обыск. Я знала, что в доме нет оружия. Но все же потребовала своего присутствия при обыске, заявив, что солдаты могут обокрасть дом под видом обыска. Своими глазами я видела, как офицер подсунул в ящик моего шкафа взрыватель. Но доказать этого я не могла. Я была одна. Солдаты сделали вид, что нашли в моей комнате оружие. Провокация послужила основанием для моего нового ареста и суда.

Ее тело до сих пор хранит на себе следы тех зверских пыток, которые пришлось перенести на допросах. Когда провинциальные палачи не смогли справиться с задачей, девушку перевели в центральную тюрьму. Там за дело взялись специалисты поопытней. После нескольких сеансов допросов они растянули ей позвонки. Парализованную девушку вынуждены были уложить в тюремную больницу.

Палачи пытались скрыть следы своего преступления. Но это оказалось невозможным. Израильская коммунистка Виктория Ланге, выступавшая в качестве адвоката на суде, приговорившем Лютфию к десяти годам заключения, рассказала на страницах газеты «Аль-Иттихад» о пытках, которым подвергалась палестинская патриотка. Она потребовала, чтобы врачам-палестинцам Антону Таразп, Ибрагиму Тлилю и Амину аль-Хатибу разрешили вместе с представителями международного Красного Креста посетить Лютфию. Эта представительная комиссия засвидетельствовала факт пыток. Антон Тарази официально потребовал от израильских властей, чтобы Лютфию перевели для лечения в его иерусалимскую больницу. Но израильские власти боялись выпустить Лютфию и, подлечив немного в тюремной больнице, снова бросили ее в камеру.

15 декабря 1974 года закончился срок заключения Ахмеда. Однако на свободу его не выпустили. Снова и снова вызывали к тюремному начальству, требовали подписать документы о добровольном выезде с родины. Он категорически отказался и требовал, чтобы вместе с ним освободили Лютфию, здоровье которой резко ухудшилось. Компартия Израиля обратилась с призывом к мировому общественному мнению.

5 февраля 1975 года Ахмеда и Лютфию запихнули в военную машину и, подвезя к мосту Алленби, приказали идти на ту сторону Иордана. «Нам заявили, что расстреляют на месте, если мы попробуем вернуться назад», — вспоминает Ахмед.

Медовый месяц Лютфия и Ахмед провели в лагерях палестинских беженцев. Они выступали на митингах, рассказывали людям о положении на оккупированной территории. Они начали писать книгу о том, что им довелось увидеть в израильских застенках.

Потом Лютфии предоставили место в одной из больниц Советского Союза. Прежде чем отправиться на лечение, она поехала в Женеву, там в Комиссии ООН по правам человека потребовала создать авторитетную комиссию, которая бы расследовала положение политзаключенных в израильских тюрьмах. Израильтяне думали, что, изгнав Лютфию и Ахмеда с родины, они покончили с «неприятной проблемой». Но вскоре заключенные тюрьмы, где она раньше находилась, объявили бойкот администрации. Стены тюрьмы содрогались от дружного скандирования: «Лютфия». Это имя было написано на плакатах демонстрантов, вышедших на улицы Иерусалима и Рамаллы. Его повторяли рабочие, останавливая станки.

Так израильтяне узнали, что организация «Лютфия» действует...

РАССКАЗЫ И СТИХИ

БУЛАТНЫЕ СТРУНЫ

(Вместо предисловия)

...Шел 1970 год. Мы сидели с известным египетским писателем в его кабинете в редакции «Аль-Ахрам» и вели разговор о судьбах арабской литературы. Спор шел все о том же, о чем много раз писали газеты, велась дискуссия на страницах журналов — как объяснить, что арабская литература и прежде всего «маститые» не откликнулись ни одним значительным литературным произведением на поражение в дни израильской агрессии в июне 1967 года.

— Да поймите же вы, — горячо отстаивал свою точку зрения египетский писатель, — поражение легло настолько тяжелым камнем на душу нашего народа, что необходимо десятилетие, прежде чем мы сможем осмыслить то, что произошло. Наша действительность не позволяет нам осмыслить событие так, как это необходимо. Для этого нужна борьба, которую мы пока не ведем.

Я спорил... Если на Суэцком канале взрывы гремят не каждый день, то это не значит, что борьбы нет. Она ведется на каждом заводе. Борьба проходит по всей долине Нила, через каждую улицу и каждый порог.

Мой собеседник вскакивал с места. Нет, он, египтянин, не может ждать... Он предпочитает умереть, чем жить в позоре...

Он снова отодвигал кресло, начинал взволнованно ходить из угла в угол. Но звуки его шагов тонули в мягких коврах. Это походило на сцену из немого кинофильма: за окном кипела шумная жизнь арабского города, погонщики покрикивали на ослов, развозивших сахарный тростник, помидоры и фрукты в лавки зеленщиков, трезвонили вовсю мальчишки-велосипедисты, на шоссе гудели автомашины, попавшие в пробку, но в предоставленные редакцией газеты «Аль-Ахрам» звуконепроницаемые прохладные кабинеты нескольких самых маститых писателей Египта эти звуки не пробивались.

Вдруг оконные стекла задрожали от мощного взрыва. И сразу же голова моего собеседника поникла:

— Ты видишь, они бомбят пригороды Каира, и мы ничего не можем поделать. Если мы не умеем дать отпор, то пусть приходит враг в Каир, пусть идет в Ливию, в Алжир, в Марокко. Может быть, тогда мы сбросим наше оцепенение, поднимемся на действительно народную войну. Вот тогда-то и явятся наши египетские Толстые и Шолоховы.

Подобные настроения, продиктованные стыдом за поражение и нетерпеливым желанием как можно скорее смыть пятно национального позора кровью, были типичны для большинства египетского народа, для многих арабских писателей.

Арабская поэзия имеет около тринадцати веков истории. За это время в арабской поэзии были созданы законченные формы, возникла богатая традиция. Однако во время турецкого, а затем западного колониального владычества имела место определенная замкнутость арабской культуры. Развитие ее было заторможено. Но уже с конца сороковых годов арабские литераторы искали пути насыщения арабской поэмы — касыды — новым содержанием, гуманистическим опытом. Эти требования выдвигала перед арабской литературой историческая неизбежность общественного развития. В старые формы касиды врывалось буйство новой жизни. Возникало противоречие между формой и содержанием. Чему отдать предпочтение? Одни стремились приспособить форму к новому содержанию. Другие начисто отрицали ее. Они заимствовали, иногда без оглядки, опыт других народов. Смешение стилей, эклектизм содержания и формы стали типичны для многих произведений. Подражательство западным литературным штампам, как правило, вело к отчуждению литературы от жизни. Среди арабских литераторов, в особенности среди поэтов старшего поколения, было немало и таких, кто, объявив себя «жрецами красоты», изолировался от общества, где происходили серьезные социальные перемены.

Тем не менее первые литературные произведения, посвященные борьбе против израильских агрессоров, начали появляться в печати. Первыми откликнулись, конечно, поэты. Среди них было немало представителей старшего поколения, таких, как известный египетский поэт-демократ Абд ар-Рахман аль-Хамиси. С рядом патриотических стихотворений выступили Малик Абдель Азиз, Ибрагим Абдель Хаким и другие.

А вскоре на страницах воскресных выпусков газет, литературных журналов, а также отдельными изданиями стали появляться на эту тему рассказы, воспоминания участников событий. Авторами были главным образом молодые. Неокрепшим пером они пытались донести до читателя свою боль за поражение и гнев против израильских агрессоров и их покровителей. Недостаток литературного профессионализма они восполняли убежденностью, честностью, страстным желанием донести до читателя правду. Может быть, потому эти их ранние произведения носят часто характер излишней детализации, приземленности.

...В те годы мне много приходилось встречаться с арабскими литераторами в Египте и Сирии, Ираке и Ливане, Тунисе и Ливии.

Наиболее близким себе писателем прошлого поколения молодые египетские писатели считали Нагиба Махфуза. Он стал как бы связующим звеном между ними. И после израильской агрес-

сии в июне 1967 года многие представители молодой творческой интеллигенции смотрели на своего кумира с ожиданием. Они хотели знать, какой выход найдет писатель для себя из того духовного кризиса, в котором оказалась египетская интеллигенция, какой подскажет для общества.

Они хотели знать, как могут египтяне из того национального унижения, в котором они оказались, выйти с достоинством и честью. Ведь Нагиб Махфуз — большой мастер, воспевавший в своих романах Египет, простого скромного человека.

Помню, однажды мы сидели за чашечкой утреннего кофе, и я спросил его, какое влияние оказало поражение в 1967 году на египетскую литературу и искусство.

— Это большой удар для всех нас, — сказал он с неожиданной горечью в голосе. — Он отразился во всем, во всем, что окружает нас. Нам, писателям, необходимо было восстановить свое душевное равновесие, прежде чем мы смогли выступать с позиций сопротивления.

Каждое новое поколение, — сказал он, — ищет себя заново, пока не создаст тип личности. Сейчас, после израильской агрессии 1967 года, вся арабская литература занята поиском этой личности. Реальность наших дней изменчива. Это мешает созданию нового романа. Однако мы имеем рассказ, новую пьесу и новую поэму.

Может быть, изменчивая реальность и есть та причина, из-за которой некоторые писатели не хотят откликаться на событие, ставшее национальной трагедией? И все же каковы направления современной арабской литературы?

Обычно арабские писатели отвечают на этот вопрос по-разному.

Один говорит, что «эти направления столь же пестры и разнообразны, как фасоны женской одежды». Другие замечают при этом, что, хотя арабская литература уже «научилась ходить в брюках, в мини- и макси-юбках, она еще не сняла с себя чадры».

Столь критический взгляд на литературу отражает реальную картину жизни арабского общества, поверхностно воспринявшего западную и утратившего в значительной степени свою национальную культуру. Однако это не значит, конечно, что подобный критический взгляд правомерен.

Скорее всего он отражает только часть правды. Другая, подводная часть айсберга арабской литературы таит в себе глубинные процессы, которые отражают внутреннюю динамику жизни, — социальные процессы, происходящие в арабском обществе, борьбу, которую ведут арабские народы против израильской

агрессии. Это направление арабской литературы не гонится за модной одеждой. Писатели, принадлежащие к нему, смотрят на жизнь не из-под чадры. Оно объединяет в себе представителей критического реализма и романтизма, последователей модернизма и строгой классической школы.

Для тех арабских писателей, которые идут этим путем, литература не просто «выдумка», не «украшение жизни» и даже не возможность «самовыражения». Она для них орудие в борьбе за благородные национальные интересы, средство созидания новой жизни. И поэтому она настолько же важна в жизни человека, как хлеб, без которого жить невозможно.

Жизнь широким потоком входит в произведения писателей, исповедующих эти принципы.

Постепенно в арабскую критику вошел применительно к литературе термин «мультазим». Русское слово «обязанный» не передает всех оттенков этого термина. Он возник для обозначения гражданской линии в арабской литературе. Конечно, гражданственность всегда была в произведениях лучших арабских писателей. Но сейчас ее содержание четко определилось насущными задачами дня. Арабские литераторы, выступающие с позиций гражданственности, ставят отныне своей целью борьбу против сионистской агрессии, за возвращение оккупированных Израилем земель. Они все глубже понимают, что успех этой борьбы возможен только на основе экономического и общественного развития арабских стран. На их глазах рушатся концепции, направленные на изоляцию арабских народов от стран социалистического лагеря, надежды определенных кругов, связанные с ориентацией на помощь империалистических стран.

Свою гражданственность арабские писатели все острее понимают как необходимость служения народу, прогрессу, мобилизации всех духовных сил общества для борьбы за свободу.

В 1968 году молодой египетский прозаик Камаль аль-Килиш издал повесть «Город сопротивления — Порт-Саид». В журнале «Ар-Рисала» была опубликована пьеса на тему арабо-израильской войны «Попранная библия». Она принадлежала перу драматурга старшего поколения Али Ахмеда Бак Сира. Затем в Каирском национальном театре была поставлена пьеса Саадеддина Вахба «Семь оросительных колес»; ее тема — преодоление последствий израильской агрессии 1967 года. Только что вернувшийся из израильского плена египетский солдат Фуад Хигази выступил в печати со своими первыми рассказами. На съезде молодых писателей в центре Восточной провинции, Заказике, он горячо говорил о необходимости литературы, посвященной борьбе арабских народов против израильских агрессоров.

В это же время опубликовали свои первые рассказы, посвященные теме войны, и другие египетские писатели из молодых. Среди них можно назвать Мухаммеда аль-Бусати, Ибрагима Аслана Гамаля аль-Гитани, Яхья Тагира Абдаллу, Ахмеда аль-Хамиси, Ахмеда Халима аль-Шарифа, Амаль Донколь, Абдель Мунима ас-Сави...

В других арабских странах тема израильской агрессии точно так же нашла свое отражение в литературе не сразу. «Маститые», отмалчиваясь, продолжали «осмысливать глубины» национальной трагедии. На страницах литературных журналов с художественными произведениями об израильской агрессии 1967 года и оккупации выступали в основном писатели молодого и среднего поколений.

Подлинным голосом арабского сопротивления звучали в эти годы стихи известного палестинского поэта Махмуда Дервиша. Глубоко познав жизнь палестинского народа под властью сионистов, он изображал Израиль как тюрьму, в которой томятся арабы, бывшие до 1948 года хозяевами страны. Неудивительно, что поэзия Махмуда Дервиша сразу же заняла достойное место и в трудах литературоведов. Молодой литературный критик Рага ан-Наккаш выпустил в 1969 году книгу о творчестве поэта «Махмуд Дервиш — поэт оккупированной земли».

Махмуд Дервиш вступил в творческую перекличку с целой плеядой талантливых палестинских писателей и поэтов, художественно осмысливавших в своих произведениях трагедию своего народа. Многие из этих литераторов известны как члены палестинских организаций сопротивления. Некоторые из них принимали участие в вооруженных операциях на оккупированных землях.

Приезжая в Бейрут, я часто беседовал с известным палестинским писателем Гассаном Канафани.

— Сейчас нет времени заниматься художественной литературой, — говорил он. — Враг стоит у нашего порога, поэтому наши перья заострены на публицистику. Нам ближе журналистские жанры. Ведь мы должны звать к борьбе...

Через месяц после этой беседы телеграф принес весть о трагической гибели Гассана Канафани. Израильские террористы подложили в его машину мину. Его смерть показала, что перо писателя, журналиста не менее опасно для сионистов, чем оружие. И сегодня мне кажется, что есть что-то пророчески личное в рассказе «Сокол»...

К началу семидесятых годов стало возможным уже говорить о новом направлении в арабской литературе, возникшем после израильской агрессии в июне 1967 года на волне арабского со-

противления. Характерными чертами этой литературы стали документальность писательского материала и его романтическое осмысление. Авторы произведений на тему израильской агрессии и арабского сопротивления, в основном молодежь, а возможно, и их читатели считают, что документализм сильнее любой художественной правды, выдуманной писателем.

Октябрьская война 1973 года знаменует переход от выражения надежды к открытому оптимизму в произведениях этого рода литературы. Появилось большое количество произведений, раскрывающих образы конкретных героев, участников сражений против израильских оккупантов.

С балкона корреспондентского пункта я наблюдал в дни октябрьской войны 1973 года воздушное сражение сирийского МиГа с израильскими самолетами над Бейрутом. Потом, читая рассказ сирийских писателей Ханны Мина и Наджаха Аттара «Летучая рыба», я узнал этот бой по описанию, сделанному с фотографической точностью. Можно соглашаться или не соглашаться с подобным творческим методом. Он, безусловно, результат как специфики общественного развития арабских стран, так и особенностей арабской литературы. Но несомненно одно: это направление молодой арабской литературы несет в себе демократические черты. Острием своего идейного пафоса эта литература нацелена против империализма и сионизма, против предательства арабской реакции. Подчас эти произведения выполняют роль политической листовки. Конечно, тематика молодых не исчерпывается войной и сопротивлением. Они стремятся охватить жизнь во всех ее проявлениях. Выражая в своих произведениях вызванные израильской агрессией и оккупацией боль и страдания арабских народов, эти писатели зовут своими булатными струнами к борьбе.

Фуад Хигази

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В ХАН ЮНИСЕ *

Инспектор размеренно и строго объявил:

— Осталось два часа...

Едва успев закончить фразу, он внезапно переменился в лице. Воздух над школьным двором, где заседала экзаменационная комиссия, содрогнулся, и бумаги разлетелись во все стороны. Боясь, как бы усилия целого учебного года не пропали даром, учитель стал собирать экзаменационные листки...

От грохота можно было отлохнуть, но никто не мог понять, что же случилось.

Учитель Мухаммед Рифаи потребовал, чтобы все оставались на своих местах. Он еще надеялся довести выпускной экзамен до конца. Надеялся, что все будут сидеть смирно и он даже сможет снова погрузиться в свои заветные мечты...

Завтра закончатся экзамены. За неделю все экзаменационные работы будут проверены, и срок его преподавательской работы в Хан Юнисе истечет.

Он провел здесь четыре года, сумел за это время собрать денег для себя и старшей дочери. Он уже мысленно купил и расставил мебель в своём доме в Кафр Заят. Еще немного, и жизнь его жены Нусы и дочери Бакрии пойдет по-другому. Он долго ждал этого момента. Каждый раз, приезжая домой на каникулы, вез с собой лишь несколько подарков и говорил жене, что еще не накопилась нужная сумма. Его заветной мечтой было иметь удобный дом и достаточно средств, чтобы не зависеть от превратностей судьбы. Для этого он провел здесь долгие четыре года, изнурял себя частными уроками, страдал от тоски по родным местам, жене, детям. Раньше, выслушивая упреки от родственников жены, он так стыдился своего дома, теперь он сможет вести себя с достоинством...

Но что же это?! Пробоина в стене — глаза учеников третьего класса все видят, а Мухаммед Рифаи ничего не понимает или отказывается что-либо понимать. Грохот нарастает, слова резанули как ножом.

---

* Небольшой город в секторе Газы на Синайском п-ове. Жители Хан Юниса оказали вооруженное сопротивление израильским захватчикам.

— Израильтяне!..

Выросшие под прицелом израильских пушек дети Хан Юниса, не слушаясь распоряжений Мухаммеда Рифаи, быстро вскочили с мест. Тот все еще цеплялся за надежду довести учебный год до конца. Ребята потащили его за собой, и один привел учителя к своему дому, чтобы переждать там, пока не стихнет обстрел.

Самое главное сейчас — добраться до своих товарищей из группы египетских учителей, посланных сюда на работу.

Он и еще четверо жили в переулке, выходящем на единственную большую улицу Хан Юниса. Путь туда занимал всего несколько минут. Точнее, так было раньше, а сейчас каждый шаг отдавал потусторонним миром. Но если уж суждено умереть, то хотя бы среди своих. Кому доведется спастись, сообщит семьям погибших. Но как выйти навстречу грохоту, разрывам...

Вскоре ему показалось, что обстрел немного стих. Он шел к своему переулку, как будто взвалив на плечи еще три десятка лет.

Какая-то бедуинка, узнав в нем учителя своего сына, предложила войти к ней в дом, но он отказался. Тогда она повела его по боковым улочкам, чтобы укрыться от усилившегося обстрела главной улицы, где находились магазины.

На углу переулка перед ними вдруг выросла стена. Возле стены они увидели учителя Бутруса Абдель Масиха, вернее, то, что от него осталось. Живот разворочен, руки вытянуты вперед, как бы отталкивая что-то, в выпученных глазах странный блеск. Ему было не больше двадцати пяти, способный юноша, готовящийся стать магистром. Все они завидовали ему, одному из немногих в группе, кто имел диплом о высшем образовании. Как ненавидел тогда Мухаммед Рифаи свой аттестат, но сейчас в голове зашевелилась мысль: что пользы в этих дипломах? Сдавил мучительный страх... А что, если и его товарищи там, в доме?! Он лихорадочно заспешил, стал задыхаться. В кармане все еще лежали листки с ответами...

Когда он добрался до дома, то уже перестал понимать, день ли был, или наступил вечер. Время утратило свое значение. Его товарищи сидели и ждали. Чего? Никто не знал. Он рассказал им про Бутруса, но ни один не поше-

вельнулся. В глазах у всех был вопрос: что нам делать? Через репродукторы израильтяне призывали сдаться, так как сопротивление бесполезно.

— Поднимем белый флаг.

— Ни в коем случае.

— Мы египтяне, у нас особое положение.

— Мы гражданские.

— Им все равно.

— Израильтяне предложили всем мужчинам от восемнадцати до пятидесяти лет выйти из домов.

— Давайте все выйдем.

— Они имеют в виду палестинцев.

Израильтяне потребовали в репродукторы сдать оружие. Дом, в котором при обыске найдут оружие, будет взорван вместе с жителями.

— У нас нет оружия.

— Давайте выйдем.

— Нет.

Наконец решили оставить двери дома открытыми. Вроде они и не сдаются, и не скрываются. Прошел слух, будто все, что было слышно, лишь воображение и игра перенапряженных нервов. Будто бы танки, лязг которых доносился так ясно, алжирские. Удивительное дело: никто не знал точно, что же происходит. Учитель физкультуры Мурад вызвался сходить на разведку. Попытались отговорить его, но не смогли.

Мурад вернулся быстро. Сказал, что танки израильские: он заметил на них шестиконечные звезды, слышал, что в город еще не вошли. Палестинцы подожгли три израильских танка в апельсиновой роще. Все ждали мести.

Предчувствие не обмануло. Вечером город был залит напалмом, свист пуль не прекращался. Жители Хан Юниса нападали на израильтян, сидящих в танках. Выйти из дома стало совсем немыслимым делом Учителя перебрались на нижний этаж. Снаряд снес верхнюю часть дома. Все подарки Мухаммеда Рифаи, приготовленные для дочери, и все накопленные им деньги пропали.

Учителя оставались в этой западне трое суток. Спасла их палестинка, дочь хозяйки дома. Ночью она приносила им еду бесплатно, ведь деньги не имели уже никакой це-

ны. На укрепленных пунктах палестинской армии Освобождения сражались холодным оружием; город еще держался. До каких же пор здесь сидеть?

Глаза у Мухаммеда Рифаи, всегда кроткие, ввалились, в них затаилась глубокая молчаливая печаль; смуглая красноватая кожа пожухла, седые волосы на лбу и висках всклокочены, лицо заросло, спина сгорбилась. Теперь ему трудно было дать сорок пять, он согнут, придавлен к земле. Душа не принимала никакой пищи, лишь самую малость, чтобы не угасла жизнь. В нем слабо теплилась надежда увидеть жену и детей. Никакие блага мира не нужны были ему больше, только тепло встречи с семьей. О, он до конца дней готов благодарить аллаха за милосердно дарованную встречу! Стало невыносимо тяжело без табака. Но не просить же у хозяйки еще и табак...

На четвертый день к вечеру канонада стихла. Израильтяне привели старост Хан Юниса. Каждому дали рупор и, угрожая оружием, заставили прокричать: «Все мужчины должны собраться возле стадиона на окраине города. Невыполнившие приказ в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет будут расстреляны на месте!»

Выходили нехотя, понурив головы. То там, то здесь раздавались выстрелы.

Где были прежде все эти люди, как уцелели в таком аду?

Подошли танковые подкрепления израильтян. Танки патрулировали по улицам, готовые подавить любой очаг сопротивления.

Обыскивали город дом за домом, искали мужчин и оружие.

Египтяне в своем доме так ничего и не решили. Мнения разделились: большинство хотели выйти в пустыню и пробираться к Суэцкому каналу, кто-то предлагал идти на стадион вместе с жителями Хан Юниса. Пошли в пустыню.

Три дня провели в знойных безводных песках. Вышли к окраине города Рафах, но подались назад: город окружали израильтяне. Снова углубились в пустыню. Сбились с дороги, запас провизии вышел, вода как редкое сокровище. Насмотрелись на трупы. Слышали много историй от солдат, которые бесцельно брели по пустыне. Эти рассказы изменили привычные взгляды.

Некоторые стали сомневаться: а есть ли смысл в том, что они выучились и учили других? Большинство решили переменить свою профессию, если доведется спастись. Хотя в глубине души понимали, что заведенный порядок жизни заставит снова вернуться к преподаванию, даже если они и не будут верить в то, чему учат. Но раз уж суждено умереть, то пусть в Хан Юнисе. Люди, которые их знают, сообщат обо всем семьям. А здесь, в пустыне, ни одного знакомого лица. К тому же в Хан Юнисе для них оставалась еще какая-то надежда.

Дошли из последних сил, измотанные усталостью, голодом, неизвестностью. Люди все еще стояли толпой на стадионе.

После ареста израильский офицер проверил их удостоверения. Обещал, что как гражданских лиц их переправят в Египет через Красный Крест. На стадионе про обещание тут же забыли. Всех держали на этом стадионе, а почему, сам дьявол не знал.

Душа Мухаммеда Рифаи окончательно надломилась в тот день, когда ему пришлось справлять нужду перед своим учеником. Мухаммед Рифаи чувствовал себя униженным до последней клеточки тела. Он просил израильского офицера отвести его в сторону. Тот только рассмеялся.

Нужно было терпеть, пока не появится представитель Красного Креста. Непонятно, как они смогли прожить неделю среди нечистот. Кормили как цыплят: ломтик хлеба и несколько глотков воды. Спать ложились с наступлением темноты прямо на землю под дулами пулеметов.

Израильтяне начали с палестинцев. Увели под охраной молодых. Стариков отпустили домой. Египтян держали до последнего момента.

— Мы учителя.

— Знаем.

И все равно отправили в лагерь для пленных.

— Мы гражданские.

— Ну и что?

Лучше бы умереть в пустыне. В лагере их ждут только голод, унижения, болезни... Душа как потухшая зола. Сердце — смятая бумажка. Руки и ноги — кора высохшего дерева. В груди Мухаммеда Рифаи все надорвалось.

Свадьба его дочери обернется трауром — эта мысль сводила с ума.

Пальцы связанных сзади рук невыносимо ныли. Ноги дрожали от нервного напряжения и усталости.

В кармане пиджака он нащупал листки с ответами учеников. Захотелось вынуть их, но веревка мешала.

На что же они отвечают, эти листки?!

Мохсен Юсеф

ОСТАВЛЕННЫЙ ГОРОД

Он до сих пор помнит эту дорогу, хотя прошло уже столько дней, месяцев и лет. Помнит эти арыки, канавы и рытвины, которые будто сопровождают путника. Как раскаленным железом, все это навсегда запечатлелось в его душе. Полуденное солнце жгло ему спину, когда он уходил все дальше от своего города, с которым никогда раньше не расставался. Впервые это произошло во время отступления в памятные июньские дни. Никого не было рядом, все его покинули: одни погибли в первые дни войны, другие отступили, он оказался один. Однако он не мог представить себе, что останется навсегда здесь, он должен был уйти.

Он посмотрел вокруг: без единого облачка синее небо... мертвая тишина... легкий западный ветерок дышит в лицо... О многом напоминают запахи, которые приносит этот западный ветер. Они как бы вновь вызывают к жизни дни его юности, еще более раскаляя томившую его тоску, и он с нежностью отдается нахлынувшим воспоминаниям. Далеко впереди показалось то место, где дорога, резко расширяясь, почти сливается с окружающей ее серой равниной. Это место предстало его взору и тогда, в тот далекий июньский день, когда он остановился на мгновение, чтобы оглянуться назад, на свой родной город.

Страшным был июнь в тот год. Лучи солнца, словно бич палача, безжалостно испепеляли все вокруг; их немилосердное жжение словно удесятерялось тяжелым бременем отступления; над пыльной дорогой в ожидании добычи постоянно кружили черные крикливые вороны. Когда он наконец добрался до второго эшелона, его спина, голова, ноги и все суставы тела испытывали ноющую непрекращавшуюся боль, которую он не может забыть по сей день. До сих пор на его теле следы ушибов и ссадин. Запах пыльной дороги насквозь пропитал его легкие и одежду, от мельчайших пылинок слиплись волосы. Следы боя навечно остались в нем, их невозможно забыть или уничтожить. Еще сотни лет тому назад происходило то же, что случилось и случается теперь: срубили дерево, но корни его продолжают расти, давая жизнь новым побегам, из которых разрастаются целые леса, укрывающие землю. Когда-то в книжках он читал, что из корней, притаившихся в недрах земли, снова вырастают деревья, и все начинается сначала. В глубинах земли, в каждой ее

расщелине и впадине, под каждым камнем и камешком есть росток, который непременно наберет силу и вырастет.

Он продолжал путь, начатый им с наступлением темноты. При свете луны отбрасываемые вершинами холмов и пригорков причудливые тени, словно призраки, отплясывали какую-то таинственную пляску в его воспаленном воображении, вызывая у него мириады самых разнообразных ощущений и переживаний, возвращавших его мысли к предыюньским дням.

Множество мелких на первый взгляд разностей составляет нашу любовь к родине. С течением времени мы все больше привязываемся к ней, создавая и развивая дружеские отношения все с большим числом людей — знакомых, родственников, друзей. Постепенно эти отношения приобретают те черты, которые становятся для нас дорогими и необходимыми.

Как-то в те старые, кажущиеся теперь далекими и призрачными времена его девушка сказала ему: «Встретимся здесь, на этой дороге между первым холмом и мостом». Они могли бы встретиться на мосту, и тогда эти теплые, согревающие сердце воспоминания были бы связаны с мостом. Однако родина, именно она, решила иначе. И поэтому весь этот отрезок пути, от холма до моста, будит в его душе волнующие чувства и воспоминания теперь, когда он идет под серебряным светом луны, а ямы, рытвины и арыки раскрывают свои пасти.

Тишина была полной, абсолютной. Жемчужины лунного света обсыпали его. На несколько мгновений он замер, напрягая слух. Кто сказал, что они оккупировали эту землю?

Несколько дней назад его девушка сказала ему: «Как мне нужны эти письма! Я оставила их в маленьком ящичке. Ты знаешь стену, отделяющую наш дом от сада? Как раз посередине, на глубине не больше чем в пол-локтя, в земле ты обязательно найдешь этот ящичек...»

В то знойное лето кровь застыла в жилах его ног, когда он с трудом натянул ботинки. А когда он добрался до первого медпункта и врачи стали снимать с него ботинки, он потерял сознание. Он вспомнил об этом, снова трогаясь в путь. Теперь он идет несколько в стороне от дороги. Тогда, в июне, он шел по дороге, лишь изредка сходя с нее, чтобы переждать, пока улетят черные вороны. Они тогда были ужасно нахальными, эти вороны, заставляя его прятаться. И все-таки он смог тогда дойти и

шел по дороге. Почему же сейчас он чувствует то, чего не чувствовал в те дни? Нет, он не был трусом и сам участливо относился к проявлению страха у других людей, ибо страх — чувство человеческое. Однако теперь он осознает необходимость быть осторожным. Он должен беречь себя от смерти, пока не добрался до места.

Приблизившись к домам, он ощутил знакомые запахи: запахи его семьи и сородичей, запах жилья и руин. Несмотря ни на что, это живет в нем. На секунду ему показалось, что он увидит детей, стада, пастухов, деревенских девушек. Однако он быстро пришел в себя. Страшно чувствовать себя одиноким ночью в этих краях. Те, которых он мечтает увидеть, либо уехали, либо умерли, либо подчинены комендантскому часу, установленному врагом. Он тяжело вздохнул полной грудью, подкрадываясь к полуразрушенной стене. Сквозь отверстие в стене там, в глубине двора, что-то виднелось. Он прильнул к отверстию, тесно прижавшись к древним камням и стараясь не поцарапать лицо об их острые углы.

Вновь его окружала гнетущая тишина. На этот раз он почувствовал, что она до такой степени действует ему на нервы, что хочется закричать. Он все еще не мог ничего разглядеть. Словно сквозь мутное стекло, вырисовывались очертания дерева. За деревом виднелись маленькие крашеные оконца, казавшиеся в темноте какими-то сказочными широко раскрытыми глазами. Никакого освещения, мрак. Даже луна исчезла. Он медленно отодвинулся от отверстия и пошел вдоль стены. Однако, сделав всего несколько шагов, он остановился: стена не кончалась, и невдалеке виднелись другие стены. Он ощутил, как тепло разливается по его телу: он приближается к цели. Он продолжал идти, прошел одну улочку, потом другую, вышел к маленькой площади и прижался к ближайшей стене. Площадь была пустынна. Ни одной бродячей собаки. Он незаметно скользил вдоль стены, пока не добрался до другого конца площади. Остановившись, чтобы перевести дух, спросил себя: «Разве не было здесь фонарей? Неужели и их погасили?»

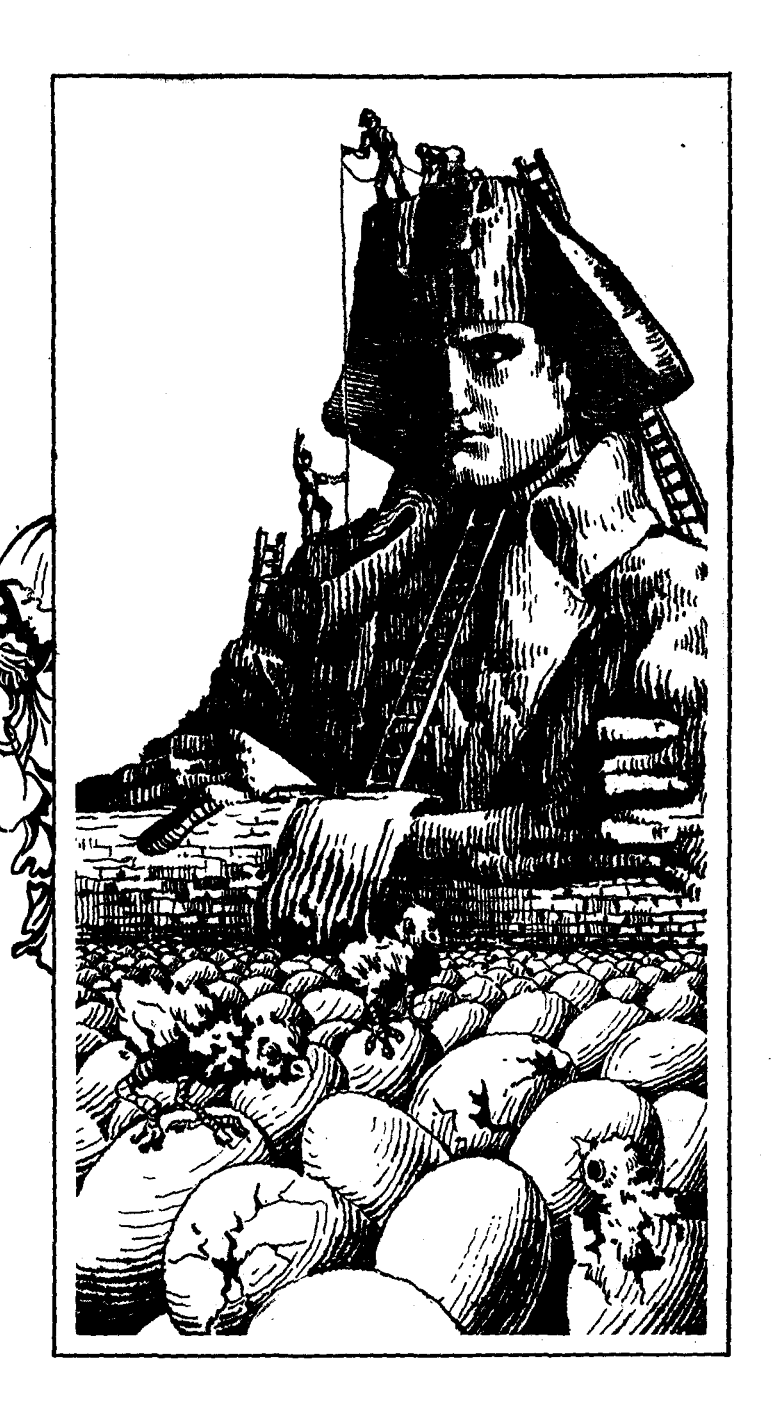
Темнота была густой и словно наполненной призраками и привидениями так, что ему самому уже не хватало в ней места. Он почувствовал боль. Где-то здесь, рядом, но в какую сторону надо идти? Может, он забыл тот путь, который не должен был забывать? Его дом, дома его друзей... Но где же дом девушки, которую он любит?

Он прижал руку к груди. Перед глазами, медленно сменяя друг друга, поплыли черные круги, почти сливавшиеся с темнотой, покрывающей все вокруг. Он сразу перестал думать о том, что каждый его шаг таит в себе большую опасность. Он шел и шел не останавливаясь, и, когда вдруг очутился на месте, сердце его сильно и как-то странно забилось. Вот оно, долгожданное мгновение встречи! Его встретил пучок лучей, проникавших через щели в двери и сходившихся на расстоянии нескольких шагов. Он настороженно огляделся. Окна, окутанные темнотой, были занавешены шторами. Безлюдность и одиночество, которыми веяло от этого дома и от всех соседних домов, гробовая тишина вокруг невольно наводили его на вопрос: что же делается, что происходит за занавесками в этом доме, в сумрачной темноте покинутого города? Он подошел к одному из окон, прижался к стеклу, испытывая чувство жалости и сострадания к себе, и попытался заглянуть в узкий просвет, образовавшийся между шторой и рамой окна. Однако штора плотно прилегала к стеклу, нижняя часть которого была густо замазана краской. Вспыхнувшая было надежда что-то рассмотреть сквозь щели в двери так же быстро погасла — он ничего не смог увидеть и от отчаяния и злости хотел ударить кулаком по своим глазам.

Отойдя от двери, он направился в самый темный угол двора и на ощупь обнаружил стену, которую искал. Прислонившись к ее холодным камням, он почувствовал, как приятная прохлада и влажность ночного воздуха постепенно охлаждают и успокаивают его. Однако это ощущение длилось недолго; внезапно плотно окутывавшая дом темнота была разорвана снопом света, вырвавшегося из резко распахнутой двери. В проеме двери показались трое мужчин, о чем-то говоривших друг с другом. Когда они сделали несколько шагов, удаляясь от двери, вслед за ними вышла женщина. Она быстро захлопнула дверь, и в сомкнувшейся вновь темноте были слышны только гулкие шаги тех троих, уходивших все дальше от дома.

Его мысли смешались, и, когда вновь наступила тишина, все его нутро содрогалось от охвативших его неведомых ранее чувств. Но, несмотря на это, его горящий взгляд пронизывал окружающую темноту, ища ту точку, которая разделяла пополам тянувшуюся сбоку стену, хотя в течение некоторого времени он не в силах был пошевельнуться.

Али Зейн аль-Абидин аль-Хусейни

ХАМИС УМИРАЕТ ПЕРВЫМ

С быстротой молнии он мчался по улице. Свистели пули, разбрасывая далеко вокруг ошметки сухой глины. Ему нужно было всего пять секунд, чтобы сделать всего два шага...

Он впервые почувствовал, что эта улочка тянется в бесконечность. Сможет ли он уйти и на этот раз, или его настигнут прежде, чем он будет там, в глубине апельсинового сада?

В какой-то момент он увидел девушку за стеклом окна в глинобитной стене. Он вдруг понял, что глаза ее показывают, как скрыться от пуль.

Внезапно голоса преследователей затихли, прекратились хлопки в ладоши. Улица, покрытая камнями, была врагом ему. Она помогала тем, кто бежал за ним.

Перед глазами всплыли лица школьных товарищей, стоявших в четком ряду как стена. Словно почувствовав поддержку друзей, он бросился к концу улицы.

Сделав четвертый рывок, он увидел лицо Зияда и темневшие раны. «Нельзя допустить, чтобы все погибли одновременно». Горе и жалость охватили его. Ему тоже ничего другого не оставалось: или погибнуть, или уйти от смерти.

Он сделал предпоследний рывок, и глаза, сочувствовавшие ему, повели его и заставили сделать последний шаг.

«Надо ускользнуть», — решил он, прежде чем сделать этот последний шаг, и перед его глазами встало лицо матери, одетой во все черное.

В тот же миг он услышал гудок паровоза, уходящего в пустыню. Это оживило сознание. Неужели и на этот раз смерть минует его?

Последний рывок... Глаза друзей снова наплыли на него. Казалось, оттуда, из палаточного городка, они пытаются быстро подсказать ему какие-то старые, забытые уроки. В этот момент, на половине последнего рывка, раздался резкий сигнал машины, и снова посыпались ошметки сухой глины, и засвистели пули. Он должен был действовать быстрее всех. Быстрее тех, кто настигал его, и

быстрее друзей, чьи лица всплывали в сознании. Голоса настигающих... зелень... прыгающее лицо Зияда. (Глаза Зияда были помутневшими, смотрели печально. Его убили прежде, чем он осознал это.) Цветовая гамма померкла, пробивалась лишь кровь Зияда, а впереди простирался глубокий зеленый цвет. Земля взрастила ему молодые деревья. Он видел, как деревья протягивали к нему ветви, лаская его. И он тоже, насколько мог, вытянул вдруг свои руки и почувствовал себя как птица в полете.

Прислонившись спиной к дереву, он прислушался. Он видел, как шевелились деревья: «Вот настала и твоя очередь». (Он знал, что деревья, как люди, чувствуют, слышат, плачут, любят, но они никогда не изменяют. Дерево никогда не изменит дереву.)

Он слышал шелест шагов преследователей по сухой траве. Он был убежден, что его враги сейчас пытаются понять, где он. Они были возбуждены. Один из них что-то нервно кричал по полевому радиопередатчику. И он понял, что они не столько ищут его, сколько стремятся показать свое рвение друг перед другом. (Он убедился в этом, когда снова раздалась беспорядочная стрельба и засвистели пули.) Тогда он подождал еще мгновение и прыгнул. Он еще крепче прижался к дереву и, став с ним неразрывным целым, почувствовал его теплоту.

Совсем недалеко кто-то ругался на иврите, когда прямо перед собой он увидел это лицо и глаза. Увидел лишь на одно мгновение и тотчас почувствовал, как что-то отступило от него. Он понял, что не сможет убежать, если из уст обладательницы этих глаз, стоявшей, как деревце, перед ним, раздастся крик ужаса.

Она стояла перед ним с огромными во все лицо глазами, и ему казалось, что крик ужаса должен вот-вот слететь с ее уст. Но ничего не случилось. Одно чувство сменилось другим, и он начал удивляться, как эта девушка смогла преодолеть страх. В его глазах вспыхнула искра надежды. Из этого молниеносного немого диалога он понял, что ему надо следовать за ней.

— Я знаю, что ты один из них.

Ее глаза тонули в море детской радости, щеки и рот излучали улыбку.

— Я ждала вас. Долго ждала, и вот пришел ты.

Его глаза тонули в море крови.

— Они убили Зияда, убили сонного.

— Вас любят деревья. Вы должны были прийти.

Словно раковина, скрывающая в своих створках жемчужину, Сухейла спрятала Хамиса. Она провела его в укрытие. Он удивился.

— Я приготовила все для твоего прихода, — сказала она. — Я знала...

Она замолчала. На ее глазах искрились две чистые слезинки.

— Я плакала оттого, что вы не приходите, — шептала она, сидя на камнях.

— Кому принадлежит этот апельсиновый сад? — спросил ее Хамис.

— Мой отец здесь работает садовником, — сказала Сухейла. — А я его дочь...

Она подождала, не скажет ли он что-нибудь, но он ничего не сказал.

— Я люблю этот сад всем сердцем, знаю возраст каждого дерева. Я люблю деревья, и они меня тоже любят. Иногда летом сюда приезжает хозяин, чтобы устроить семейный пикник или покататься верхом. Когда они приезжают, я чувствую, что они гости — мои и отца.

Она посмотрела ему в глаза, улыбнулась и проговорила:

— Представь себе, дочь хозяина не знает, что эти деревья уже четвертый год плодоносят.

— Да, — Хамис улыбнулся в ответ и сказал, что верит ей так же, как ветви верят своим корням.

— Тогда научи меня, что делать, — сказала Сухейла.

...В дверь дважды постучались, подождали немного и постучались вновь. Дверь распахнулась. За ней оказался человек средних лет, судя по лицу, палестинец. Он взглянул с сомнением на Сухейлу, но она протянула к нему

руку, и человек вошел, закрыв за собой дверь. Он внимательно посмотрел ей в глаза.

— Ну как? — спросил вошедший.

Сухейла извлекла из-под подола черного платья письмо. Прежде чем уйти, он поцеловал ее в белую накидку, покрывающую голову.

Однажды Сухейла пришла с новой винтовкой. «Научи, как с ней обращаться», — попросила она. Хамис поколебался немного, но показал.

...На главной улице виднелись капли крови, в воздухе стоял запах пороха, метались из стороны в сторону обезумевшие солдаты. Один из них стирал кровь, другой кричал в громкоговоритель: «Запрещается всякое передвижение...»

Никто не знал, что при взрыве бомбы присутствовала Сухейла.

— Я умею от них защищаться, — сказала она отцу, который не на шутку рассердился.

— Я выйду за тебя замуж, — пообещала она Хамису.

Они обещали любить друг друга, пока не умрут за родину.

Горизонт был серый, ночь на западе медленно отступала перед натиском дня. Хамис не спал. Он следил в окно за частью сада от дома до убежища. Он прислушивался к ритмичным звукам ее дыхания и, вглядываясь в ее детское лицо, спрашивал себя, почему так быстро мужают дети в дни оккупации. Ее голос осыпал его нежностью, сочувствием и спокойствием. «Хамис». Он подвинулся к ней:

— Спи, сегодня нам предстоят большие дела.

— Пришла моя очередь дежурить, — сказала она.

Он засмеялся и запустил пальцы в ее густые волосы:

— Командир освобождает тебя.

Она встала и взяла в руки винтовку:

— У жены командира не должно быть привилегий.

Они помолчали.

— Ты думаешь, что до восхода может что-нибудь произойти? — спросила она.

Хамис взглянул сквозь пальцы на древнюю стену,

на которую она показала, и сказал, сжимая рукой автомат:

— Я тебе говорил, что я не стрелял из него три года, несмотря на то, что был в лагере.

Она притронулась к его руке, сжимавшей автомат. Ему показалось, что он чувствует тепло деревьев. Он попытался посмотреть ей в лицо, затем подошел к окну. Голос его был озабоченным:

— Нельзя допустить, чтоб они начали прежде нас. Несколько складов с оружием уже обнаружено. Они убивают по малейшему подозрению.

Он смолк и снова посмотрел в окно.

— Расчехли-ка пулемет, — прошептал он.

Где-то поблизости заглохли моторы автомобилей.

Почувствовав всем телом холод оружия, она посмотрела, как он принял привычную позу. Впервые их настигла опасность. Ей захотелось в этот момент стать с ним одним существом.

— Нам придется вступить в бой, — сказал он с волнением.

Она отметила про себя, что, несмотря на опасность, не боится смерти. Она хотела лишь встретить смерть с ним вместе.

В другом окне тоже показался ствол пулемета. Его голос показался ей дороже десятков поцелуев, когда он сказал: «Сухейла, мы будем биться вместе». Он замолчал, и она поняла, что он сомневается, говорить ли дальше. Она слышала его, но хотела, чтобы он остановился на словах: «биться вместе». Это были именно те слова, которых она ждала.

Он же хотел, чтобы она продолжала смотреть на него. Кто знает, может быть, ему придется скоро увидеть ее лицо окровавленным. Он слушал ее тихий голос. Он смотрел на нее, и у него вдруг возник вопрос: знают ли они, что он здесь, или ищут что-то другое?

Голос убедил его, что они знали это. Ее голос прервал голос микрофона, обычный голос, призывающий его сдаться. Он взглянул на нее, и она ответила ему взглядом, как бы ограждающим его от опасности. Повлияет ли ее присутствие на его решение отказаться?

Если бы он сказал: «Ради тебя не могу», — все бы сразу пропало. От страха у нее брызнули из глаз слезы, и тотчас до нее долетел его мягкий, любящий голос:

— Ты плачешь?

— Я хочу остаться с тобой, — сказала она. — Я люблю тебя еще больше, когда я с тобой.

Микрофон разносил слова, которые он не совсем понимал: «Мы гарантируем тебе жизнь, если ты сдашься».

— Они не знают, что ты здесь, — сказал он. — Они требуют только меня.

— Но мы вместе. Мы, Хамис, вместе! — воскликнула она.

Он нагнулся к ящику с боеприпасами, взял две пулеметные ленты. Ее рука тоже потянулась к ящику. Голос из микрофона прекратился на мгновение, раздался смех. Его охватил гнев. Он подумал, не открыть ли огонь, взглянул в сторону Сухейлы, и она впервые услышала его холодный как лед голос:

— Выходи.

В этот момент она уже взяла две пулеметные ленты и гранату. Она резко встала:

— Разве я не сказала тебе, что у меня нет привилегий, командир?

Он вдруг почувствовал, что голос ее совсем детский, когда она сказала это, продолжая всхлипывать.

— Разве ты не говорил, что веришь мне, как ветви верят корням?

Она кинулась к другому окну, сказав решительно и резко:

— Кто будет стрелять первым, командир?

Прежде чем она открыла огонь, он пожалел, что думал о смерти больше, чем о ней. Ему захотелось сказать что-нибудь Сухейле, но снаружи раздался свист пуль.

Когда его ранило, Сухейла не знала. Она поняла это лишь в тот момент, когда он сказал, что они рубят деревья. Ей показалось, будто что-то случилось с его голосом, хотя он сам еще ничего не подозревал. Она выпустила еще одну очередь, прежде чем смогла взглянуть на него.

Струйка крови стекала по его плечу, по руке. Она не решилась или не сумела сказать, что всем своим существом с ним, чувствуя его рану и радость, что им придется умереть вместе.

Она ощутила, как что-то сладкое погрузилось в ее грудь, отказываясь верить, что пуля входит без боли.

О чем думал Хамис? Она выпустила длинную очередь, прежде чем повернуться к нему. Он был весь в кровавых пятнах, но она, к своему удивлению, даже не почувствовала страха от его смерти. Она лишь подумала, что герои, наверное, не умирают от одной раны.

Хамис умирал... Его рука отказывалась служить ему. Он пытался согнуть пальцы и спустить курок, но не смог. До него неожиданно донеслись звуки гимна «Мы боремся стоя». Затем перед глазами поплыли цветные пятна.

Встревоженно прострочила пулеметная очередь... Деревья... Надо, чтобы деревья не отказывались от него, как и в тот день, когда он увидел ее перед собой и принял в первый момент за дерево. Он попытался поднять глаза на Сухейлу.

Ему было приятно видеть ее, склонившуюся над пулеметом. Ему хотелось, чтобы она хоть на мгновение посмотрела на него, чтобы он смог увидеть лицо, которое знает, как приглушить страх, печаль и смерть. Почему так быстро взрослеют дети во время оккупации?

Он хотел, чтобы его глаза оставались открытыми, но чувствовал, что кто-то смыкает их. Ее рука мягко закрывала ему глаза. Он это чувствовал сейчас. Хотя как он ни напрягал слух, он не мог слышать лучше. Он едва улавливал шелест ее одежды и дрожание ее ресниц, а также нажим ее пальцев на спусковой крючок. И удивлялся, как эти тихие звуки могут заглушить громкие звуки с улицы. К нему вернулось лицо Зияда. Показалось странным, что он с закрытыми глазами может видеть Зияда. Он почувствовал, как к его щеке прикоснулись губы, и поплыл в зеленом море пространства.

Глаза Сухейлы были открыты. Она сильно сжимала рукой его руку и не знала, как это случилось и кто к кому пришел. Что-то маленькое и непонятное было у нее в груди. Она знала, что еще не умерла, но уже не была живой. Она видела своими глазами десятки дыр, оставленных в стенах пулями. «Совсем затопит нашу комнату, когда польют дожди, ты слышишь меня?»

Она повернула лицо вниз, приложила губы к уху Хамиса. «Слышишь? Нам многое надо сделать сегодня». Она

попыталась сжать его руку. «Я говорила тебе, что в лагере для беженцев была с твоей мамой?»

Ее пальцы нащупали глубокую рану на груди Хамиса, печально коснулись ее краев.

Она начала искать другие раны.

Две... три... четыре...

О Хамис! Она попыталась поднять его руку и положить себе на грудь и не смогла.

Самира Аззам

ДОНОРСКИЙ ПУНКТ

Она была не из тех, кто легко идет на обман. Но, когда чиновник в проходной спросил, что ей нужно, она смогла подавить в себе волнение и уверенно ответить, что она хочет сдать кровь. И когда он спросил ее: «А у тебя есть разрешение от врача?» — она бросила на него взгляд, в котором было столько детской наивности и очарования, что он сразу же пропустил ее и показал, куда пройти. Она робкими шагами двинулась вперед, опасливо оглядываясь и боясь, что чиновник догонит ее, разоблачит обман и таким образом расстроит планы, которые она с трепетом и надеждой вынашивала целую неделю. Она успокоилась лишь после того, как постояла несколько минут под деревом. Затем она взглянула на табличку, висевшую на двери, пытаясь разобрать надпись на каком-то иностранном языке. Девочка хотела открыть дверь и войти, но передумала, решив спросить сначала кого-нибудь из тех, кто деловито сновал по асфальтированным дорожкам, связывавшим здания госпиталя при Американском университете. Мимо нее как раз проходила светловолосая девушка. Подбежав к ней, она попросила показать место, где сдают кровь.

— Тебе нужен донорский пункт?

— А это так называется? Какое странное название...

Но какое значение имело для нее название, если это было именно то, что она искала.

Девочка подошла к двери, на которую указала ей блондинка, толкнула ее и вошла, ловя на себе любопытные взгляды людей, сидевших в разных концах комнаты. Она слегка покраснела, но, преодолевая неловкость, все же прошла через комнату и скромно присела на длинную белую скамью. Она боялась поднять глаза на собравшихся посетителей, но, несколько успокоившись, пришла к выводу, что это не врачи и не медсестры. Все еще не решаясь поднять глаза, она могла рассматривать лишь обувь ожидавших своей очереди. Однако и по ней она легко догадалась, что в комнате были только мужчины.

Неужели соседка посмеялась над ней, уверяя, что кровь девушек принимают по той же цене. Ум Насер не могла ее обмануть. Уж она-то хорошо знала все это. Ведь она уже трижды сдавала свою кровь и каждый раз получала по пятьдесят фунтов. А ее сын Насер, который работает в пожарной охране, был постоянным донором.

В ожидании очередного пожара он только и делал, что ел да сдавал кровь.

Девочка по-прежнему чувствовала себя скованно. Но страх прошел, когда она услышала разговор двух мужчин. Судя по всему, один из них был новичком здесь, как и она. Его собеседник сказал, что сначала нужно пройти медосмотр, чтобы врач убедился в том, что у него крепкое здоровье...

...Крепкое здоровье... Значит, тот, кто сдает кровь, должен быть абсолютно здоров...

У нее хорошее здоровье. Она вспомнила, что болела два раза в жизни: первый раз, когда им в школе делали прививку от тифа, второй — когда объелась огурцами и у нее было сильное расстройство желудка. Но сейчас она полностью здорова, и с ее щек не сходит румянец.

Здоровье у тех, кто пришел сюда, не лучше, чем у нее. Впервые за все это время она подняла глаза, переводя взгляд с одного лица на другое. Все они были разными. Похожи лишь черные глаза и густые взъерошенные волосы.

Ее снова охватил страх. Но какая-то неведомая сила продолжала удерживать на скамье.

Вот открылась дверь, появилась медсестра и вызвала следующего.

Поднялся мужчина, который говорил, что он совершенно здоров, и шутил, что на его кровь большой спрос. Госпиталю нужна густая кровь. Сказав это, он рассмеялся, а другой сплюнул и тут же растер плевок ботинком, чтобы не заметила медсестра.

Девочка осмелилась поднять глаза на дверь, которая вела в комнату, где, как рассказывала Ум Насер, стояли три кровати. На них ложились те, кто пришел сдавать кровь. Каждым занимался отдельный врач.

Девочке вспомнилось, как она расспрашивала Ум Насер: «А не больно, когда врач колет тебя в руку?» Та отвечала: «Нисколечко. Мою руку туго завязали жгутом, и она как будто онемела. Я больше ничего не чувствовала. Потом мне в вену ввели большую иглу, которая начала высасывать кровь, как прожорливая пиявка. Кровь потекла из руки в стеклянный сосуд. Когда закончилась процедура, я поднялась с кровати, чувствуя легкое головокружение. Оно исчезло после того, как сестра принесла пакет молока и разрешение на получение денег. Что я потеряла? Ничего. На эти пятьдесят фунтов я купила себе

зимнее платье. Как было бы хорошо, если бы кровь принимали каждую неделю».

Да, Ум Насер практичная женщина. Она научила девочку мечтать, казалось бы, о несбыточном. Разве не она натолкнула девочку на эту мысль, когда та плакала горючими слезами оттого, что ей придется быть на празднике опять в старом платье.

Новое платье, как и все новое, — настоящее чудо. Вот уже два года, как ей обещали такое чудо. Девочка подросла за это время, старое платье стало тесно в груди, да к тому же еще порвалось под мышками. Но, несмотря на это, ее заставляют носить старое платье. И девочке приходится мириться, так как иного выбора нет, а то семья будет голодать целую неделю. Такой выбор нередко встает перед их семьей. Год назад тоже пришлось выбирать: голодать семье или ей идти в школу. Победила забота о куске хлеба.

И вот она тайком приехала в госпиталь, заплатив последний франк за билет второго класса в трамвае. Мать ничего не знает о том, что она отправилась в донорский пункт. Девочка не посвятила в это и Ум Насер, зная, что та не удержится и расскажет матери. И тогда все сорвется. Если же удастся сдать кровь, то мать простит ее, когда увидит пятьдесят фунтов. Ведь она любит деньги. А кто их не любит?!

Открылась дверь, и вместе с запахом лекарств донесся голос медсестры, которая вызывала пациентов. В комнате осталась она одна да еще двое мужчин, которые беседовали о своих делах. Утомленная долгим ожиданием, она встала, подошла к окну, выглянула на улицу и вернулась на свое место. Взгляд ее случайно упал на руку. Скоро в нее вонзится большая игла, которая, словно пиявка, будет сосать кровь. Вспомнилось, как один знакомый парикмахер выставлял банку с пиявками на витрину и продавал их тем, кто в них нуждался. Пиявки напоминали маленьких змеек и имели ужасно отвратительный вид. Но они, как утверждает ее бабушка, излечивают от многих и многих болезней.

Снова открылась дверь. Медсестра подозвала одного из оставшихся мужчин и сказала, что сегодня ему нельзя сдавать кровь. Нужно подождать еще месяц. Мужчина возмутился и стал клясться, что он не был здесь уже несколько месяцев. Но медсестра захлопнула дверь, сказав, что регистратура госпиталя не ошибается... Мужчина

ушел, опустив голову и еле волоча ноги. Вслед за ним вышел и другой. Девочка осталась в комнате одна.

Ее сердечко тревожно забилось... Ей уже представлялось, как прожорливая игла подобно огромной черной пиявке вонзается в ее вены, а стеклянная банка наполняется ее кровью. А ведь достаточно было ей порезать палец, как у нее начинала кружиться голова... Большое испытание ради платья. Зачем она решила прийти сюда? Если не прийти, не будет денег, не будет нового платья...

Она еще больше испугалась, когда открылась дверь и появились трое мужчин с изможденными пожелтевшими лицами. Девочка встала и направилась к открытой двери процедурного кабинета, из которого доходил резкий запах медикаментов. Медсестра спросила ее, что она хочет. Девочка нерешительно пробормотала, что пришла сдать кровь. Внимательно окинув ее взглядом, сестра, улыбаясь, сказала: «Иди домой. Тебе нужно подрасти еще лет на десять, чтобы заниматься такими делами». Девочка повернулась, чтобы уйти, понурив голову, одурманенную запахом лекарств.

Ее пугала предстоящая взбучка дома. Перед глазами прыгали две иглы. Одна жадно и ненасытно пила ее кровь. Другая быстро скользила по шелку, превращая его в красивое воздушное платьице — заветную мечту. Но теперь это был лишь сон, которому не суждено сбыться.

ГОСТЬ

Когда я пришел в просторный зал Бейрутского аэропорта и посмотрел на табло, меня ждало разочарование: самолет, на котором прилетит моя сестра, прибывал из Каира в шесть. Другими словами, мне придется ждать целый час с четвертью...

...То ли неправильно сказали в справочной, то ли я плохо расслышал, а может быть, самолет запаздывает?

Не знаю почему, но ожидание было для меня особенно мучительным. Зал, балкон и бар — все набито битком. В этой сутолоке и шуме нельзя даже почитать журнал, который я захватил с собой на всякий случай.

Самолеты взлетали и приземлялись. Один направлялся в Бразилию, другой, из Кувейта, шел на посадку, третий уже прилетел из Багдада... Люди провожали и встречали, смеялись и плакали.

Я поискал глазами место, где можно присесть, но, не

найдя, вышел на балкон. Мой взгляд остановился на самолете, который только что приземлился и теперь плавно и величаво выруливал по бетонной дорожке к зданию аэровокзала...

К нему были прикованы взгляды встречающих, взгляды, полные нетерпения и волнения, взгляды матерей, жен, братьев, друзей...

Самолет остановился, подкатили трап, открылась дверца, и пассажиры стали спускаться на землю. На этом мое любопытство к самолету иссякло. Я уже хотел было уйти, как вдруг на балкон ввалилась толпа. По виду это были феллахи, одетые странно и пестро. Я не понял, провожают ли они дорогого гостя или встречают кого-нибудь из только что прибывших пассажиров.

Они вели себя бурно, с той непосредственностью, на которую не способны горожане, привыкшие сдерживать свои чувства.

Долго гадать не пришлось. Я увидел их полные слез глаза и услышал, как один из них сказал: «Самолет на Бразилию там, в конце взлетной полосы». Значит, они провожают кого-то. Но кто же из них летит?

Я принялся искать глазами того, кто мог походить на отъезжающего. Помог мне в этом фотоаппарат, который наводили на низкорослого мужчину. На том была рубашка, из-под воротника которой выбивался невероятной расцветки галстук. На голове была надета поблекшая от солнца соломенная шляпа. Он стоял посередине балкона. Затем рядом с ним стал мужчина в черных шароварах, заправленных в такого же цвета сапоги, которых, судя по всему, вряд ли когда-либо касалась сапожная щетка; голову его покрывала куфья цвета хаки. Человек в соломенной шляпе протянул руку стоявшему рядом мужчине, как бы здороваясь с ним. В это время щелкнул аппарат.

Человек в шароварах отошел, и его место заняла старушка. Она высохшей рукой обняла за шею низкорослого мужчину, крепко прижала к себе и, еле сдерживая слезы, пробормотала; «Фотографируй, сынок, фотографируй. Я только и живу этими карточками моего дорогого Фархата. Фотографируй, не жалей».

Женщины разразились рыданиями, то и дело поднося к глазам платочки и вытирая слёзы. Мужчины грубо зашикали на них. Лишь один попытался как-то успокоить женщин, сказав им: «Перестаньте плакать... От слез бы-

вают морщины... На чужбину уезжает не только он... Туда едут многие».

Женщины, однако, не унимались. Они начинали причитать всякий раз, как Фархат обнимал кого-нибудь из провожающих. Бросив взгляд на фотоаппарат, Фархат воскликнул: «Возьмите его на память обо мне...»

После того как Фархат сделал групповой снимок и сфотографировал каждого в отдельности, суета с фотосъемкой закончилась.

Затем он снял шляпу, взял протянутую ему бутылку и, выкрикивая слова «Будьте здоровы!», жадно отпил из нее несколько больших глотков арака. Из возбужденного состояния Фархата вывело лишь объявление по радио, переданное на трех языках и приглашавшее уезжающих в Бразилию пройти пограничный и таможенный контроль.

Кто-то крикнул: «Не вешай носа, Фархат!»

Фархат посмотрел на провожающих затуманенными от слез глазами, бросился к старушке и несколько раз приложился к ее руке... Судя по всему, это была его мать. Да, несомненно, его мать. Она сняла с него шляпу и начала исступленно покрывать поцелуями его голову. Насилу оторвали старушку от сына. Кто-то крепко похлопал Фархата по плечу и пожелал на прощанье:

«Держись бодрее, Фархат, ни пуха тебе ни пера!»

Снова поцелуи, и снова к мокрым от слез глазам потянулись цветастые платки.

Пот ручьями стекал по лицу Фархата. Он смог высвободиться из объятий провожающих лишь после того, как подошел служащий авиакомпании и дал понять, что нужно торопиться.

Фархат медленно и неуверенно, еле передвигая ноги, поплелся за чиновником к тому месту, где располагалась служба безопасности. Провожающие остались на балконе в ожидании, когда закончатся формальности и они смогут проводить Фархата взглядами до самолета.

Стоя на своем месте, я почувствовал, что меня понемногу начинает охватывать волнение. Стараясь избавиться от него, я попытался чем-нибудь отвлечься от компании Фархата. Но вот, обернувшись случайно, я увидел, как мать-старушка прильнула к стеклянной перегородке в зале ожидания, надеясь еще раз хотя бы одним глазком увидеть своего сына перед тем, как поведут пассажиров к самолету.

Я поймал себя на мысли, что тоже думаю о Фарха-

те, пытаюсь определить, кто ему из собравшихся братья и сестры, кто племянники и племянницы.

Вероятно, это была не первая поездка в Бразилию, так как Фархат уже успел обзавестись сомбреро, экзотически венчавшим его голову. Романтика юности, мечта о счастливой жизни забросили его на далекий незнакомый континент. Он был из числа тех арабов, которые эмигрировали туда, прижились там, но которые никогда не забывали о своей настоящей родине, денно и нощно тоскуя по ней и находя утешение лишь в дьявольски упорном и напряженном труде.

Возможно, Фархат женился на бразильянке, а та не может понять, почему плачет ее муж всякий раз, когда усаживается за праздничный стол или когда он случайно услышит у друга заигранную пластинку с записью песни Ум Кульсум «Если он верен любви, жертвуй всем для него, если он охладел, брось его».

Вероятно, его дети и их мать часто смеются, когда Фархат вдруг приходит в ярость, начинает богохульствовать или потрясать воздух непонятными для них словами. Возможно, возможно...

Я долго смотрел на старенькую мать Фархата. Несчастная. Разлука с сыном, уехавшим на чужбину, видно, дорого обходится ей. Вся ее жизнь от начала до конца связана с Фархатом. К тому дню, когда уехал сын, поспела смоковница. Закололи жирного барашка, когда он прислал письмо, что женился на местной девушке.

Его присутствие чувствуется везде — в доме, под виноградными лозами, во всех благах, которые аллах ниспосылает их семье.

Она продолжала плакать, когда я взглянул на нее и увидел, что она силится отыскать своего сына среди отъезжающих.

Вот наконец он появился, бережно неся в правой руке небольшую корзину, а в левой — большой платок, которым он то и дело вытирал лицо и шею.

Он на секунду остановился под балконом, чтобы провожающие еще раз взглянули на него.

Фархат, не забывай нас..., Фархат, помни о матери... Кто будет стоять у ее изголовья, когда она будет умирать... Фархат, поцелуй своих детей. Передай им, что мы любим их, и в следующий раз приезжай с ними...

Фархат! Фархат! Фархат!

Фархат стоял неподвижно, словно оцепеневший, не

зная, что делать. А старушка, казалось, была готова броситься вслед за ним.

Я смахнул набежавшую слезу. Но вовремя овладел собой и не замахал прощально рукой, когда Фархат через каждые десять шагов оборачивался, снимал свою шляпу и с тоскою и болью в глазах помахивал ею. Когда, поднимаясь в самолет, он остановился на верхней ступеньке лестницы, казалось, вся деревня вышла провожать земляка, уезжающего в далекие края.

Вдруг я почувствовал, как кто-то по-приятельски похлопывает меня по плечу. Я обернулся: это был один из моих друзей.

— Встречаешь кого-нибудь?

— Нет, — ответил я, — провожаю. Провожаю Фархата. Он уезжает в Бразилию!

Гассан Канафани

СОКОЛ

Наш мир с исключительной заботой был приведен в порядок: каждому свой ранг. Это правило определяло и наши отношения со сторожами на стройке, которым мы давали работу. Мы были инженерами «Компании современных конструкций». Об отношениях со сторожами можно было судить по словам, которые мы произносили при встрече:

— Добрый вечер, Джадан.

И непременно с деревянной мансарды можно было услышать в ответ:

— Добрый вечер, Абдалла...

Каждого из нас он называл Абдаллой. Джадан не утруждал себя запоминанием наших имен.

Сторожка располагалась в конце прохода, который вел к новому дому, предназначенному для нас. Это было хорошее по сравнению с прежним помещение. Дом, в котором мы жили раньше, был низкий, кишел мышами. Соседи там были неуживчивы. Здесь, в новом здании, мы жили отдельно от всех и через несколько дней почувствовали себя изолированными от всего города. Если бы сторожа не окликали нас всякий раз, когда мы приходили или уходили из дома, мы наверняка чувствовали бы себя словно в роскошной клетке, которую сами для себя создали.

Два сторожа-бедуина пришли сюда из пустыни. Джадан был ночным сторожем, но, несмотря на это, в течение нескольких часов среди дня он также прогуливался вокруг места своей службы, потому что ему нечего больше было делать.

Дневной же сторож по имени Мубарак был полный темнокожий сгорбленный человек лет сорока. Когда он шел, казалось, будто он только что поднялся после долгого сидения.

Он носил форменную рубашку, предназначенную для сторожей. Это была зеленая рубашка с большими медными пуговицами. Спал он в аккуратно прибранной комнате, накрывшись белыми простынями, которые менял каждую неделю.

Несмотря на наше отчуждение, мы чувствовали, что между Джаданом и Мубараком существует какая-то вражда или неприязнь. Мы заметили, например, что в отличие от Мубарака Джадан не носит форменной рубашки,

что поверх широкой рубахи, которая когда-то была белой, он надевает накидку — аба — из грубого материала. Джадан в противоположность Мубараку не спал в сторожке. Он придумал для себя какую-то странную лежанку из трех досок, отодранных от большого сундука. Поставив их на шесть ножек, он застелил свою лежанку черной козлиной шкурой. Мы видели, как он мерзнет, заворачиваясь в свою одежду под утро.

Нам казалось, что Джадан, вероятно, не любит какую-то черту характера Мубарака и что Мубарак, в свою очередь, чувствует стеснение, когда Джадан, стоя в своей рубахе, сверлит его своими маленькими острыми глазками. Наше предположение подтвердилось, когда Мубарак, остановив меня однажды, потребовал, чтобы я написал жалобу руководству компании.

— На кого, Мубарак? — Я задал вопрос строго, как обычно инженер разговаривает со сторожем, зарплата которого в шесть раз меньше.

— На Джадана, — ответил Мубарак. — Он отказывается чистить уборную, когда наступает его очередь.

— Почему?

— Не знаю. Он просит это делать вашего слугу и платит ему три рупии.

— В таком случае почему тебя это волнует? Ведь уборные чистятся вовремя?

— Господин, — начал нервно объяснять мне Мубарак, загораживая дорогу, — ваш слуга неделю тому назад отказался это делать. Знаете, что Джадан сделал тогда? Он потребовал, чтобы я чистил уборную за пять рупий.

— Почему же Джадан сам не делает эту работу? Разве она не часть его обязанностей?

— Да!.. Да, — потряс он головой. — Он не делает этого потому, что пришел сюда не работать.

— Зачем же он пришел тогда на стройку?

— Не знаю... Мне кажется, что он убежал от семьи, — сказал, покачав головой, словно сомневаясь, надо ли это говорить, Мубарак.

— От семьи? Зачем же ему, пожилому человеку, убегать от семьи?

— Это произошло уже давно, — сказал Мубарак, садясь на топчан Джадана. — Джадан хотел жениться на блондинке, которую он увидел однажды с людьми,

приехавшими к палатке его семьи охотиться на газелей...

— Джадан был влюблен?

— Да, шейх племени поручил ему сопровождать этих людей и женщину, устроивших гон газелям. Когда блондинка уехала вместе с другими гостями, он стоял как помешанный. — Мубарак взял в руки веточку и начал без всякой цели ковыряться в земле. — Говорят, она тоже любила его.

— Любила? Почему же они не поженились?

— Разве блондинка согласится стать женой бедуина? Он хороший человек, но что толку. Он даже развелся с женой...

— Почему же все-таки он работает здесь? — спросил я еще раз, прежде чем уйти.

— Джадан говорит, что он не работает здесь, а живет, как живет человек в любом другом месте. Он говорит, что устал от жизни, а здесь можно питаться, ничего не делая! Говорит, что он мечтает спокойно умереть здесь и не хочет возвращаться к семье. Он безумец. Ну напишите же жалобу!

Я направился к двери, ничего не ответив Мубараку, поднялся по лестнице в свою комнату. Поговорить с Джаданом было нелегко. Я не раз пытался сделать это, но оказывался перед его въедливыми, изучающими глазами, которые заставляли меня молчать. И лишь время спустя мне удалось поговорить с ним, присев на его деревянный топчан. Когда я пришел, был уже поздний час. Я забыл ключи от своей комнаты у друга и сидел, дожидаясь его.

— Так хотелось сегодня лечь спать пораньше. Завтра едем на охоту, — начал я.

— На охоту? — холодно спросил Джадан, сворачивая цигарку.

— Да, едем охотиться на газелей.

— Как вы охотитесь на них?

— Обычно, на машине.

Он покачал головой, продолжая сворачивать цигарку. Затем сказал словно сам себе:

— Вы преследуете бедную газель на машине, отделяете ее от стада, гоняетесь за ней часами, пока она не падает от усталости, и тогда вы выходите из машины и берете ее как курицу. — Он свернул наконец цигарку,

глубоко затянулся, посмотрел мне в глаза и сказал: — Стыдно.

Мне показалось внезапно, будто Джадан оскорбил меня.

— Разве стыдно охотиться на газелей с винтовкой? — попытался я возразить.

— Конечно, стыдно.

— Почему же?

Он снова затянулся и строго смерил меня взглядом через облако тяжелого табачного дыма.

— Нельзя охотиться на газелей ни на машине, ни с винтовкой, Абдалла, — сказал он спокойно.

— Почему же?

Он взглянул на меня, как будто мой вопрос ранил его; стряхнул пепел с цигарки. Глаза его горели.

— Испытывал ли ты когда-нибудь такое: сидишь в пустыне, и вдруг к тебе приходит газель, сама приходит, трет голову о твои локти, протягивает к твоим коленям мордочку, ходит вокруг, смотрит на тебя своими глазищами, потом уходит снова. Бывало ли с тобой такое?

— Нет. А с тобой бывало?

— А говоришь об охоте. — Он сказал это, как будто даже не слышал моего вопроса.

— И ты никогда не охотился? — спросил я, не сдержав своего высокомерия.

— Охотился. Это было очень давно, Абдалла. С тех пор прошло много времени.

— Как же ты охотился?

— С соколом, — сказал он, потупившись, и принялся тереть голой пяткой землю, как будто стеснялся этого разговора.

— С соколом?

— Да. Ты не слышал об этом? — Он поднялся со своего места и пошел тихонько, пока не исчез из виду огонек его сигареты, потом вернулся, сел рядом и нарушил тишину: — Когда видишь газель, снимаешь кожаный мешочек с глаз сокола, и он летит как молния, нападает как буря, распластав крылья над глазами газели, потом останавливается...

— Потом берешь ее как курицу, — сказал я злорадно.

— Да, берешь ее как курицу, — сказал он с горечью. — Слушай, Абдалла, — заговорил он вдруг сно-

ва, коснувшись рукой моего колена. Он сидел на топчане, поджав под себя ноги. Голос его слышался в темноте словно издалека. — Слушай, Абдалла, лет двадцать назад я охотился на газелей. У меня был прекрасный сокол по имени Огнь. Это был лучший сокол, которого когда-либо знало племя. Когда он летел, крылья его затмевали свет солнца, затем он складывал крылья и бросался на землю как камень. А люди говорили: «Вон Огнь Джадана настиг газель».

Наступила тишина. Мне показалось, что он уже закончил рассказ; несмотря на темноту, я видел улыбку на его лице. Это была счастливая улыбка человека, вспоминающего о чем-то горячо любимом и невозвратном. Потом снова послышался тихий, едва различимый его голос:

— Это было двадцать лет назад. Я снимал кожаный мешочек с глаз Огня, и он взмывал стрелой в небо. Ни одна газель не могла уйти от него. Я издали узнавал его по расцветке. Он был рыже-коричневого цвета, того же цвета, что газель. Цвета, которого не может быть ни у кого, кроме как у газели. Огнь взлетал высоко, очень высоко, затем складывал крылья и падал как камень. А когда до газели оставалось совсем немного, он снова раскидывал крылья, замирал на мгновение в воздухе, затем падал вниз, легкий, как листик, почти касаясь земли. Затем поднимался в воздух снова и летел высоко, пока не останавливал газель, словно пригвоздив ее. Я чувствовал, что Огнь словно показывает свою мощь перед бедным животным, как делают сильные. Он устраивал подобное по многу раз с удивительным ожесточением. Я видел, как он распластывал свои огромные крылья и медленно прохаживался, гордый, по своей клетке, врытой в песок, как он закрывал глаза, когда на его счету появлялась еще одна газель...

Я взял Джадана за плечо и потряс. Мне показалось, будто он уснул...

— А потом что было? — спросил я.

— Сперва я подумал, что Огнь не хотел охотиться в тот день. Ведь знаешь, у соколов свой характер. Но то, что случилось, было еще ужасней. После этого он уже никогда не покидал своей клетки. Он стоял с гордо выгнутой грудью и крючковатым клювом в тени, отбрасываемой газелью. Он не ел в течение недели, несмотря на то что я сорвал кожаный мешочек

с его глаз. Он даже не смотрел на мясо, которое я подкладывал ему. Не смотрел на газель, которая была рядом и разглядывала его как зачарованная. Каждый раз, когда я подходил, чтобы попытаться накормить Огня, я удивлялся газели. Она паслась рядом и, словно ребенок, терлась своим розовым носиком о его гладкий бок, вытягивала губы к моей щеке, терлась шеей о мою руку, то крутилась, то спокойно стояла около деревянного колышка.

Джадан поднялся и прошелся вокруг своего деревянного топчана, вытащил спички и начал снова свертывать цигарку. Я не мог видеть его лица в тот момент, но я снова услышал его голос как из дальней пещеры:

— Я словно очнулся в тот день, найдя Огня лежащим около клетки. Грудь его была ощипанной и худой, а глаза закрыты. Я не нашел газели ни в ту ночь, ни после.

Я встал и остановился перед ним. Он уже закончил вертеть цигарку и стал зажигать спичку.

— А куда же делась газель? — спросил я его.

При колеблющемся пламени спички я увидел, что лицо его приняло обычный вид, стало желчным, резким, холодным, с трясущимися губами.

— Она ушла умирать к своему стаду. Газели любят умирать в присутствии стада. Соколам неважно, где они умирают.

Ханна Мина,
Наджах Аттар

ЛЕТУЧАЯ РЫБА

Посвящается А. ДЖ.
летчику-герою САР

Ему казалось, что из этого облака черного дыма он никогда не выберется. Он ничего не видел — за стеклом кабины проносились лишь клочья темного мрака.

«Не на том ли я уже свете?» — подумал он. Вдруг его ослепила зелень земли — дым исчез. Со страшной скоростью земля неслась на него. «Конец!» — мелькнуло в голове...

Так он в первый раз заглянул в глаза смерти. Во второй...

Над его головой, хлопнув, раскрылся купол парашюта, и он начал плавно спускаться. Но за несколько десятков метров до земли он вдруг почувствовал, как камнем падает вниз...

Первое, что он ощутил, когда пришел в себя в госпитале, были бинты. Ему показалось, что он проспал целую вечность. Попытался встать, но из-за резкой боли в ноге и спине не смог и приподняться. А как ему хотелось вернуться в небо и снова сражаться! Он чувствовал, что задыхается без неба, как рыба без воды. Врачи не смогли задержать его в госпитале надолго — через пару недель он выписался. Но ещё много дней ему пришлось ходить в бинтах и гипсе.

Вы хотите узнать, кто он?

Мы тоже. Но он не захотел называть своего имени. Да разве так уж важно, как его зовут? Конечно, у каждого человека есть имя, есть оно и у героев. Наши дети должны знать имена героев своей страны. Но если они спросят, можно ответить, что он просто человек, один из многих наших соотечественников. Хотите знать больше? Пожалуйста, он летчик. Что он сделал? Да то же, что сотни и тысячи других людей нашей родины. Об этом вы наверняка читали в газетах или слышали по радио. Но вас интересуют подробности. Вы хотите услышать историю.

Тогда запаситесь терпением. Это славная и долгая история, и, как всякая история, она не терпит поспешности. Нам, писателям, требуется долгое время, чтобы у нас в голове созрел замысел новой книги. Дерево не один год питается соками земли, влагой и воздухом, чтобы однажды принести плод. Так что не спешите, вы

можете сорвать плод еще зеленым и неспелым. Бывает, конечно, что весна наступает раньше своего срока и плоды созревают раньше.

...В этом году весна ранняя. Мы, я и моя приятельница-журналистка, сидим и разговариваем о ранней необычной весне. Вернее, мы даже не разговариваем, а больше молчим и слушаем звуки этой весны, вдыхаем аромат цветущих садов...

Но перейдем к делу.

Все это действительно случилось, и совсем недавно. Для нас этот человек был похож на один из тех цветков, что весной покрывают все дерево. Один распустившийся цветок не делает весны, но, когда все деревья в саду покрываются такими белыми цветами, мы можем быть уверены, что пришла настоящая весна.

Вот он сидит перед нами. Он дружелюбно смотрит на нас и улыбается. Мы не спеша беседуем. Иногда наши взгляды встречаются, и в его глазах, в движении рук я замечаю некоторое смущение, которое чем-то подкупает меня.

* * *

Да, он был летчиком. Но сегодня он уже не просто летчик, а летчик-герой нашей республики.

Мы откладываем в сторону блокноты. Записывать слова этого человека нам кажется столь же неудобным, как в присутствии героя читать книгу о нем самом.

Поговорить с таким человеком гораздо интереснее, чем прочесть самую захватывающую книгу. Живой человек, каким бы он ни был, всегда может рассказать больше, чем книга, а тем более если он герой.

Он долго молчал, и, если бы мы не нарушили это неловкое молчание, он так бы и не начал. Может быть, он не знал, с чего начать, о чем говорить? Просто он не умел рассказывать о себе, да и не хотел, пока мы его не попросили. Он был из тех людей, о которых в народе говорят: мало слов, да много дела.

* * *

Он родился в 1947 году. Где? А разве это имеет значение? Да в одной из деревушек нашей страны.

Его отец, крестьянин, обрабатывал землю. Двадцать лет назад он погиб, защищая ее вместе с другими крестьянами. Его сыну тогда исполнилось шесть лет. Через кровь своего отца сын познал цену земли, понял, чего она стоит. Он рано усвоил, что, если понадобится, он, как и отец, не пожалеет жизни, чтобы защитить свою землю.

Семья у них была не маленькая: четыре брата, три сестры, мать да он сам — самый младший. В местной школе он узнал первые буквы, научился читать, а со временем получил аттестат о среднем образовании. Одновременно с учебой ему приходилось вместе со своими братьями работать на их небольшом земельном участке. Они выращивали и собирали хлопок, сеяли и жали пшеницу, сажали лук, чеснок, овощи. Хлеба было мало, а едоков много, одним словом, еле сводили концы с концами. Семья с нетерпением ждала дня, когда младший кончит школу и начнет работать. Он тоже хотел поскорее закончить учебу. Ему не терпелось заняться делом, и он уже знал каким. Он мечтал служить родине. Никто и не подозревал, что младший уже сам все давно решил. Но если бы кто-нибудь заглянул в его альбом для рисования, то увидел бы, что все страницы изрисованы самолетами. Он увлекался рисованием. Рисовал и карандашом, и чернилами, и краской. Все, что ни увидит, зарисует у себя в альбоме. Но больше всего там было самолетов. Настоящие самолеты он почти никогда не видел. Зато в журналах ему часто попадались их фотографии и картинки. Тогда он срисовывал самолеты к себе в альбом, а то и просто вырезал и наклеивал. А еще ему очень нравилась одна девочка... Теперь она стала его женой и матерью двух его сыновей.

Однако, когда он заканчивал школу, самолеты были его первой и самой сильной любовью. И ради них он готов был пожертвовать всем. В часы досуга помимо рисования любил он еще мастерить модели самолетов и летающие планеры или конструировать электромоторчики. А когда пришло время сделать выбор профессии, он решил поступить в военное училище на авиационное отделение и стать летчиком.

— Благодаря чему же вы осуществили свою мечту? — спросил я его.

— Только благодаря упорству. А летать я начал еще

задолго до того, как сел в кабину самолета. Я не раз представлял себе, что взлетаю в небо. Уже тогда я полюбил полеты и решил им посвятить жизнь. И, как видите, я своего достиг.

— А если бы вам сейчас снова пришлось выбирать? — спросила его моя коллега-журналистка.

— Я бы снова выбрал авиацию, — ответил он решительно. Затем немного помолчал и сказал спокойным голосом, как бы извиняясь за свое многословие: — Даже если бы мне сотню раз заново пришлось выбирать профессию, я выбрал бы то же самое, что и в первый, — профессию летчика. — Подыскивая слова, он вынул сигарету, закурил. — И удивляться здесь нечему. Я самый обыкновенный человек и ничем не отличаюсь от любого из нашей деревни или нашей страны. Меня огорчает и радует то же, что и их. Я живу тем же, чем и они. Как и все наши люди, я тоже стремлюсь к счастью. Но разве можно быть счастливым, когда часть наших земель в руках врага и нам постоянно угрожают? А наши братья палестинцы? У них вообще нет теперь своей земли! Нет, к счастью есть только один путь — путь борьбы. За счастье надо сражаться. Мы это поняли еще в училище. Там мы частенько думали, говорили и спорили об этом. Вот тогда я твердо и решил стать летчиком-истребителем. Не потому, что обладаю какими-то особыми качествами. Я не смелее и не трусливее других, знаю, что значит бить и быть битым. Как каждый из нас, я люблю свою мать, жену и детей и ненавижу врагов. Просто я, как и мои товарищи, уверен в том, что, пока наша земля находится под чужим сапогом, борьба неизбежна, и мы все должны в ней участвовать кто как может. Своим оружием я в этой борьбе выбрал авиацию, потому что я люблю небо. Помню, когда я впервые вступил в воздушный бой, меня это захватило и увлекло. Я не драчун по природе. Но в небе я понял, что воздушный бой — это отличный способ борьбы с врагом и именно здесь я должен сражаться.

Он сидел напротив меня, а мне казалось, что его голос доносится откуда-то издалека. Он рассказывал о своем первом бое, мы слушали. За его словами мне слышался рев самолетов, треск пулеметных очередей и раскаты взрывов. Перед глазами оживали картины прошлого, воспоминания о тех молодых парнях, что погибли

или стали калеками во время июньской войны 1967 года. Некоторых из них я знал. Но скольких я никогда и не видел! Многие молодые ребята пролили свою кровь, многие отдали свои жизни и ушли из этого мира, в котором теперь живут те, ради кого они заплатили столь дорогой ценой.

Наш собеседник говорил, а мы внимательно слушали. Однако в какой-то момент я отвлекся от его рассказа и задумался. Я вдруг представил его в детстве, как он бегает за бабочками и ловит воробьев. Вот он мастерит бумажного змея, гоняет в футбол и лазает по деревьям. Домой он возвращается в рваной рубахе и с ссадинами на руках. А потом, промокший от дождя, он греется у огня и слушает сказки. В школе на переменах он, конечно, устраивал возню со своими сверстниками, а после уроков затевал войну с соседскими мальчишками, дрался с ними, получал тумаки и в слезах от досады бежал домой. Затем я представил, как он оканчивает школу, получает аттестат и решает поступить в авиационное училище. Мать, испугавшись за сына, умоляет его выбрать другое место: «Сынок! Ведь твой отец погиб, неужели ты хочешь? Ты же у меня самый младший, дай мне спокойно дожить оставшиеся дни. Что же мне сидеть и ждать, пока мне не скажут, что твой самолет сгорел или разбился? Нет, с меня хватит! Сынок, я тебя умоляю, выбери другое училище!»

Старший же брат одобрил его выбор. Он долго рассказывал своему младшему братишке о том, как это почетно и благородно быть летчиком. Он говорил ему о красоте этой профессии, о том, как прекрасно небо и какое это, должно быть, наслаждение чувствовать, что ты хозяин неба.

А разве может он забыть свой последний урок в школе, когда их старый учитель в последний раз обращался к ним? В его ушах до сих пор звучат слова любимого учителя: «Мальчики! Куда бы вы ни пошли, где бы вы ни были, помните, что будущее родины в ваших руках. Вы — защитники нашей родины. Не допускайте, чтобы ваши земли топтал враг, а ваши родные потеряли родину и кров. Если вы не будете летать и сражаться, то кто же еще встанет на защиту нашего неба и нашей земли? Ты, он, все вы — наши вера и надежда. Мы с вами много мечтали, ребята, это хорошо.

Но настало время браться за дело. Вам предстоит осуществить наши мечты своими собственными руками».

— Что же вы делали потом? — услышал вдруг я голос моей приятельницы. Этот вопрос, обращенный к нашему собеседнику, вернул меня к разговору.

— Учеба окончилась, и я вышел из училища, — ответил он.

— А затем вы стали тренироваться и летать?

— Да, именно так.

— Мы знаем, вам довелось провести немало воздушных боев, — включился в разговор я, — но вы об этом говорите так спокойно и просто. Скажите, все летчики такие же невозмутимые, как и вы?

— Конечно. Вы, наверное, знаете, что у летчиков крепкие нервы. Летчик должен быть хладнокровен.

— Но разве это исключает эмоции? Ведь летчик тоже человек! Что же касается спокойствия, то оно может быть от природы, а может быть и выработанным...

Наш собеседник, безусловно, обладал природным хладнокровием и невозмутимостью. Его движения были спокойны и неторопливы, во всем чувствовалась какая-то внутренняя уверенность. Мы это увидели сразу, когда он вошел в комнату, не спеша плотно прикрыл за собой дверь, подошел и поздоровался с нами. Еще мы заметили, что он слегка хромал — его правая ступня была в гипсе. Перехватив наш взгляд, он виновато улыбнулся и, как бы оправдываясь, сказал, что с ногой ничего серьезного нет.

Мы попросили нашего собеседника описать нам подробнее воздушные бои, в которых ему пришлось участвовать в дни октябрьской войны. Он улыбнулся и признался, что с трудом помнит подробности всех боев, потому что их было не так уж мало. Тогда мы попросили его рассказать о тех боях, что запомнились ему лучше всего, о первом боевом вылете, о наиболее трудных и самых удачных схватках с противником.

— Мой первый боевой вылет я совершил в первый же день октябрьской войны. Тогда был черед моего звена прикрывать наши бомбардировщики, вылетевшие на выполнение боевого задания в тыл противника. Вылет прошел удачно — все наши благополучно вернулись. Мне же запомнился тот день потому, что я впервые во-

шел в воздушное пространство противника. Сказать по правде, я здорово испугался, когда мы, взяв звуковой барьер, на малой высоте летели над территорией противника. Это я запомнил... Я вам расскажу лучше о том, как позже мне удалось преодолеть свой страх, когда я впервые участвовал в настоящем бою.

Свое первое боевое крещение я получил десятого октября. Помню, мы летели над Бейрутом, но меня не покидало ощущение, что я нахожусь над Дамаском и охраняю его небо. Да в общем-то было неважно, над каким городом мы летели, главное заключалось в том, что это арабский город, а значит, наш, и небо, в котором мы сражались, — наше небо. Там, внизу на земле, жили арабские граждане — наши кровные братья. И каждый из нас чувствовал себя так, словно он защищает свой родной дом, свою семью и друзей.

Под собой я видел море. Море прекрасно с высоты. Вы, конечно, любовались им не раз с борта пассажирского самолета. Вода переливалась всеми оттенками синевы — от бледно-голубого до черного, почти чернильного. В гавани и на рейде я мог различить множество судов самых различных размеров, большей частью это были торговые суда. А вокруг меня простиралось небо, чистое и ясное. Оно казалось бесконечным, и я не мог даже определить, где горизонт, потому что он таял в голубой дымке. Море и небо сливались в один безбрежный океан синевы и солнца. И только где-то далеко, за горами, виднелось несколько облаков, сверкающих на солнце. Весь мир, казалось, ликовал и смеялся. Но подобные мирные картины часто бывают обманчивы. Каждую минуту все могло измениться. Мы это знали и были начеку, ведь опасность всегда подстерегает летчика...

Сигнал о приближении противника вмиг заставил нас забыть о красоте неба и моря. Теперь эта синева стала для нас зловещей и коварной. Мы всматривались в голубую дымку, ожидая появления маленьких черных точек. Я почувствовал, как меня внезапно охватила дрожь, предвещая близкий бой. Ждать долго не пришлось. В небе со стороны моря показалась стая черных точек, каждая из которых, увеличиваясь, приобретала контуры «Фантома» или «Миража». Они шли по направлению к нашей границе. Мое звено находилось в

засаде. Мы кружили недалеко от города на высоте 50 метров. Чтобы бой не разгорелся прямо над городом, мы ожидали, пока другие наши самолеты не оттеснят противника подальше в сторону. Однако, отлетев к морю, неприятель взял курс на юг, устремившись к долине, что вела к сирийской границе. Его замысел был ясен. Мы знали, что от того, пропустим мы эти самолеты или нет, зависело все. Если нам не удастся преградить им дорогу, смертоносный груз обрушится на наши мирные объекты, на фабрики, заводы, жилые дома.

Ударную силу противника составляли несколько звеньев «Фантомов». Они шли ровным строем на сравнительно большом расстоянии друг от друга. Мы называем такой порядок пеленгом. Их сопровождали юркие «Миражи», которые летели впереди и выше «Фантомов». Несколько «Миражей» прикрывали всю эту армаду с флангов. Я приказал звену перестроиться и приготовиться к атаке. Каждый наш самолет знал свое место и занял его как охотник в засаде. Мне это тогда чем-то напоминало ловлю птиц. Мы — охотники — расставили сети. Но только птицы наши были хищными. Каждая такая птичка, груженная бомбами, несла с собой разрушение нашим домам, смерть — нашим детям.

«Нет, мы не допустим стервятников до наших детей, наших маленьких сестер и братьев. Мы лучше погибнем, но не дадим врагу прорваться, не позволим ему терзать нашу землю!» — так думал в эти секунды каждый из нас.

Когда настал момент действовать, дрожь прошла сама собой. На смену волнению пришло какое-то дерзкое чувство. Захотелось кричать: «Я владыка неба! Я хозяин вселенной!..»

Словно одним прыжком набрав высоту, мы очутились над «Фантомами». Те нас наконец заметили. Сверкнув на солнце кабинами, один за другим неприятельские самолеты нырнули вниз. Они пытались уйти от нас.

Я бросил машину вниз, преследуя противника. Выбрал цель, что была поближе. «Фантом» взял еще круче и вошел в штопор. Земля встала на дыбы — я летел прямо на город. Вот показались улицы, крыши... «Фантом» неожиданно вышел из пике и почти верти-

кально устремился в небо. Крыши и улицы внезапно исчезли, земля перевернулась, и я увидел только небо и темный силуэт самолета противника. Я приближался к нему. Вот он попал в прицел, я выпустил ракету. Через секунду темный силуэт исчез в огне взрыва. В следующий миг еще два «Фантома» взорвались почти одновременно — это мои товарищи последовали моему примеру. «Неплохое начало», — услышал я в шлемофоне голос одного из них. Однако тут подоспели «Миражи» и стали теснить меня, пытаясь загнать в свое кольцо. Я знал, что за нами наблюдает весь Бейрут, весь город болеет за нас. Неужели мне не уйти? Делаю обманное движение вниз и в следующее мгновение стрелой взмываю вверх. Перед глазами от перегрузки поплыли черные круги. Когда же зрение вернулось, я различил перед собой «Фантом». Недолго думая, даю очередь из пушки. «Фантом» вильнул в сторону, но за его крылом потянулся шлейф дыма. «Ну нет, так легко не отделаешься от меня», — и я, стиснув зубы, пошел в новую атаку. «Фантом» набирал скорость; видать, повреждение крыла было незначительным. Я подумал: «Каждый сбитый самолет — это десятки спасенных жизней, а пока он летит даже с поврежденным крылом, нет спасения от его бомб». Увидев, что я его догоняю, пилот «Фантома» стал быстро снижаться. Я спикировал на него сверху. На этот раз очередь пришлась точно по центру — противник загорелся и стал быстро терять высоту. Одновременно я ощутил, как по всему самолету прошла дрожь. Меня преследовали «Миражи». Очередь одного из них, кажется, задела меня. Я юркнул вниз, пытаясь уйти от преследователей, — слава богу, с самолетом ничего серьезного не случилось. Вместе со мной к земле летел объятый огнем и дымом сбитый «Фантом». Я ловко пристроился к нему поближе, скрывшись в дыму. Черный дым спрятал меня от всего мира. Я попытался сориентироваться, но не смог, мне показалось, что я попал в огромное облако дыма. Мрак окружал меня со всех сторон. Вдруг дым исчез, и я увидел перед собой землю совсем близко. Что есть силы я потянул ручку управления на себя. «Нет, не успею вывести! — подумал. — Это конец!..» Самолет, чуть ли не касаясь брюхом верхушек деревьев, скользнул вниз по склону зеленой горы. На мое счастье, подо мной была узкая долина, но впереди стеной высилась еще одна гора. Са-

молет стал набирать высоту, но мне казалось, ему не преодолеть крутизну склона. Я мчался над деревьями, что покрывали склон горы. Что это было? Кедр или кипарис? Я не знал. Я лишь видел их толстые стволы, которые с каждым мигом приближались ко мне. Когда до макушек деревьев осталось лишь несколько метров, гора оборвалась — я был спасен. Взглянул на высотомер — более двух километров над уровнем моря.

Когда же я взлетел выше, то обнаружил подстерегающий меня «Фантом», который кружил прямо надо мной. Хорошо, вовремя подоспели мои товарищи и, прикрыв меня, дали возможность моей машине набрать необходимую для ведения боя высоту. Хотя моя машина была повреждена, я верил — не подведет она меня. Пока мои товарищи отвлекали «Фантом» на себя, я зашел сзади. Тот рванулся было в сторону и вниз, но я упредил его. Как раз вписал его в прицел и открыл огонь. Раздался взрыв, и горящие обломки посыпались на землю. Тут у меня боеприпасы и кончились.

Главной своей цели мы достигли — план противника был сорван, а несколько его самолетов сбито. Теперь дело лишь за тем, чтобы благополучно вернуться и сберечь самолет. Вести бой я уже не мог. Противник заметил это. Один из «Фантомов» стал преследовать меня. Я начал вилять то вправо, то влево. Мой противник, стремясь лучше прицелиться, повторял мои маневры. Я развернулся вправо, «Фантом» открыл огонь, упреждая меня, тогда я бросил машину влево, но неприятель уже успел перенести огонь в ту же сторону. Противник приготовился уже к тому, чтобы поразить меня наверняка, как я только пойду опять вправо. Я действительно взял крен вправо, чтобы обмануть его, но в следующее мгновение кинул машину влево и, включив полный форсаж, сделал петлю. «Фантом» проскочил мимо надо мной. В это время я уже находился над нашей территорией. Осмотревшись, я убедился, что меня не преследуют. Не знаю, может быть, я от них ушел, а может, они сами меня оставили, решив, что я их заманиваю. Главное же, я благополучно вернулся на свою базу.

На родной аэродром я приземлялся пьяный от радости. Я себя чувствовал новым человеком. От страха или

даже нервного напряжения не осталось и следа. Во мне вдруг проснулось необычайное душевное спокойствие. От такого удачного боя меня охватило что-то вроде тихого восторга. Я рулил по дорожке к ангару, а на моем лице светилась улыбка ребенка. Я был счастлив — ведь мы сумели отразить серьезный налет вражеской авиации. Мы разогнали знаменитые «Фантомы» и «Миражи», мы, самые обычные сирийские летчики, сбили несколько самолетов на наших МиГах.

— Неужели вы даже не волновались, когда встретились в воздухе с более многочисленным противником? — спросил я.

— Конечно, волновался, и еще как! Но это было до боя, — ответил он. — Да это, пожалуй, и не назовешь волнением, скорее напряжением. Ведь в бою забываешь, что такое опасность. Это выходит непроизвольно. Нужно только приготовиться к любой неожиданности, сосредоточиться и собраться, забыть о том, что в тебя целятся, даже если осознаешь это.

Я находился в том состоянии, которое хорошо знает каждый летчик-истребитель, его трудно описать. Это состояние, когда ты балансируешь между жизнью и смертью, но не думаешь об этом, так как весь занят боем, он поглощает все твои мысли. Во время боя есть лишь одно желание — господствовать над врагом. И если вдруг в голове возникнет мысль, то лишь что-нибудь вроде: «Сколько самолетов я собью? Как для этого применить все свое мастерство, которого я достиг?» В такие минуты вычеркиваешь из памяти все земное, остается только небо, распоряжайся им, разговаривай с ним. Забудь обо всех и вся, сконцентрируйся только на воздушном бое, который ведешь, и не чувствуй ничего, кроме него.

Наш собеседник замолчал. Мне показалось, что он, как и мы, увлекся своим рассказом. Было похоже, что, рассказывая о подробностях боя, он переживает его снова. Я взглянул на него, и мне показалось, что я его уже давно знаю. Он был совсем молодым парнем. Приди он ко мне домой вместе с моим сыном, я бы подумал, что он его товарищ по классу. Он прост в обращении и разговоре, но за этой простотой кроется уверенность сильного человека, уверенность, которую он черпает из веры в жизнь.

А ведь совсем недавно он только мечтал о полетах и приключениях! От мальчишеских игр в войну он шагнул в настоящие жестокие сражения. Он быстро стал настоящим бойцом. Вчера он еще был птенцом, а сегодня пух исчез, окрепли крылья, и вот он стал орлом. Но он сам никогда не произносил подобных слов. Он не любил громких фраз...

* * *

Но рассказ не окончен. Я и моя приятельница-журналистка продолжали слушать нашего собеседника. Он рассказывал нам об одном из воздушных боев. Мы не стали записывать рассказ сразу же, как думали сделать сначала, потому что это, безусловно, смутило бы нашего застенчивого героя и наша беседа потеряла бы непринужденность. Поэтому мы только сейчас по памяти изложили нашу беседу на бумаге.

Должен сознаться, что для меня его слова открывали совершенно новый, волшебный мир, о котором я ранее и не подозревал. Поэтому все время, пока он рассказывал о своей деревушке и родных, об учебе и о воздушном бое над Бейрутом, я молча сидел и с интересом слушал. Я испытывал примерно то же ощущение, что читатель, который впервые видит своего любимого писателя и беспрестанно спрашивает себя: «Неужели это он?» Это происходит потому, что мы, прежде чем увидеть любимого писателя, создаем себе его приукрашенный образ. Мы не знаем, каков он на самом деле. Когда же мы наконец видим его, нам кажется, что это не он, а кто-то другой, вовсе непохожий на нашего кумира. Тогда мы начинаем пристально вглядываться в него, стараемся угадать, в чем же кроется его талант, как он раскрывается. Рядом с ним мы чувствуем, что его талант начинает вселяться и в нас, мы заражаемся им и тянемся к тому же совершенству.

Рядом с летчиком меня охватывают те же чувства. Я знаю, что он со своими товарищами участвовал в боях октябрьской войны, не раз вступал в жестокие схватки и побеждал. Он напомнил мне одного моего знакомого, искусного охотника. У того в комнате на стене висели шкуры пяти тигров и двух пантер, которых он сам убил, охотясь в Африке. Тиграми же нашего

собеседника были пять «Фантомов», его пантерами — два «Миража». Теперь эти хищники, обуглившиеся, лежат на нашей земле, над которой их сбили. Мы своими руками трогали, как своего рода музейные экспонаты, куски сбитых самолетов. Но это было не в музее, где они выставляются напоказ для заезжих туристов. Нам показывали их те, кто живет на этой чудесной земле — своей родине, те, кто собрал остатки вражеских самолетов и создал свои домашние музеи.

Я всматривался в лицо летчика и думал. Я пытался обнаружить в нем признак той черты характера, которая, как и благородный металл, идущий на украшение, встречается редко, но именно она порождает смелость и делает стальными нервы. Я спрашивал себя: неужели он не боится? Хотя и знал, что боится, ведь он человек, а людям свойственно бояться. В каждом человеке живет страх, который представляет собой обратную сторону смелости. Но в нем храбрость оказывается сильнее страха, она как бы обуздывает трусость, освобождает себе дорогу и выходит наружу. В такие минуты человек в порыве смелости доходит до безумия, которое похоже на ураган. Во имя родины он обрушивает лавины злобы и ярости на головы врага.

Я вглядываюсь в летчика, и он мне кажется самым обычным нашим гражданином, отзывчивым и приятным. Иногда он замолкает и о чем-то думает. Может быть, о жене, о детях или о матери с братьями. А возможно, он вспоминает, как сажал жасмин у дома, как рисовал пейзажи своего родного края. Может, ему вспомнился его альбом, куда наклеивал картинки самолетов, школа, друзья и старый учитель. Или ему на память пришли слова его брата о великой чести быть летчиком, о мужественности и самоотверженности этого крылатого племени, о величии полетов и красоте летающих машин?

Возможно, он вспоминает свою родную деревню, тихие лунные вечера, когда они накрывали во дворе маленький столик и часами беседовали, а потом целый день работали на своем небольшом участке. Может быть, он вообще ничего не вспоминал, а думал о будущем. Его лицо было спокойным и в то же время решительным. Глядя на него, я видел, что он очень прост и скромен и вместе с тем горд за свою профессию, за свои самолеты. Когда разговор зашел об авиации, он

воспрянул и начал рассказывать о самолете, и в его глазах вспыхнул огонек, который появляется у мужчин, когда они говорят о своей возлюбленной. Он любил самолет так, словно эта крылатая машина была для него одновременно любимой женщиной, семьей и родиной. Когда он рассказывал моей приятельнице о самолете, я молча наблюдал за ним и видел, как он плавно водил руками, описывая крылья и фюзеляж самолета. Движения его рук были неторопливыми и нежными, как будто он обнимал за плечи свою жену или гладил по голове ребенка.

Возможно, любовь человека не самое главное в жизни, но и не самое последнее. Наш собеседник любил авиацию самой настоящей любовью, той, которая объединяет человека с предметом любви раз и навсегда. Он связал свою жизнь с авиацией, в ней он видел смысл своей жизни. Авиация стала для него, подобно жене, верной спутницей на всю жизнь, они вместе составляли нечто единое, у них была общая цель, общее имя, одно и то же назначение в жизни.

Вдруг я спросил его:

— На ваш взгляд, какие моменты требуют от летчика самого большого нервного напряжения?

Он обернулся ко мне, как будто вопрос оказался для него неожиданным и застал его врасплох. Он не знал, с чего начать и что ответить. Но я ждал. Мы все закурили по сигарете и не спеша стали пускать клубы голубого дыма.

Он пододвинул коробку с сигаретами к центру столика, перевернул ее, взглянул на меня. Я продолжал сидеть молча. Моя приятельница, как и я, тоже ждала ответа. Мы не торопились как-то помочь ему и задать другой вопрос.

Однако ответ был готов. Но затруднение состояло в том, что, собираясь ответить искренне, он не мог подыскать слова́, которые помогли бы ему выразить свои чувства. Когда он заговорил, мускулы его лица напряглись, как будто бы он физически подготовился к моменту, который описывал.

— Я не пехотинец и не танкист, — начал он, — но думаю, что нас, всех бойцов, объединяет вот что. Для нас, служащих в различных родах войск, самыми напряженными и нервными бывают моменты непосредственно перед боем. Когда же бой начинается и солдат вступает

в схватку, то он уже не думает ни о чем, кроме своего дела. Он живет боем, становится его частью. В такие минуты нервы как бы отдыхают, напряжение спадает. Мысль ограничивается только боем и работает лишь над тем, как выиграть его. В душе для страха не остается места, страх покоряется и отступает. В такие минуты стрельба и огонь становятся пьянящим хмелем, а дерзость и отвага — сладостной лихорадкой.

— А если говорить именно о летчике?

— Летчик испытывает абсолютно те же самые чувства и то же напряжение. Главное для него — быть в полной готовности и по первому же сигналу тревоги вступить в бой, сохраняя свое нервное напряжение. Однако человек учится и совершенствуется, а вместе с этим снижается его напряжение. Но оно никогда не исчезнет полностью. Например, летчик, ожидающий возвращения из полета своих товарищей, всегда будет испытывать это напряжение не от страха, а от волнения за успешное выполнение боевого задания. То же чувство можно испытывать в тех случаях, когда, например, испортится связь и ты не можешь передать что-то важное, предупредить товарищей на земле, а они ждут.

— А еще когда возникает подобное ощущение напряжения?

— Такие ощущения непостоянны. Они изменяются в зависимости от опытности летчика и ситуации. Но, пожалуй, каждый летчик испытывает в большей или меньшей степени напряжение в отрезок времени между вылетом с базы и появлением самолетов противника. Когда же ты увидел неприятеля и получил указания с командного пункта и от своего ведущего, ты начинаешь чувствовать себя раскованно и свободно, как рыба в воде. Твой самолет в воздухе становится летучей рыбой. И ты должен пустить в ход все свое искусство, которое похоже на умение рыбака выбрать необходимую наживу и поймать как можно больше рыб. В то же время надо соблюдать максимум осторожности и бдительности, чтобы самому не попасться на удочку своих соперников, ведь они тоже используют все свое умение и весь свой арсенал хитрых снастей, чтобы подцепить тебя.

Я молча улыбнулся. Он заметил это и спросил:

— Почему вы улыбаетесь?

— Мне очень понравились ваши слова, ваши рыболовные выражения настоящего морского охотника.

— Морская и воздушная охота очень схожи. Это почти одно и то же. Только наши снасти иные: ракеты, пушки, пулеметы.

— Но как вы ухитряетесь в одно и то же время использовать все это и управлять самолетом, маневрировать? Представляю, какие нужно иметь нервы, выдержку, каким вниманием надо обладать и как надо мастерски владеть всеми этими «снастями».

— Это приходит с тренировкой. И владение оружием, и выбор места, чтобы напасть или отойти, и умение сочетать атаку с прикрытием, удар с маневром — все это приходит со временем. А как важно научиться взаимодействовать с товарищами, выполнять их указания в полете и согласовывать с ними свои действия во время атаки и отхода, четко отдавать приказания и самому выполнять их! Конечно, каждая из этих операций в воздушном бою сопряжена с опасностью, и для выполнения любого из этих действий требуется сочетание смелости пилота с его умением и знанием.

— Одним словом, летчик должен иметь мозг электронно-вычислительной машины, — улыбаясь, проговорила моя коллега.

— Не совсем так. Нужен человеческий мозг. Ведь именно человеческий ум создал электронную технику и подчинил ее себе. ЭВМ даст неверный ответ, если в нее заложить неправильную информацию. Так же и человеческий мозг. Например, наши противники — искусные пилоты, но в них заложили неверную о нас информацию. И мы во время боев дали им это понять. Теперь они знают, что небо принадлежит нам, а не им, как они считали раньше. Они были уверены в том, что они полновластные хозяева нашего неба. Сегодня они знают, что это не так. Небо наше, потому что мы деремся за правое дело, за нашу родину. А им не за что воевать. Да! Каждый из нас хочет воевать. А желание боя испытывает тот, кто прав. Мы победим, потому что победа есть не что иное, как желание бороться у всего народа...

Но я прервал его и извиняющимся тоном сказал:

— Однако давайте вернемся к нашему рассказу. Вы действительно чудом остались живы. Но мы знаем, что чудеса делают воля и мастерство. Ведь был момент, ко-

гда вы, спикировав, атаковали «Фантом», а затем между вами и землей оставалось лишь несколько метров, то есть вы были на краю гибели.

— Я бы сказал, в самом ее центре... Когда меня обволок дым, который шел от горящего самолета противника, я уже было подумал, что очутился в ином мире.

— Однако вы благополучно вернулись в наш мир.

— Мне здорово повезло. И это мне пошло на пользу в следующем бою.

— В каком бою?

— В бою, который последовал сразу же.

— Даже без передышки?

— Я не устал. Удачный бой не утомляет. Мы все вернулись с задания и сразу же попросились лететь снова. Нас не пускали, но мы настаивали. Как же мы обрадовались, узнав, что нам разрешили лететь! Мы были пьяны от счастья, когда садились в самолеты и закрывали кабины. Когда же мы взлетели, казалось, каждый из нас говорил своей машине: «Давай, милая моя! Вперед, моя славная, моя любимая!» А любимая устремилась вверх подобно свистящей стреле. Она была прекрасна, эта летящая машина! Мы как никогда были уверены в ней, ведь мы ее испытали в деле, и вера в нее переполняла нас! Теперь мы ею дорожили и любили ее еще больше. Нам казалось, что это наша собственная душа рассекает синеву небес.

— Но мы знаем только о трех «Фантомах», а что же насчет двух других?

В это время нам принесли кофе. Прежде чем ответить, он выпил кофе. Что-то мешало ему начать говорить, похоже, он пытался припомнить детали. Он хотел быть точным. Того же хотели и мы. Поэтому он не торопился, а мы терпеливо ждали, пока он не начал:

— Второй воздушный бой развернулся над одним из наших аэродромов. Нам сообщили, что звенья вражеских самолетов приближаются к аэродрому с целью его бомбардировки. Мы находились в полной боевой готовности, поспешили к нашим машинам и тут же вылетели наперехват. Как только показались самолеты неприятеля, я поднял свое звено повыше, выбрав для атаки группу «Фантомов». Уже по тому, как шли неприятельские самолеты, почувствовалось, что противник опытен и коварен. Но и

мы были не лыком шиты! Во время тренировок и боев мы тоже приобрели немалый опыт и навыки ведения воздушного боя, научились согласованно действовать. Мы с ведомым выбрали пару, что оказалась ближе к нам. Пропустив мимо «Мираж», который прикрывал «Фантом», и оставив его тем, кто шел за нами, мы устремились к «Фантому». Ведь «Фантомы», имея на борту до пяти тонн бомб, представляли для наших аэродромов наибольшую опасность. «Фантом» начал маневрировать и уклоняться, мы стали делать то же самое. Я разворачивал самолет то влево, то вправо, наконец неприятель попал в прицельную сетку, из которой я его старался не выпускать.

В какой-то момент я почувствовал, что это то мгновение, когда надо производить пуск ракеты. Мне даже показалось, что сама ракета закричала мне: «Пуск!» Я не знаю или, вернее, не могу объяснить, что это такое и как это происходит. Все существо летчика в такой миг становится совершеннейшим прибором, а движения доходят до автоматизма. Создается впечатление, что руки и ноги сами по себе имеют сознание и не нуждаются в голове, потому что разум подчас не успевает оценить обстановку, и тогда координацией действий начинает руководить интуиция. И от мгновенного решения, на которое в условиях воздушного боя уходят доли секунды, зависит все: исход схватки, судьба самолета и жизнь летчика. Бывает, что нет и секунды для того, чтобы принять решение. Кажется, что импульс, посылаемый мозгом к руке, идет чересчур долго. В самое короткое мгновение, похожее на вспышку молнии, мозг почти одновременно срабатывает с рукой, ногой или всем телом. Что за великолепное создание человек, этот живой, удивительный аппарат! Как он разнообразен, точен, совершенен в конструкции, как он сложен и одновременно прост со всеми своими тайнами и загадками! Никто другой не чувствует так остро прочность и гибкость, разум и богатство эмоций этого создания, как ощущает это летчик! Он, как никто другой, обладающий этими качествами, может по достоинству их оценить. Летчик приказывает своим нервам, а те исполняют его приказания и, в свою очередь, подчиняют его воле все необходимые движения и координируют их... Однако я снова отвлекся.

Итак, почувствовав, что момент настал, я произвел

пуск. «Фантом» взорвался прямо передо мной. Одновременно со смертью своего врага я почувствовал прилив новых сил. Однако это длилось мгновение, секунду, а может, долю ее. В следующий миг, сам не знаю почему, поддавшись какому-то внутреннему приказу, я внезапно развернул машину вправо — ракета, пущенная «Фантомом», пронеслась слева от меня. Развернувшись, я увидел неприятеля, постарался подойти к нему поудобнее, чтобы прицелиться, но тот начал вилять. Вместе с ведомым я устремился за ним в погоню. Было похоже на то, что затея противника провалилась: многие самолеты неприятеля повернули назад и стали сбрасывать куда попало бомбы, чтобы налегке набрать большую скорость и уйти. Стало ясно, что противник бежит, понеся потери и отказавшись от своей цели. Победа оставалась за нами. Отступая, неприятель маневрировал и делал обманные движения. Мне не привыкать к хитростям врага. Разгадав обманный маневр одного из самолетов противника, я, круто свернув, пошел ему наперерез и вскоре очутился у него в хвосте. Увидев, что его опередили, «Фантом» прибег к такой уловке. Вместо того чтобы маневрировать или уйти вверх, он решил, создав сильную перегрузку, лишить меня на некоторое время обзора. Для этого он намеревался резко под большим углом развернуться и, проскочив сбоку от меня, зайти мне в хвост или вообще уйти. Но его уловка не прошла. Мы приняли решение одновременно — оба самолета резко повернули в одну и ту же сторону. Таким образом, я снова вышел наперерез противнику. Я направил машину точно в то место, где должна была появиться моя цель. На этот раз я решил не пускать в ход ракету. Она вещь дорогая. А здесь вполне можно обойтись пушкой или пулеметной очередью. Это будет тоже наверняка — ведь он летит точно поперек моего курса, распластав крылья как на картинке. И вот в тот короткий момент, когда руки сами принимают решение, густая, как гребень, очередь прошлась по всему его распластанному силуэту. Меня ослепил взрыв — еще одним «Фантомом» стало меньше.

Это был пятый по счету «Фантом», сбитый мною. В пятый раз я ощутил, как прилив радости наполнил мое существо.

После того как оставшиеся самолеты противника ушли восвояси и скрылись из поля нашего зрения, я вер-

нулся на базу. Вернулся и вместе со своими друзьями снова стал просить разрешения на повторный вылет, чтобы вновь участвовать в схватке. Однако это зависело от командования, ведь оно, как известно, приказывает, а мы выполняем.

Летчик замолчал. Мы тоже хранили молчание, потом закурили.

— Мы вас утомили, — сказала моя спутница извиняющимся тоном, провоцируя продолжение рассказа. — Естественно, вы хотите отдохнуть. Наверное, нам было бы лучше отложить продолжение рассказа на другой раз, но, кто знает, может, нам больше не представится такая возможность.

— Простите, какая возможность? — спросил летчик не поняв.

— Возможность дослушать ваш рассказ о воздушном бое.

Он рассмеялся:

— Да ведь я же вам уже рассказал, как я сбил пять «Фантомов». По-моему, все. Что же вы хотите еще? Чтобы я вам рассказал, как сбивали самолеты мои друзья? Да, я это слышал от них и, конечно, видел сам кое-что. Но на земле мы говорим большей частью о других вещах. Бывает, слушаем рассказы наших командиров. А иногда мы вспоминаем добрым словом наших старших товарищей, которые не вернулись с заданий. Мы чтим память погибших. И в глубине души верим, что те, кто пропал без вести, вернутся. И у нас есть потери, это надо признать. Однако сейчас, когда мы участвовали в боях октябрьской войны, мы потеряли немного самолетов и еще меньше летчиков. Это можно было видеть и по нашим военным сводкам. Наши летчики проявляли чудеса мужества, когда, катапультировавшись из горящих самолетов, они возвращались на аэродром и тут же снова вылетали, чтобы продолжить бои.

— Да, мы слышали и читали об этом, — сказал я.

— Конечно, вы не раз слышали и читали о подобных вещах. Я знаю, что граждане слушали наши сводки и верили им. Зато некоторые из комментаторов наших врагов не скупились на ложь. Это они заявили о том, что израильская авиация одна из сильнейших в мире, и создали миф о непобедимости израильских ВВС. Однако израильские летчики, как говорят в народе, сломали себе хребет в наших небесах, или, выражаясь цитатой из газеты, миф

о непобедимости израильских ВВС разбился вдребезги о нашу землю вместе с бо́льшей частью самолетов. Как пилот, я не признаю недооценки тех или иных факторов в авиации. Наш враг имеет «Фантомы», а поэтому его пропаганда иногда достигала своего и, бывало, нагоняла на некоторых страх.

— Это похоже на историю с копьем легендарного Антары! — прервала его, смеясь, моя коллега.

— А я не слышал этой истории о его копье, — ответил наш рассказчик.

— Легенда гласит, что копье Антары прославилось вместе с его владельцем настолько, что один только вид копья повергал в ужас врагов, и они бежали. Антара сам говорил:

Вы труса пошлите, мое дав копье,
Оно моей славой вепря убьет.

«Фантом» и есть копье Антары.

— «Фантом» не посылают с трусом, — сказал летчик. — Пилот «Фантома» умен и опытен, он горд и высокомерен, потому что уверен в славе и известности своего самолета и в своем мастерстве управлять этим самолетом, поэтому он считает нас ничтожными. Однако мы уже в первых боях сломали это «копье Антары». По мере того как на землю падали сбитые нами «Фантомы», противник узнавал, кто мы такие и что такое наше оружие. Я имею в виду не только то побоище, что мы учинили в небе Дамаска, когда наша противовоздушная оборона и воздушные силы уничтожили только за один день 93 самолета, но и те воздушные бои, в которых, как считают, противник также понес катастрофические потери, потеряв огромное количество самолетов.

— Да, — сказали мы в один голос. — Мы находились тогда в Дамаске и сами видели это своими глазами, картина была поистине незабываемая. Народ не мог усидеть в убежищах, люди выходили на крыши, хлопали в ладоши и кричали от радости каждый раз, когда видели, как падает очередной вражеский самолет. Через несколько дней мы уже отвыкли от налетов. Противник больше не появлялся в нашем небе, и народ скоро забыл о воздушных тревогах.

— Это верно, — сказал он. — Мне доводилось слышать об этом, сам-то я все время находился на аэродроме.

Затем противник изменил свою тактику, он стал остерегаться нашего неба, когда убедился, что оно надежно защищено. Раньше он появлялся в небе целыми эскадрильями для нанесения мощного удара. Однако это имело обратный эффект — мощный удар он получал сам. Тогда вражеские самолеты стали незаметно проникать к нам небольшими группами через бреши в нашей обороне и неожиданно бомбить гражданские объекты, разрушать дома, больницы, убивать невинных людей — детей, стариков, женщин. Но и за это противник поплатился дорогой ценой. Вскоре места его вылазок были замечены. Наши самолеты, поджидавшие его в засадах, оказывали агрессору «теплый» прием, как это было в воздушном бою над Бейрутом и в других схватках над Ливаном и пограничными районами Сирии. Враг получил хороший урок, немногие его самолеты вернулись. Кстати, мы сбили самолетов даже больше, чем говорилось в наших сводках. Не верите? — Он немного помолчал и продолжил: — Я вам это докажу хотя бы на собственном примере. Когда я приземлился после того боя над Бейрутом, я доложил командованию о числе сбитых самолётов. А когда стали просматривать пленку, отснятую во время боя (при ведении огня автоматически начинает работать камера), то оказалось, что я сбил еще один самолет, но сам я этого не успел заметить, а камера зафиксировала. Вести счет сбитым самолетам не так-то уж легко, здесь нельзя полагаться на глаз одного человека, поэтому за этим следят и с КП на земле, и снимается пленка, и летчик сам докладывает, и его командир, что летал, тоже. А затем все это сверяют... И все равно есть люди, которые не верят тому, что сообщается о воздушных боях и налетах. Или вот еще пример. Мы с вами говорили о том катастрофическом для противника дне, когда над Дамаском сбили 93 его самолета. После этого по обнаруженным остаткам самолетов противника выяснилось, что количество сбитых самолетов дошло до 107. Да таких примеров много. Я вспомнил еще, как однажды мы сообщили о том, что в одном из боев в окрестностях Дамаска мы сбили 12 машин противника, а затем кто-то нашел неподалеку в горах еще два обгоревших остова израильских самолетов. Так что те, кто думает, что в наших сводках завышаются потери противника, ошибаются.

— Простите, — сказал я, — вы говорили о том, что

сбитые самолеты фиксируются на пленку и она не ошибается. А как же вы объясните тот факт, что количество разбившихся самолетов иногда оказывается больше того, которое заносится в наши сводки?

— Это тоже установлено. Известно, что некоторые пилоты противника катапультируются еще до того, как их самолеты подлетают к цели. Жители Дамаска не раз наблюдали такие эпизоды, об этом писали и иностранные корреспонденты. И, естественно, покинутые пилотами самолеты падали и взрывались.

На этом месте наш рассказчик, наверное, счел, что наша беседа окончена. Он собрался уже было встать, потянулся одной рукой за пачкой сигарет, а другой — за синим летным беретом, когда моя приятельница, смотревшая что-то в своем блокноте, подняла голову и проговорила:

— Простите, пожалуйста, у меня последний вопрос. Мы слышали начало вашего рассказа. Но в погоне за интересными подробностями рассказа мы, по нашей рассеянности, совсем забыли о его конце. Поэтому мы не можем вас отпустить, не услышав ответа на этот наш вопрос.

— Как? — смеясь, изумился летчик. — Что же вы так долго берегли этот вопрос?

— Здесь у меня, — сказала она, показывая блокнот, — он дожидался своей очереди, мы его не забыли, просто откладывали на конец.

— Почему же?

— Потому что это особый вопрос!

— Пожалуйста! А он случайно не о моих семейных делах? В этой области, боюсь, для вас ничего не смогу найти интересного.

— А может быть, вопрос о делах более деликатных, например, сердечных? — пошутил я.

— Нет, нет! Ни в коем случае! — закричала моя приятельница, замахав на меня руками. — Это ты, может быть, приберег подобный вопрос. У меня же вопрос совсем иной.

— А что? Подобные вопросы запрещены? — спросил летчик. — Я могу и на него ответить, правда, ничего особенного сказать вам не смогу. Моя жизнь поделена поровну: одна половина принадлежит моей жене, другая — моему самолету. Моя жена — учительница. Жи-

вем же мы дружно, душа в душу, в небольшом домике, но в полном достатке.

— Это хорошо, — проговорила моя приятельница. — Мы от души рады за вас и желаем вам всех благ и самого большого семейного счастья. Но мой вопрос, кстати, я вам обещаю, что он последний, не имеет ничего общего с вашей семейной жизнью. Он касается только вас. Мы заметили, что у вас повреждена нога и вы хромаете. Я знаю, что это случилось в результате несчастного случая. И мне бы хотелось, чтобы вы немножко рассказали об этом. Вы ведь сбили два «Миража», но до сих пор и словом о них не обмолвились. Так расскажите же нам, как и где это произошло. Но прежде всего что вы скажете насчет другой чашечки кофе или чая?

Он отказался и от того и от другого, но взял предложенную мною сигарету.

На улице светило ослепительно яркое солнце. Своими лучами оно, казалось, уходило далеко за пределы хрустальной чаши небес. Он подошел к окну и засмотрелся в синеву неба. Как он тосковал по нему, как стремился туда, в свой безбрежный воздушный океан, где он был полновластным хозяином, как летучая рыба в море!

Помолчав немного, он спросил:

— Почему вы так хотите, чтобы я рассказал о «Миражах»?

— Потому что вы сбили два.

— Но разве вам недостаточно того, что я рассказал о пяти сбитых «Фантомах»?

Нам стало ясно, что сбитыми «Фантомами» он гордится больше, а к «Миражам» относится с меньшим вниманием и интересом. Может быть, нам это лишь показалось. Мы не спросили его о причине такого отношения к этим самолетам и промолчали.

Он начал не спеша, положив свою руку на больную ногу:

— Это произошло во время одного из последних полетов, незадолго до прекращения огня. Наши самолеты вылетели на задание. Они должны были атаковать бронетанковые части противника, пробирающиеся к горе Джебель-Шейх, где наши захватили и удерживали важнейший наблюдательный пункт неприятеля. Он был взят нами еще в первые дни войны.

Задача моего звена состояла в том, чтобы прикрывать наши бомбардировщики. Неприятель тем временем высаживал десант. Вертолеты сбрасывали десант прямо с воздуха, а бронетранспортеры, карабкающиеся по склонам, обеспечивали наземный десант. На земле и в небе разгорелся жестокий бой. Для солдат противника, надо сказать, этот поединок оказался столь же плачевным, как и для летчиков во время воздушного боя над Дамаском и его окрестностями. Наши войска сбили одиннадцать десантных вертолетов из двадцати двух. А каждый из вертолетов нес от 50 до 60 человек или даже больше. Не меньше израильских солдат погибло и на земле. Об этом вы можете спросить наших отважных бойцов, что вели этот кровавый бой на Джебеле-Шейхе.

Мое звено вступило в бой в половине второго. Помню, наши бомбардировщики отбомбились, и я велел им скорее отходить, потому что приближались «Миражи». Сам же я, набрав высоту, устремился навстречу приближающемуся противнику. Вскоре показалась четверка «Миражей». Я шел встречным курсом, они были уже в пределах досягаемости огня моего звена. Но вдруг в этот момент другая четверка «Миражей», вынырнув из-за Джебеля-Шейха, зашла нам в тыл. Раздумывать не было времени, и я вошел в крутой вираж, оставив появившиеся передо мной самолеты противника в стороне и пытаясь уйти от тех, что были сзади. В довершение всего появился еще и «Фантом», который не давал мне уйти или развернуться для атаки. Мы были окружены. Я услышал в наушниках голос моего ведомого, пилота самолета, прикрывающего меня. Он просил меня уйти под его прикрытием и оставить его одного принять на себя весь удар. Так не раз случалось в октябрьскую войну — человек жертвовал собой ради спасения товарища. Я отказался, решив, что лучше погибнуть, сражаясь вместе, чем бросить товарища на верную гибель. Я попытался развернуть самолет так, чтобы можно было открыть огонь, но при этом мой самолет становился хорошей мишенью для тех, кто шел сзади. Улучив удобный момент, я все-таки развернул самолет. В прицеле промелькнул силуэт вражеского самолета, шедшего впереди других. Но этого мгновения мне хватило, чтобы поразить цель. Я видел, как израильский пилот катапультировался, а самолет, объятый пламенем, пошел вниз. Я тут же поспешил вывернуть самолет в исходное положение, и сделал

это вовремя — несколько ракет, не поспев за моим крутым виражом, прошли мимо, а может быть, просто противник плохо прицелился.

Вскоре сзади опять появился противник, и я снова стал мишенью. Я нырнул вниз, уходя от преследователя, и внизу, на фоне земли, увидел «Мираж». Его летчик заметил меня поздно. Я прицелился, нажал на гашетку. За правым крылом «Миража» потянулся шлейф белого дыма, через секунду взорвался бак с горючим. В следующее мгновение мой самолет подбросило. На этот раз мне не удалось уйти — в меня попали. Самолет загорелся. Я не стал дожидаться, пока он взорвется, рванул ручку катапульты и очутился в воздухе.

Я спускался, а вокруг меня свистели пули — внизу шел бой. Но уже недалеко от земли в парашют попал и продырявил его то ли осколок, то ли пуля. Я полетел вниз камнем, как будто свалился с крыши многоэтажного дома.

От падения я потерял сознание. Я не помню, как подоспели наши солдаты и подобрали меня. Когда разобрались в том, что я сирийский летчик, поспешили доставить меня в госпиталь. Там я пришел в себя, словно спящая красавица после долгого сна. Повреждения оказались несерьезными: перелом левой ноги, ушибы лодыжки, вывих ступни и незначительная травма шестого позвонка. Так что в постели я провалялся недолго. Потом стал проситься, чтобы выписали и разрешили летать. И вот я перед вами, живой и здоровый, как и прежде.

— С той только разницей, что стали героем Сирийской Арабской Республики, — сказали мы, взглянув ему на грудь.

— Этот орден надо дать всей республике, пусть гордится им, как горжусь я. Его получили многие мои товарищи летчики. Они заслужили его и достойны звания героя. Я знаю и других, тоже настоящих героев, причинивших врагу немало хлопот, но судьба их обошла — не получили они орденов... — Он улыбнулся и сказал: — Но у них все впереди. Мы, конечно, хотим мира, но воевать будем, чтобы освободить наши земли и восстановить наши законные права. Мы добьемся этого и победим. Справедливый мир, за который мы боремся, настанет.

Мы поднялись, чтобы попрощаться, и я, не удержавшись от еще одного вопроса, спросил:

— А каковы ощущения летчика в первом бою?

Он весело похлопал меня по плечу и лукаво сказал:

— Почему вы спрашиваете? Уж не хотите ли сами стать летчиком?

— О, если бы я мог! Но посмотрите на меня, мой друг, ведь я уже не двадцатилетний парень, я уже запоздал для этой профессии. К тому же я писатель, и мое оружие — перо. Конечно, в случае необходимости и я могу взять в руки автомат, это долг каждого гражданина. Уметь воевать — дело чести для мужчин.

— И женщин тоже! — воскликнула моя приятельница немного обиженно.

— И женщин тоже, разумеется, — согласился я. — Я спрашиваю об ощущениях в первом бою, потому что это даст писателю возможность уяснить многие вещи, конечно, если ему помогут описать это состояние другие, те, кто сам испытал это.

— Ну что ж, пожалуйста. В первом бою, а вернее, перед боем у летчика учащается пульс, пересыхает горло, напрягаются нервы. От такого внутреннего напряженного состояния он как бы становится другим человеком, способным видеть все под собой, даже муравья. Когда же появляется неприятель и летчик вступает с ним в бой, он возвращается к своему нормальному состоянию. Во втором бою волнение уже заметно спадает — пилот начинает привыкать. А затем он просто влюбляется в небо, в свой самолет, находит упоение в воздушном бою.

— Я знаю, — сказал я, — вы очень любите свой самолет...

— И очень верю в него, — перебил он меня. — Разве вы не об этом хотели меня спросить? Мы верим в нашу технику, в наше оружие, в нашу подготовку и доверяем нашим командирам. А из боев октябрьской войны мы извлекли массу полезного, узнали тактику противника, еще лучше стали владеть оружием...

* * *

Светит яркое солнце, а высоко в голубом небе, как рыбки в море, плавают самолеты. Иногда блеснет в лучах солнца серебряный бок самолета, ну точь-в-точь че-

шуя рыбы. Мы стоим задрав головы, не в силах оторвать взор от веселого хоровода этих рыб. Мы вспоминаем нашего друга, летчика-героя, рассказавшего нам эту историю. Того самого человека, что был так застенчив, терпелив и любезен с нами, того самого летчика-героя, что, презирая смерть, отважно и беспощадно дрался с врагом.

Абд ар-Рахман аль-Хамиси

ДОРОГА

Река — не река,
коль она не прорубит дорогу в скале,
а ветер — не ветер,
когда он, распластанный,
спит на земле
в то время,
как жаждут его поцелуя ланиты цветка...
И тьма не отступит,
покуда заря не поднимет войска!

ГАГАРИН В МОЕЙ ДЕРЕВНЕ

*

Лети в даль высот
и в полете своем
безмолвие космоса преодолей.
Ты первым сквозь небо
прошел напролом
высоким порывом советских людей.
Пред тайнами мира бесстрашный в пути,
вписал в небеса огневую строку,
и тайна,
что долго жила взаперти,
выходит на свет, подчиняясь витку!

*

Гагарин!
Покорив недостижимое,
шагнув туда,
в грядущие века,
ты — первый,
кто сумел необозримое
глазами охватить издалека.
Так, начиная необыкновенную
страницу, знаменующую век,
широкое окно —
во всю вселенную!
открыл для Человека
Человек.

*

Для нас, когда вернулся ты назад, —
как будто расступилась мгла ночная.
Светил жасмин,
и тонкий аромат
весенний ветер нес,
благоухая.
Гитара нашей нежности
светло
звучала песней русскому герою,
и птицею вставала на крыло
мелодия над солнечной Землею.

13*

*

В нашей деревне царит волненье,
обеспокоен каждый феллах:
как передать ему
все поздравленья?
Как пронести его
на руках?
Увидеть его,
пожать ему руку,
расцеловать
и в конце концов —
в крепких объятиях убаюкать
и увенчать короной цветов!..

*

Ребенок пристает ко всем подряд:
— Неужто ОН —
такой же, как и все мы,
тот самый,
о котором говорят,
о ком слагают песни и поэмы?! —
Смеются старики,
смеется мать:
— Конечно, он такой же,
только смелый —
и храбрости ЕМУ не занимать
ни у Земли,
ни у вселенной целой!

*

А сумерки были подобны серебряной шали,
и наша деревня светилась невестой полей,
и несколько женщин
веселый огонь разжигали:
привычно спешили,
чтоб ужин сготовить скорей.
Но, все позабыв,
захотели услышать сначала
о сказочном чуде,
которому тесно в дому,
и девушка, мне незнакомая,
тихо сказала:
— Я косу отрежу —
пошлите в подарок ЕМУ.

*

А в лоно неба
вторгся теплый вечер,
бродил себе по улицам впотьмах,
и дух земли
мешал апрельский ветер
с дымком костров,
горящих на холмах.
Любой из нас от счастья
лучезарен
был в те минуты.
Люди шли и шли,
чтоб расспросить —
какой же он,
ГАГАРИН,
и помечтать о будущем Земли.

*

Мы на холме сидели и молчали,
и в каждом — чувства новые звучали,
и тут один старик махнул рукой нам,
Когда же мы приблизились к нему,
то голосом, от времени скрипучим,
сказал он, и в молчании тягучем
слова звучали веско и спокойно:
— ЕГО я видел
в собственном дому!

*

Признаться, были мы удивлены:
должно быть, «видел» —
в переносном смысле...
Но молодо светилась ясность мысли
в дремучем взгляде из-под седины.
Не обманувший в жизни никого,
он и сейчас нисколько не смеется...
...Сосед сказал:
— Когда герой вернется,
барашка я зажарю для него.

*

А старец продолжал рассказ неторопливый:
— Я видел дивный сон:
как будто наяву

среди густых садов,
неслыханно красивый,
вздымается дворец,
в котором я живу.
Однажды поутру,
бродя аллеей сонной,
под сенью тишины
сумел заметить я,
что лестницей в цвету,
прозрачной и зеленой,
с небесной вышиной связуется Земля.

*

Как молния — тот миг,
умчавшийся куда-то...
Но я узнал ЕГО,
спешащего к Земле,
и ОН был окружен
дыханьем аромата,
и поцелуи солнц
горели на челе.
Из уст ЕГО лилась
восторженная песня,
которую ОН пел,
когда летел в зенит —
о жизни, о стране,
где счастье полновесно,
где каждый человек делами знаменит.

*

И ОН сошел в мой сад,
мгновением подарен,
и я ЕГО встречал,
как любящий отец.
И мы пошли вдвоем,
я и живой ГАГАРИН,
сквозь сумеречный сад
в торжественный дворец.
Веселые пиры бокалами звенели
до самого утра
в честь гостя моего,
над ним звучали все
весенние свирели,

и ласково цвели
фиалки вкруг него.

*

Когда он уходил
дорогою обратной
к себе в далекие
московские края,
мне сердце обожгло
печалью необъятной —
как будто провожал
родного сына я.
Дни радостные встреч...
Когда они настанут?
— Не забывай, что ждем,
что не забыли мы,
что по тебе вовек
грустить не перестанут
зеленые поля,
долины и холмы.

*

Я золотой халат принес ему
и розы,
сплетенные венком, на голову надел.
Я гостя провожал и, вытирая слезы,
возненавидел свой безрадостный удел.
Затеяв новый день,
в окно заря стучала,
и я открыл глаза,
поднялся
и потом,
припоминая все —
от самого начала,
вдруг понял невзначай,
что это было сном...

*

Рассказчик вздохнул,
оборвав свою долгую повесть.
Потом он сказал:
— У меня в сундуке есть мука,
и мне бы хотелось в ближайшее время —
ну то есть

хоть завтра —
гостинец послать ему
от старика.
Он вновь замолчал
и добавил,
подумав немного:
— Теперь-то я знаю,
что я на Земле — не один,
и в сердце сливаются
гордость,
любовь
и тревога:
все кажется мне,
что ГАГАРИН —
и вправду мой сын.

ПРОЩАНИЕ

Как разбитая лодка
на старом причале,
у барьера прощанья
стою до конца,
и невольные
горькие слезы печали
размывают черты дорогого лица.

А любовь
все живее в крови колобродит;
ее очи надежды полны и тоски.
Но минуты торопят,
дорога уводит
к самолету, на поле
всему вопреки.

Ухожу, исчезаю, заранее зная:
слезы высушит ветер —
ему не впервой,
но меж ребер останется рана сквозная,
что для чуткого сердца страшней ножевой.

Жизнь моя,
тебя ветры кромсают на части,
но я буду отныне, невзгодам назло,
петь об утреннем солнце,
дарующем счастье,
чтобы людям
и в сумраке
было светло!..

ПРИ ОТЪЕЗДЕ

1

Когда покидал я Отчизну,
где сердце мое зажжено,
прощальным платком трепетало
в руке моей грусти оно.
И так перед горькой разлукой
была беззащитна душа —
как слабое тело ребенка
пред гибельной сталью ножа.
О Родина! —
Всей своей кровью взываю к тебе, —
о мечта!..
Какою мучительной болью
слова обжигают уста!

2

Как покинуть Египет,
тебя,
о судьбы моей сад,
о деревья, которые Нил осеняли веками,
о невзгоды мои,
что доныне под сердцем болят,
кости предков
и песни детей,
что звенят ручейками?!
Озаренное солнцем,
прошедшее виделось мне
половодьем цветов
в ослепительных рощах зеленых,
где звучат поцелуи плодов,
и всегда по весне
шелестит ветерок,
словно ласковый шепот влюбленных.
Садом, пьющим хмельное вино
золотистой зари,
рисовалось мне прошлое.
Ночь приходила к порогу,
и на ветках вселенной
горели ее фонари,

кораблю волшебства
освещая во мраке дорогу.
Ночь мечты...
А теперь —
преступлением стала она:
сапогами убийцы
растоптаны хрупкие травы,
и в саду,
где недавно царили любовь и весна,
словно дикие звери,
костры заплясали,
кровавы.

3

О горящие ветви,
о флейта,
налитая болью печали!
Расставанье,
крича полуночной совой
среди дня,
защемило мне сердце,
догнав на последнем,
на горьком причале
и, как старые корни из почвы,
рванула его из меня.

4

О берег Отчизны, прощай!
Уезжаю далеко.
Желаньям своим вопреки —
уезжаю, скорбя.
Я знаю,
что будет мне так без тебя одиноко,
как если бы стал я
ничтожной частицей себя.
О берег Отчизны!
Глаза мои, полные горя,
целуют Египет
и древнее небо над ним.
Все шире меж нами
граница соленого моря.
Эпоха жестока.
И все-таки мы победим!

5

О берег Отчизны!
Там — дети мои остаются
и сквозь расстоянья
глядят и глядят на меня.
Их слезы горючие
жгучими струйками льются
сквозь ребра мои,
как частицы живого огня.

6

Уходит корабль.
За чертой горизонта
в печали
остался причал,
его смыли туманы давно,
но берег Отчизны —
он там,
на прощальном причале,
и волнам забвенья
его затопить не дано.

7

Что ждёт меня зá морем,
там, на далекой чужбине?
И сколько в разлуке протянется весен и зим —
не знаю.
Но память наполнена будет отныне
тобою, о Родина,
ликом пресветлым твоим.

8

Прощай, уезжаю.
Со мною в заветной тетради
стихи Пентаора из Фивы,
поэта-борца,
который когда-то
грядущего времени ради
свободы красу
средь людей прославлял до конца.

9

Прощай, уезжаю.
Но верю, что, с бурями споря,
воспрянет страна моя,
сплавится как монолит.
Все шире меж нами
граница соленого моря.
Эпоха жестока.
И все же народ победит!

ЛЕНИН

Ты встаешь небывалым,
высоким рассветом
над громадами строек
полпредом весны,
и улыбка твоя переполнила светом
детвору всех республик Советской страны.

Слышу, как, напоенное радостной новью,
твое сердце пульсирует в шаре земном.
Вижу — руки твои
прижимают с любовью
континенты и страны в порыве живом.

День рожденья вождя
общей песнею вспенен.
Сколько славных имен прославлялось людьми,
но вовек не объять имя краткое —
ЛЕНИН
даже самой огромной поэмой любви!

Жарким словом своим увлекая народы
на большие дела, на святую борьбу,
ты идешь, и идут легионы свободы
за тобой,
распрямляя, как знамя, судьбу.

Слышишь? — Рвутся империализма оковы
молодыми руками бесстрашных борцов,
тех, чьи гордые лица светлы и суровы —
это смена
погибших за правду отцов.

Время знало немало различных учений,
что манили к себе человека во мгле,
но священнее
ЭТОГО
для поколений
никогда не бывало еще на Земле.

День рожденья вождя
общей песнею вспенен.
Сколько славных имен прославлялось людьми,
но вовек не объять имя краткое —
ЛЕНИН
даже самой огромной поэмой любви!

МОСКВЕ

Поэма

1

Голос флейты
(а может быть, голос судьбы моей)
пел
о печали моей и надежде,
о мраке и свете,
пел о детстве, которого я никогда не имел,
и о юности, той,
что оплакана в самом расцвете,
об отчаянье, пламенем бьющем наружу,
о том,
как стремительный шторм
изломал мои весла на части,
о моем одиночестве
в море соленом, крутом,
где звереют ветра
и трещат корабельные снасти.

Пела флейта о юности,
пьющей печали до дна,
об исчезнувших днях,
что текли среди зноя и жажды,
о ночах, проведенных без крова и сладкого
сна,
о заре,
что потерянным ласково дарит однажды
шаль свою,
от которой в нелегком и долгом пути
излучается свет,
помогая дорогу найти.

Флейта пела о юности,
пьющей печали до дна,
и о взрывах вулкана в душе моей,
пела о боли
и о бунте тоски —
как оружием стала она,
об отчаянье,
ставшем цементом расслабленной воли.

И о море,
в сраженьях с которым я стал моряком,
вырывая у тьмы
молодые рассветные стяги.
Я бросался на копья —
и волнам и скалам знаком
терпкий вкус моей крови,
настоянный солнцем отваги.
Мне по нраву,
по сердцу крутая стихия борьбы.
Стала боль моя флейтой надежды,
поющей о чуде.
Я прошел этот путь,
ничего не прося у судьбы,
лишь бы завтрашний день
озарял вас,
хорошие люди!

Я прошел этот путь,
и мне дороги раны его —
эти тысячи жизней,
что встали отныне навеки,
знаменуя победу,
высоких идей торжество,
по обеим его сторонам,
как ярчайшие вехи.
И от имени всех,
кто в боях захлебнулся в крови,
от сынов моей родины,
живших на свете недаром,
о Москва,
ты прими эту песню глубокой любви,
что плеснулась из самого сердца
чистейшим нектаром!

2

В горле флейты
душе распахнувшейся тесно.
Но весомо пульсируют в сердце слова,
и восходит широкая,
вольная песня
о тебе,
удивительный город — Москва.

Миллионоголосая и молодая —
золотые мелодии солнцем полны, —
поднимается к небу она,
утверждая
славный подвиг народа
великой страны.

О, несите в Москву, ветры Африки милой,
поцелуи — на щеки ее и глаза,
всю любовь —
с неизбывной, ликующей силой,
что не сломит в пути никакая гроза.
Песня льется,
как вешние в поле побеги.
В ней,
широко расправившей крылья свои,
все пути, все невзгоды мои и победы,
весь народ мой,
все боли его и бои.
И рубцы его ран,
что горят орденами,
и дома Порт-Саида, и море вокруг,
и набухшая кровью земля под ногами —
все в торжественном гимне воскреснуло
вдруг.
Синеокое утро со щебетом светлым,
и вечерней зари океанский поток,
и дорога,
и парус, истерзанный ветром,
с полуночною жизнью за хлеба кусок.

Не твоей ли рукой отодвинуты беды,
о Москва,
озарившая правду во мгле!
Раны города стали созвездьем победы,
что горит на его просветленном челе.

О Москва,
в непридуманной песне привета —
вся страна моя,
вставшая над темнотой
до небес голубым водопадом рассвета,
и поля,
что пшеницей звенят золотой.

И река среди древнего синего дола,
что, как сердце,
в ликующем теле жива,
города и заводы, поселки и села —
это все моей песни земные слова.

3

Крылья света над морем цветов
бьются птицей зари.
О волнующий свет,
ты мне многое нынче напомнил! —
как я с тьмою сражался, взывая к светилу:
— Гори! —
чтоб живительный сок
до краев мою душу наполнил,
чтобы раны предательств
на теле усталом моем,
словно мать,
целовала заря в обновленной лазури.

Я пою,
и давнишняя боль порастает быльем,
и дыханием флейты
становятся давние бури.
Ну а песни —
мне с ними,
как с первой любовью, тепло,
и мечта улыбается,
ласковым чувством согрета,
и твое, о Москва,
озаренное славой чело —
самый яркий из символов
неугасимого света.
Ты весеннего ветра поток,
полнозвучный запев,
поднимающий ввысь, над Землею,
творца — Человека,
и встает Человек
и, рабочую робу надев,
зажигает в ночи маяки небывалого века.
Крылья света над морем цветов
бьются птицей весны,

голубыми крылами
зеленый простор обнимая.
Континенты и страны
торжественно превращены
мановением крыл
в молодые сады Первомая.

В тех садах тени павших,
как спелые ветви, густы,
шелестят ветерки незабывшихся
воспоминаний,
и сердцами героев
встают, распускаясь, цветы,
и веселые птицы
торопятся с весточкой ранней.
Праздник мира, весны,
и мечты, и труда,
клятва рук пролетариев,
слитых борьбой воедино.
И недаром Земля
этот праздник встречает всегда
в подвенечных одеждах
цветущего буйно жасмина.
О Москва!
Ты — одна, но у каждого в сердце — своя.
И наследники павших,
плечисты и ясноголовы,
твое имя над Африкой
стягом несут сыновья,
разрывая в куски
ненавистные людям оковы.

Сколько раз ты вставала из пепла,
невзгодам назло!
И недаром веками
глядит, изумляясь, планета
на твое озаренное вечною славой чело —
как на символ свободы
и самого яркого света.

И от имени всех,
кто в боях захлебнулся в крови,

от сынов моей родины,
живших на свете недаром,
о Москва,
ты прими эту песню глубокой любви,
что плеснулась
из самого сердца
чистейшим нектаром!

ПИРАТЫ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

1

Они
громче всех говорят
о правах человека,
с высоких трибун
выступая полпредами века.
Но снятся ночами
любителям легкой наживы
алмазные копи
и золотоносные жилы.
И дремлют в гранатах — запалы
и в ампулах — яды,
надежные средства —
чужие присваивать клады.
Душители правды,
пираты двадцатого века,
когда они громко кричат
о правах человека,
тогда — без сомненья —
себя они ждать не заставят:
возьмут автоматы
и бомбы напалмом заправят,
придут за кордон как хозяева:
им не впервые
лопатами жадности
выгрести недра чужие.
Кровь Нгуаби,
на троне свободы пролитая гордо!
Права человека
убийцей усвоены твердо:
над ним распростерты
«права» всевозможных
концернов —
чужое хватать,
как тушенку из банки консервов.

2

О правах человека —
вещают убийцы Линкольна.

По какому же праву
в Ливане устроена бойня?!
О бесстрашия древо,
о вера закалки дамасской,
о громада горы,
что воскреснула древнею сказкой!
О Джумблат,
когда ветвь твоя с дерева жизни упала
на священную землю отчизны —
она не пропала;
ее кровь пропитала горючие камни Ливана,
и взошла твоя боль,
закричала смертельная рана,
а над нею,
над болью,
как вето — на уровне века —
бойкий «Голос Америки»
плел о правах человека.

3

О правах человека!
Как дикие звери, клыкасты,
феодалы навек
затвердили права своей касты,
но для нас не секрет:
чем белее манишка свободы,
тем чернее земля,
заковавшая рабством народы.
Вот опять о свободах
затеяла басни газета...
А в Гарлеме,
в Нью-Йорке,
кричит негритянское гетто...

4

К Латинской Америке,
к шахтам, богатым рудою,
стекаются люди.
И вот уже пахнет бедою!
На лицах у них
не спеша почивают улыбки,
но вы им не верьте:
уж слишком серьезны улики!

Убийцы Линкольна,
я их узнаю по походке.
Цилиндры и фраки сменили они на пилотки,
на френчи,
и вот уже небо в тревоге,
и черные тени
огромно легли на дороги.
И вот уже выстрелы,
запах отравленной гари,
и небо в огне,
и земля в раскаленном кошмаре.
А призраки мимо и мимо,
как будто в тумане...
И бомбою
грохает ложка
в стеклянном стакане!
...О чудо-земля,
и глазами, и станом, и ликом,
О ты, что спокойно дышала
в пространстве великом!
Ребенка зари
ты, как мать, на ладонях качала,
и не было в песне твоей
ни конца, ни начала.
Прими мой поклон,
о мое несказанное чудо!..
Но кто эти люди,
зачем они тут и откуда?
Гляжу — и немею, и сердцу становится больно —
пираты двадцатого века,
убийцы Линкольна,
крича о правах,
попирают чужие пороги,
и черные тени
ползут и ползут на дороги.

Мурид аль-Баргуси

ЗАТМИЛИ НЕБЕСА СЛЕПЫЕ ПТИЦЫ...

Стучащий во врата ночного мрака,
кто он такой?
Несет ли он ответ
на вечные вопросы всех живущих?
Несет ли дело,
смерть
или порыв?
Несет ли он в ладонях предсказанье?
Главы ль своей отрубленной оскал?
Во сне я видел стаю птиц слепых,
они несли на крыльях письмена
на языке неведомом.
Я видел,
как ликовал непобежденный враг
(и спрашивал с надеждою отец:
не враг ли это, нами пораженный?),
и зеркала.
Повсюду зеркала.
Лишь зеркала со всех сторон.
В их гранях
отец являлся.
Образ многократно
дробился в синих призмах, оставаясь
моим отцом единственным...

А рядом
над площадью пустынною чернели
немыслимых конструкций очертанья.
Мне страшно.
Я иду по скользкой кромке
и плачу,
и оплакиваю землю,
над коей я столь хрупко вознесен,
что существую лишь в воображенье.

И вновь тянулся сон.
И вновь отец
стучал у двери посохом дорожным.
Но вот в долине, стиснутой горами,

раздался грохот
каменной лавины,
обрушился стремительный обвал,
ломая на пути своем деревья
айвы, маслин, инжира, миндаля...
И кто-то обезумевший, ослепший
вбежал в деревню,
и, ломая руки,
рыдал, и посылал проклятья небу,
беззвучным криком обжигая рот.
Где хижина несчастного?
Лишь клочья
раскиданной соломы. Да ружье
висеть осталось на поникшей ветке
айвы столетней. Все мертво кругом.
Ни пастухов...
Ни стад...
Ни родника...
Затмили небеса слепые птицы.
Я слышу голос старого отца:
его угрозы, вопли, бормотанье,
что множатся в бесчисленных повторах
бессмысленного эха.
Человек,
ослепший, обезумевший, бежит,
стучит, стучит в закрытые ворота...
В зияющих глазницах черных окон
лишь лебеда
да пыльная полынь.

В растоптанной долине Палестины
спят люди над останками колодцев,
в бурьяне. И откуда-то плывут
глухие звуки
песни погребальной.
И выстрелы короткие звучат.
И меж стволов убитые белеют.
И длится ночь.
А утром в том же сне,
все в том же нескончаемом кошмаре
слепая птица
с белыми глазами
на дерево садится осторожно,
устав бродить средь мертвых и цветов...

Даруй нам путь во мраке и оставь
нас по нему брести толпой усталой.
Нет! Не оставь нас милостью твоей
на гребне стен,
где гибель ожидает.
Затмили небеса слепые птицы.
Летят... Садятся...
Вновь летят... Садятся...
И вновь летят...
Летят... Летят... Летят...
Убитые белеют меж стволов.
Все больше их...
Все больше... Больше... Больше...

ТЮРЬМА

Нас голод тяжкой глыбой придавил...
Распахнутыми в ужасе глазами
мы видели, что Родина распята
рабыней на подмостках торгашей.
И трижды ржавый колокол звонил,
на торжище позорное скликая.
Зажатые в шеренгах солдатни,
стояли мы и видели воочью
кощунственный спектакль:
грозя мечом,
над нашей головою занесенным,
нам громко оглашали текст закона,
в толпу швыряя лживые слова.
Мы — зоркое, всевидящее око,
мы — руки, что протянуты к огню,
чтоб выхватить из пасти раскаленной
тоску людей,
их песни,
жизнь и хлеб.
Мы — голод, нагота и нищета
родной земли,
но мы — цветы и песни,
поля и труд,
стихи, зерно и пот.
Гласит закон:
молчите и терпите,
потуже затяните пояса
для Родины.
Страшитесь ослушанья
во имя Родины.
И наконец,
во славу Родины отдайте жизни!
Но гул тогда пронесся по толпе,
и замолчал испуганный глашатай.
И раздалось в звенящей тишине:
мы — Родина!
Оставьте ваши басни
и россказни о грозном божестве.
Народ не запугать
и не отсрочить
вам неизбежной кары за грехи!
Мы — Родина!

А вы забыли стыд,
протягивая алчущие руки,
чтоб вырвать у голодного кусок.
И мы во имя Родины должны
к ним припадать с лобзаньем и слезами?
Нет, Родина — не плеть над головой,
чтоб мы под нею головы склонили,
не ямы свежевырытых могил,
куда вы нас мечтаете упрятать.
Мы — Родина!
Мы — светлая мечта,
что бьется за решеткой каземата,
как в тесной клетке запертая птица.
И близок час, когда растает мрак!
Оплакивает дерево рейхана
судьбу народа,
но в его руках
грядущее побегом зеленеет!

СОДЕРЖАНИЕ

Булатные струны. М., «Молодая гвардия»,
Б90 1978.
224 с. с ил.

Книга, объединенная общей темой, состоит из двух частей. Первая часть — публицистические заметки журналиста А. Агарышева — своего рода хроника десятилетия, ознаменованного многими острыми событиями на Ближнем Востоке. Вторую часть сборника составили произведения современных арабских писателей, показывающих, как живет народ в это десятилетие испытаний. Раскрытию темы помогают графическая серия Ю. Селиверстова и подборка документальных фотографий.

И(Араб.)

Б $\frac{70500-046}{078(02)-78}$ 275—77

ИБ № 694

БУЛАТНЫЕ СТРУНЫ

Редакторы **Св. Котенко, Л. Левко**
Художник **Ю. Селиверстов**
Фото **А. Агарышева** и информационных агентств
Художественный редактор **А. Степанова**
Технические редакторы **В. Савельева, Н. Чеснокова**
Корректор **Г. Трибунская**

Сдано в набор 11/V 1977 г. Подписано к печати 2/II 1978 А05824. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага № 1. Печ. л. 7 (усл. 11,76) + 8 вкл. Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 100 000 экз. Цена 65 коп. Т. 1977 г., № 275. Заказ 835.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и ти графии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

65 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

